

Обложка худ. С. Пивинскаго.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Настоящія воспоминанія касаются заключительнаго періода гражданской войны — борьбы с большевиками в восточной части Россіи.

В серединѣ 1918 года отряды русских офицеров и добровольцев, поддержанные плѣнными чехословаками, свергли иго большевиков на востокѣ Россіи и в Сибири.

Образовалось много мѣстных правительств: в Самарѣ—Комитет членов Учредительнаго Собранія, в Уральскѣ—Казачье Правительство, в Оренбургѣ—Оренбургскій Казачій Круг, в Екатеринбургѣ — Уральское Горное Правительство, в Омскѣ—Сибирское Правительство, а так же в Читѣ, в Харбинѣ, в Владивостокѣ и на Дальнем Востокѣ.

Начавшееся на первых порах успѣшное освобожденіе Восточной Россіи от ига большевиков к концу 1918 года потерпѣло ряд тяжких неудач и вся мѣстность, называвшаяся «территоріей Учредительнаго Собранія» оказалась в руках большевиков (Сызрань, Самара, Хвалынск, Вольск, Уфа). Правительства вновь отошедших мѣстностей к большевикам, эвакуировались в Омск, в столицу Сибирскаго Правительства. Это послѣднее в лицѣ Совѣта министров передало 18 ноября 1918 года всю полноту власти адмиралу Колчаку, как Верховному Правителю и Верховному Главнокомандующему.

Борьба продолжалась. Но ни высокія личныя качества адмирала Колчака, этого крупнаго русскаго патріота, человѣка большого ума и образованія, ни героическіе подвиги соратников адмирала Колчака, ни ненависть большинства населенія Сибири к приверженцам интернаціонала не дали перевѣса в борьбѣ с большевиками противникам послѣдних.

Главными причинами неудачи антибольшевистскаго движенія в Сибири были: отсутствіе твердой власти, безжизненность организаціонной работы Сибирскаго правительства и безучастное отношеніе к этому движенію народных масс.

Рѣшительную роль в катастрофѣ бѣлаго движенія в Сибири сыграли и процесс полнаго разложенія чехо-словацких винских частей и борьба политических партій в тылу бѣлых армій и неоказаніе реальной помощи со стороны «союзников».

1919 год будет проклятым для Россіи годом, болѣе проклятым, чѣм два его предшественника, ибо он видѣл, как невѣроятныя ошибки власти и отчаянно-скверное управленіе фронтом свели на нѣт всю борьбу за спасеніе Россіи от краснаго ужаса.

Ближайшим послѣдствіем этого положенія было паденіе 15 ноября 1919 г. Омка, столицы Сибирскаго правительства, а затѣм стремительный отход бѣлой арміи на восток.

Послѣ паденія Омска чехословацкіе полки, жившіе постоянной мыслью выѣзда из Сибири, ринулись на восток, ничего не видя, кромѣ опасенія за свои жизни и за вывозимое из Россіи золото и товары, правдами и неправдами захваченными ими на Волгѣ, Уралѣ и в Сибири. Безконечной лентой между Омском и Новониколаевском вытянулись эшелоны с бѣженцами, санитарные поѣзда, направляющіеся на восток. Однако, лишь немного эшелонов успѣло пробиться до Забайкалья — всѣ остальные безнадежно застряли в пути. Много женщин,

дѣтей и безпомощных стариков умерло от истощенія, стали жертвой сыпного тифа и было перебито озвѣрѣвшими красными. Многим удалось спастись.

С одной стороны настигали большевики, с другой лежала безконечная ледяная Сибирская тайга, гдѣ не было ни крова, ни пищи. В то же время свыше 2000 вагонов, занятых чехо-словацким корпусом и вывозимым им имуществом благополучно добрались до Владивостока. Там чехам предоставлены были транспорты «союзниками».

Иная судьба постигла бѣлую армію и несчастных бѣженцев, эта трагическая судьба и служит содержаніем печатаемых воспоминаній.

Стефанія Витольдова-Лютык

На восток...

Воспоминанія времен Колчаковской эпопеи в Сибири в 1919/1920 г.г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ORIENT" — РИГА

Ул. Свободы, 36 Почт. ящик 566 Тел. 21645

Эта книга напечатана
въ типографіи „Vārds“
Рига, Плавучая ул. 24

Воспоминанія посвящаю дѣтям покойнаго князя Константина Владиміровича Путятина, с которым мы пережили много тяжелых минут.

Хочу хоть таким образом исполнить его просьбу дать знать его дѣтям о послѣдних минутах жизни их отца.

Дневник князя, переданный мнѣ, я должна была уничтожить (иначе отобрали бы большевики), — пусть мои воспоминанія послужат послѣдней нитью, связывающей князя с его дѣтьми.

В них посылаю «послѣднее прости» князя его женѣ и дѣтям.

Великій сибирскій путь отъ Омска до Байкала.

Бѣгство из Омска

Эшалонная обстановка. Встрѣча с князем. Сдача Ново-Николаевска большевикам. Положеніе иностранцев в Сибири.

В ноябрѣ 1919 года муж и я жили в двадцати верстах от г. Омска, занимаясь сельским хозяйством. Тихо и мирно протекали дни вдали от городской сутолки. Время от времени приходилось ѣздить в город за покупками, и тогда поражала нас суматоха и нервное состояніе, какое царило в столицѣ Сибирской Республики. Тревожныя вѣсти о неудачах на большевистском фронтѣ приходили все чаще и чаще. Говорилось о кровавых расправах большевиков с оставшимся населеніем, с бѣженцами, настигнутыми в дорогѣ, и плѣнными. На смѣну этим страшным свѣдѣніям приходили болѣе утѣшительныя и мы, успокоенные, возвращались домой, гдѣ жизнь наша вступала опять в свою колею. Помню снѣжный вѣтренный день, когда за окнами нашего маленькаго домика остановился верховой, подав письмо моему мужу. Наши хорошіе знакомые сообщали нам, что возможна сдача Омска большевикам и поэтому знакомые предлагали мѣсто в своем вагонѣ, чтобы дать возможность и нам двинуться на восток — туда, куда тысячи людей убѣгали, ища защиты от звѣрств большевистских банд. Уложив вещи, мы двинулись в город. В степи по дорогѣ шли люди, одѣтые в солдатскія шинели. Каждый из этих содат-фронтовиков спѣшил до-

браться домой до прихода большевиков, бросая фронт на произвол судьбы, забывая о своем долгѣ солдата. Одни из этих дезертиров, наслушавшись большевистских бредней, шли домой, гдѣ потом с распростертыми объятіями встрѣчали большевиков, стараясь зарекомендовать себя ярыми коммунистами. Другіе, видя, как пустѣют ряды сѣрых шинелей, как разлагается армія, как расправляются большевики с плѣнными, бросали винтовку и грязные окопы и в безотчетном страхѣ уходили с фронта, пробираясь окольными путями на восток полузамерзшіе и голодные. Мнѣ страшно было смотрѣть на эти движущіяся шинели, казалось, что в каждом человѣкѣ выражалосъ злорадство и непріязненное отношеніе к нам «буржуям». При въѣздѣ в город уже начали попадаться многочисленныя группы людей, направлявшіяся от города в снѣжныя поля.

У наших знакомых царил переполох. Каждую минуту открывались входныя двери, впуская бѣлый столб морознаго воздуха а за ним новоприбывшаго с новыми свѣдѣніями. Складывались вещи, дѣлались запасы на дорогу, хотя никто не вѣрил, что уѣзжает надолго, а может и навсегда. Всѣ еще вѣрили в силу Колчаковских войск, вѣрнѣе, говорили о каких то американских, англійских и японских полках, слѣдовавших якобы с востока на фронт на помощь Колчаку. Надѣясь на силу иностранных штыков, думали, что Омск не станет добычей большевиков. Хотѣлось вѣрить в эту легенду о какой-то могучей рукѣ, способной отвратить грозу надвигавшуюся с запада. Не раз приходило желаніе вернуться домой, в свое уютное гнѣздышко, чтобы в зимніе долгіе вечера сидѣть в теплой комнатѣ, прислушиваясь к завыванію вѣтра в степи. Скрѣпя сердцем присоединялись мы к мнѣнію наших знакомых, что оставаться нельзя, т. к. опасность со стороны большевиков еще не миновала. «Вы ничего

не сдѣлали им злого, вы были всегда внѣ политики, но вы буржуи, этого достаточно для большевиков, ищущих в каждом интеллигентном человѣкѣ новую жертву для удовлетворенія своей ненасытной классовой ненависти», говорили наши знакомые. Начались поѣздки в вагон, устройство этого временнаго нашего убѣжища. Знакомые наши Малиневскіе получали полвагона для себя, полвагона для служащих и их семей. (Малиневскій служил в одной из типографій). Семья Малиневских состояла из пяти человѣк. Он—лѣт 30, жена его, Юрик, их сын, 5-мѣсячный ребенок. Мать Малиневскаго, старушка энергичная, добродушная, полная розовых планов на будущее и дочь ея, сестра Малиневскаго, дѣвица лѣт 32, без памяти любившая брата. Был и шестой член семьи, это старая няня Ляли (уменшительное имя Малиновской) нянчившая теперь маленькаго Юрика.

12 ноября.

Морозный ноябрьскій вечер. Мы сидим в столовой за столом и ждем Малиневскаго, который должен узнать, что будет с Омском. Нервы приподняты у всѣх. Смѣемся, шутим.

«Колчак покинул город», произнес Малиневскій, входя в комнату.

Итак завтра в путь неизвѣстный и, может быть, далекій!!

13 ноября.

Вещи уже отправлены на станцію. Послѣдній стук затворяемой двери и мы садимся в санки. Сердце сжалось. Нас вперед звала заря спасенья, горѣвшая гдѣ то на далеком востокѣ, а потому нельзя было терять драгоцѣннаго времени на размышленія: «ѣхать, не ѣхать!»

Город представлял печальное зрѣлище. Люди ѣхали, бѣжали озабоченные. В глазах одних я читала страх, в других—апатію ко всему. Люди спѣшили ѣхать и идти, временами формировались

цѣлые обозы и вся эта масса двигалась на станцію. Там и сям валялись трупы лошадей, которыя представляли из себя скелеты. Нѣкоторыя из них лежали уткнув нос в пучек сѣна, который заботливый хозяин бросил им, оставляя животное на произвол судьбы. Мы в вагонѣ-«теплушкѣ», перегороженной на двѣ части: в одной семья Малиневских, а в другой мы и остальные пассажиры. Я и муж заняли мѣсто около окна на верхних нарах. Повѣсили большой кусок картону, отдѣлившій нас таким образом от сосѣдей. Получилась маленькая комнатка, гдѣ можно было лежать, — с трудом сидѣть. На верхних нарах рядом с нашей комнатой помѣщались два наборщика типографіи, бухгалтер, помощник Малиневскаго. Внизу—один австрійскій плѣнный Чесик Хмѣль, знакомый Малиневских и два брата К.

Обѣд сварили на печкѣ, стоявшей посрединѣ вагона. Малиневскій и муж поѣхали в город сдѣлать послѣднія закупки провизіи. Малиневскій вскорѣ вернулся, но без моего мужа.

Об'явили нам о скором отправленіи поѣда. Спускался зимній вечер. Затихал говор и шум около эшалона, всѣ ждали с минуты на минуту отправленія эшалона, а мужа все не было. У меня явилось предчувствіе, что с мужем случилось что-то. Это предчувствіе не обмануло меня. Малиневскій был вызван кѣм то в город и через час вернулся с мужем, который, как оказалось, был арестован одним колчаковским полковником, принявшим мужа за завѣдующаго складами типографіи и требовавшаго от него сдачи таковых. Только согласіе полковника на увѣдомленіе Малиневскаго спасло мужа от ареста. Малиневскій раз'яснил пьяному полковнику, что в данном случаѣ произошла ошибка.

Ужин в непривычной для нас обстановкѣ. Разговор не умолкает.

Пріѣхал к нам в вагон злополучный завѣдующій складами. Таким образом наша вогонная семья еще увеличилась. Сидѣли до полночи, попивая чай, дѣлясь своими впечатлѣніями.

14 ноября.

Рано утром почувствовали мы, как наша теплушка двинулась с мѣста, застучали колеса. «Мы ѣдем», в один голос крикнули мы, как будто среди нас были такіе, которые не вѣрили—что мы дѣйствительно поѣхали. Но коротка была наша радость, поѣзд прошел только 8 верст и остановился. На наш вопрос, почему не ѣдем получили отвѣт, что пути заняты по «четному» и «нечетному». Цѣлыя ленты поѣздов стояли перед нами. Уныло потянулись часы, сон отлетѣл, а в душу закралось безпокойство. Жадно выслушивались всѣ свѣдѣнія, приносимыя нам прибѣгавшими из города жителями и солдатами. Каждый был напуган взрывом моста, выстрѣлами в городѣ и разсказывал ужасы.

Вечер. Ѣдем дальше. Станція Калачинская. Поѣзд замедляет ход. Мы лежим в своей комнаткѣ и прислушиваемся к тому, что творится в вагонѣ. Кто то громко разсказывет, что большевики заняли г. Омск сегодня в 10 час. утра, т. е. через четыре часа послѣ нашего выѣзда. *

«Омск горит» услышали мы голос вошедшаго в вагон Хмѣля. Мы начали поспѣшно одѣваться и выходить, чтобы убѣдиться в правотѣ его слов. Нашим глазам представилось ужасное и в то же время красивое зрѣлище. Ночь была тихая, свѣтлое ясное небо, милліарды звѣзд, мигавшія гдѣ то

---

* 15го ноября 1919 года красная армія обошла с сѣвера Омск, бывшую столицу Сибирскаго Правительства, и бѣлыя войска покинули линію рѣки Иртыша. Омск был сдан При этом были уничтожены многотысячные запасы снарядов, патронов и пороха. (Прим. редакц.)

в глубинѣ небеснаго свода, а на западѣ все небо было красное и краснота эта была неровная. Мѣстами красные, как кровь, языки, трепеща простирались в небо, а мѣстами темныя полосы дыма с темно алыми отблесками пламени смѣшивались и тоже неслись дальше, дальше от этой грѣшной земли.

«Небо краснѣет от пролитой на замлѣ крови» подумала я, всматриваясь в это окровавленное небо и стараясь уловить, что говорилось вокруг нас. «Большевики стрѣляли по всему городу, а теперь подожгли его со всѣх сторон» говорил какой то солдат. «А ты откуда знаешь так подробно?» «А я в послѣднiй момент убѣжал. Еще войска не было, а большевики в одиночку уже раз‘ѣзжали—видимо мѣстные. При мнѣ и мост бѣлые взорвали, а большевики пришли совсѣм с другой стороны. «А с какой? А много их было»? послышались вопросы, на которые солдат не успѣвал отвѣчать. Я слушала и думала о всѣх тѣх, кого оставила в Омскѣ.

Небо трепетало и темныя тѣни дыма уходили в небесную даль. Муж влѣз на вагон, предлагая и нам сдѣлать то же, т. к. наша теплушка имѣла лѣстницу, ведущую на крышу, гдѣ было виднѣе. Но мнѣ казалось, что за этими домами, скрывавшими от нас часть кроваваго неба я увижу то, что никогда не хотѣла бы видѣть, что то ужасное, никогда незабываемое. Казалось, что я услышу отчаяные крики и стоны со стороны огневой завѣсы. Слышны были глухiе выстрѣлы, повторявшiеся все чаще и чаще. Кто то крикнул, что может быть пороховые погреба загорѣлись в Омскѣ. Всѣ ухватились за эту мысль и казалось нам, что вмѣсто Омска найдем руины, обгорѣвшiя одинокiя трубы, свидѣтельствующiя о том, что здѣсь жили люди, которых ужасная смерть неожиданно вырвала из среды живых.

Тысячи мыслей самых ужасных тѣснились в головѣ, пока голос мужа не вывел меня из оцѣпенѣнiя. Вернулись в вагон. Через нѣсколько

..нут поѣзд тронулся, унося нас дальше от кроваваго облака. *

25 ноября.

Ѣдем дальше. Поѣзда идут двойными рядами по четному и нечетному пути. Цѣлая лента черных паровозов у красных вагонов-теплушек. Можно было встрѣтить и классные вагоны, но это преимущественно были или какой-нибудь штаб или санитарные поѣзда.

Уже полторы недѣли, как мы в дорогѣ,

Дни тянутся сѣрые, унылые, похожіе один на другой. Когда мы ѣхали, когда слышался стук колес и я, сидя у окна, смотрѣла на мелькавшіе перед моими глазами кусты, дома, тогда приходили свѣтлыя мысли, как мечты крылатыя, ясныя: я видѣла Владивосток, а там широкій морской простор, горячее солнце, зовущее к жизни, красивыя страны и, наконец, Литва—цѣль нашей дороги. Там давно уже ждет отец своих любимых сыновей (моего мужа и его брата), до сих пор не зная, живы ли они. В эти минуты все казалось легко исполнимым, казалось, что скоро мы будем во Владивостокѣ. Когда же поѣзд останавливался и стоял цѣлыми днями, то тогда охватывала нас такая тоска, что хотѣлось бѣжать куда-нибудь, скрыться от этой непрошенной гостьи. А останавливался наш поѣзд

---

* Союзные бѣлому движенію полки формировались из военноплѣнных Германской Компаніи: чехо-словаков и поляков. Ими было захвачено огромное количество подвижнаго состава; так, за тремя чешскими дивизіями (около 50 т. человѣк) числилось свыше 20,000 вагонов. Сформированная из бывших военно-плѣнных французской миссіею польская дивизія захватила свыше 5,000 вагонов Никакія силы не могли заставить „союзные полки“ вернуть вагоны и паравозы. Дѣло дошло до того, что распоряженіе и распредѣленіе классных вагонов принадлежало штабу французскаго генерала Жанена.
(Прим. редакц.)

не только на станціи, иногда на цѣлую недѣлю стоял в полѣ, гдѣ не было ни капли воды. Носили снѣг и варили чай. День начинался с ранняго чая, который должен быть сварен ночным дежурным вагона. Обязанности такого дежурнаго сводились к тому, что он всю ночь поддерживал огонь в желѣзной печкѣ и не пускал никого в вагон. Я любила дежурить, т. к. только тогда было просторно в вагонѣ. Можно было мыться, стирать бѣлье. С непривычки пухли руки и слѣзала кожа, но нужно было научиться все дѣлать самой. Может быть, и нас ждет совѣтская школа жизни. Столовались мы с Малиневскими. Обѣд обыкновенно готовила мать Малиневскаго. Обѣды были ея гордостью; дѣйствительно, таких вкусных щей и борща я никогда нигдѣ не ѣла. Но нельзя было допустить, чтобы все время готовила добрая старушка т. к. печка, находилась против дверей, и варившая обѣд легко могла простудиться.

Рѣшено было готовить по очерди. В первый же день моего дежурства старушка Малиневская объявила голодовку, объясняя нам свой поступок тѣм, что, вѣроятно, ея обѣды никому не нравятся и потому мы отстранили ее от ежедневнаго дежурства на кухнѣ. Нам едва удалось успокоить и убѣдить старушку, что совсѣм иныя причины побудили отказаться от ея вкусных обѣдов. Весь вагон любил старушку и нас забавляло ея постоянное, но добродушное ворчаніе, на которое никто никогда не обращал вниманія. В этом ворчаніи было все: нареканіе на капусту, что долго варится, а всѣ навѣрное голодные, бѣдный же Дюнэк (ея сын) навѣрное падает в обморок и то, что Ляля сама кормит ребенка, а не дает ему хлѣба и супу, и поѣзд стоит и погода плохая и т. д. Но стоило кому-нибудь из нас сказать, что обѣд вкусный, как у старушки являлось великолѣпное настроеніе. Ей всегда казалось, что Ляля недостаточно внимательна к мужу,

и что Дюнек плохо выглядит и голоден. А в дѣйствительности каждый бы позавидовал настроенію Малиневскаго.

Дни шли за днями. Мы безнадежно стояли в полѣ. Женщины занимались домашним хозяйством, т. е. пекли булки в желѣзной печкѣ, стирали, починяли бѣлье, варили, жарили, а мужчины рубили дрова, носили воду; если же поблизости не было воды, а надо было для паровоза, то носили снѣг мѣшками и сыпали в тендер.

Это была мучительная работа: много, много мѣшков со снѣгом уходило в эту черную пропасть, когда же снѣг стаивал, оказалось, что гдѣ-то на днѣ тендера лишь немного воды.

Вечером часто приходил комендант эшалона и стуча в дверь кулаком кричал: «взять оружіе! лечь в цѣпь на насыпь и быть на чеку». Мужчины одѣвались и выходили. С нами оставался только один. В такіе вечера часы тянулись долго, долго.

Никто не спал, всѣм дѣлалось как-то не по себѣ, разговор не клеился, да и не хотѣлось прерывать этой нѣмой тишины. Я сидѣла в своем уголкѣ и смотрѣла в окно, в снѣжную даль.

А ночь молчала, слышно было только как вѣтер несет снѣг. Мнѣ так хотѣлось уловить хоть один звук, напоминавшій о том, что наши близкіе тут с нами.

Иногда удавалось услышать сдержанный кашель и даже шопот. Дѣлалось как-то отраднѣе на душѣ, слыша знакомый голос.

Мужчины по очереди приходили грѣться, а мы тревожно спрашивали: «Слышно ли что-нибудь»? «С какой стороны идут большевики?» «Холодно ли?»

Дров не было, а морозы были сибирскіе. Нужно было учиться красть на станціях шпалы, дрова, заборы, но скоро и на станціях не оказывалось запаса топлива. Люди все таки не терялись и во всем находили выход. Однажды, под'ѣхав к

одной большой станціи, мы увидѣли как пассажиры нашего эшалона тащут громадныя бревна и толстыя доски. На наш вопрос «откуда» отвѣтили «кипятильник ломают». Мы пошли в указанном направленіи и вскорѣ увидѣли, что на том мѣстѣ, гдѣ был кипятильник, т. е. дом, построенный из огромных бревен, стояли одиноко труба и печь с котлами. Стѣны разобрали по вагонам и онѣ исчезли в черных отверстіях теплушек, там же исчезло желѣзо с крыши и потолок. Каждый тянул столько, сколько мог. В пять минут от кипятильника осталось одно только воспоминаніе.

На другой день, по приказанію нашего коменданта поѣзда, был разобран громадный цейхгауз и все в один миг было сложено на крыши вагонов и тендера. Дѣлались запасы, т. к. предполагали стоять снова в полѣ гдѣ топлива нѣт. На мѣстѣ цейхгауза стояли только четыре столба. Так разрушалось в пять минут все то, что созидалось недѣлями, мѣсяцами.

10 декабря.

Скоро уже мѣсяц, как мы в дорогѣ. Казалось бы, далеко должны быть, а в дѣйствительности подвигаемся черепашьими шагами. Боязнь быть отрѣзанными большевицкими бандами, рыскавшими в окрестностях, вдоль жел. дор. пути, приходила все чаще и чаще. Запасы истощились, надо было подумать о новых. Впереди вставал призрак голода. Рѣшено было послать Чесика Хмѣля (австрійскій плѣнный, знакомый Малиневских, ѣхавшій все время с нами) в Новониколаевск за провизіей, но с тѣм, чтобы он ждал на станціи Новониколаевск, т. к. мы надѣялись все таки через день, два быть уже в Новониколаевскѣ. Но наши надежды обманули нас, сегодня уже пятый день, как уѣхал

Чесик, а мы все время стояли в полѣ. Напрасно мы радовались сегодня ночью, что нас повезли. А повезли нас, как курьерским «навѣрное и ближайшую станцію проѣдем» смѣялись мы и никто не спал от охватившей нас радости, но недолго длилось это веселое настроеніе, т. к. нас везли только от раз'ѣзда Колчугина до станціи Чик. И теперь снова стоим и переживаем тяжелыя минуты. Тревожныя вѣсти доходят со всѣх сторон. Слышим, что большевики в 30 верстах от нас, то слышим, что они пришли из Колывани, перерѣзая желѣзнодорожный путь, захватывая таким образом в плѣн цѣлые эшалоны. Что было с этими несчастными плѣнными, извѣстно только им и их палачам.

Тянутся унылые часы, сыпятся мѣшки со снѣгом в тендер, жгутся трехдюймовыя доски, тают наши запасы, а с ними тает и надежда на спасеніе. Вечером слушаем пѣніе помощника Малиневскаго, разговариваем, пробуем даже шутить, а мысли надоѣдливыя стучатся в мозг, «уѣхать бы дальше, не сидѣть в этих тѣсных теплушках», а напряженный слух, вмѣсто пѣнія, старается уловить всѣ звуки за этими дощатыми стѣнами теплушки. «Не ѣдет ли кто? Не стрѣляет ли?»

Наступает день, несущій с собой едва мерцающій слѣд надежды на лучшее. Но жизнь безжалостна не только к нам, она иногда показывает нам во всей наготѣ страданія чужих людей и таким образом заставляет нас забыть, хоть ненадолго, о своих невзгодах.

Помню свѣтлый, солнечный день, наш поѣзд стоял в степи. Я только что вернулась с прогулки т. е. ходила около вагона, пользуясь случаем, что нечетный путь около нашего поѣзда был свободен. Я радовалась, что вырвалась из душной теплушки и вдыхала всей грудью морозный свѣжій воздух. Но вскорѣ вдали увидѣла черное чудовище, подвигавшееся по нечетному пути. Пришлось вернуться

в вагон, т. к. рядом с нашим эшалоном остановился санитарный поѣзд. Через нѣсколько минут послышался несмѣлый стук в двери нашей теплушки. «Войдите» отвѣтил муж, стоявшій около дверей. Никто не отозвался, а стук повторился едва слышный нерѣшительный. Мы открыли дверь и увидѣли вмѣсто человѣка,—скелет в солдатской зеленой шинели. Из рукава выглядывала исхудалая рука, которая поднялась было внутрь вагона, но потом тяжело опустилась на пол теплушки и мы услышали едва слышный шопот «хлѣба, дайте хлѣба». И скелет снова закачался, как бы от сильнаго вѣтра. А на блѣдном молодом лицѣ выразилась мука. «Умираем мы всѣ, уже третій день ничего не ѣли». Ляля подала ему кусок хлѣба и мяса, а он шатающейся походкой направился к своему поѣзду.

Я «поднялась» в свою «комнату» на второй этаж и снова заняла свое мѣсто около маленькаго окна. Взглянула на стоявшій рядом поѣзд и сейчас же спрятала голову, чтобы не видѣть той жуткой картины, какая представилась моим глазам. На буферах и площадках вагона были сложены голые трупы один на другом и завязаны веревкой, чтобы во время хода поѣзда не свалились. Трупы, застывшіе в разных позах со скрюченными пальцами, с головой откинутой назад, со стеклянными бездушными глазами.

Около поѣзда не ходили, а ползали солдаты, исхудавшіе от тифа и голода. Их распаленный мозг не отдавал отчета в том, что они дѣлали. Ползали, ѣли снѣг, просили ѣсть, и когда получали хлѣб от пассажиров нашего поѣзда жадно ѣли и, почти не жуя, проглатывали. Их вѣроятно ждала такая же участь, как тѣх, которые были привязаны к буферам. И это колчаковская армія, о которой до сих пор писали, что она «планомѣрно отступает». Отступает в иной мір—«потусторонній»,

а от большевиков бѣжит пока хватает сил. Она умирает не на полѣ брани со штыком в рукѣ, а от грязи, тифа и голода хворает, мучается, а потом тѣла ея бойцов бросают в большую яму, едва прикрытую снѣгом.

Когда вспоминаю об этой встрѣчи, то сердце щемит какая то жалость к тѣм, которые так мучились. Как сейчас вижу это блѣдное безусое лицо и глаза... глаза голоднаго звѣря и в то же время столько мольбы и муки было в его взглядѣ.

Старушка Малиневская вынесла суп в котелкѣ, отдала солдату, стоявшему вблизи нашего вагона. Как он жадно ѣл, как благодарил, разсказывал, что уже три недѣли хворает. «Сначала еще было хорошо, доктора были, сестры, санитары, а теперь? Теперь весь персонал болен, оставшіеся здоровыми 2 санитара и сестра оставили наш поѣзд, не имѣя больше сил оставаться в этой движущейся могилѣ. А нам некому принести ѣсть. Мертвые лежат в вагонѣ, надо их вынести, но некому думать об этом. Нас вши заѣли, грязь».

Его шипящій шопот звучит и теперь в моих ушах. Слушая его, нам казалось, что он бредит.

Помощник Малиневскаго пошел в санитарный поѣзд отнести больным пищу и посмотрѣть, насколько правдивы слова солдата-разсказчика. Вернулся взволнованный и сказал:

«Не ходите туда! Наша помощь ничто. Если бы вы видѣли, что там творится... В нѣкоторых вагонах больные лежат в три этажа. Много таких слабых, что не могут двинуться с мѣста. Болѣе сильные на третьих полках. Насѣкомых масса, ползают по одеждѣ, одѣялам. Нѣкоторые больные отбывают свои естественныя потребности в вагонѣ на своих постелях, а в вагонѣ находятся 40 человѣк.

Многіе уже умерли и пока что лежат там, гдѣ и больные. Персонал весь болен. Доктор больной

тифом в легкой формѣ разсказал мнѣ, что они со дня на день ждут прибытія поѣзда в Ново-Николаевск. Там есть надежда оставить тяжело больных и будет назначен новый персонал для сопровожденія санпоѣзда. Там они получат продукты, а теперь запасов никаких. Что будет с ними, не знаю!» — закончил помощник Малиневскаго.

Санитарный поѣзд тронулся.

Замелькали пред нами грязныя окна классных вагонов, унося с собой больных и мертвых и туши замороженнаго человѣческаго мяса, привязанныя к буферам. От'ѣдут нѣсколько верст, будут снова стоять в степи, снова выползут едва живые люди и будут просить ѣсть и спасти их.

А потом выкопают яму, сбросят туда голые трупы, засыпят снѣгом и дальше повезет поѣзд свои жертвы и будут расти на широких сибирских степях одинокіе курганы, так называемые могилы без'именных солдат.

12 декабря.

Никто почти не спал сегодня. Ночь казалась длинной, длинной. Начальник нашего эшалона сказал, что мало надежды на дальнѣйшее продвиженіе. Дорога занята даже зз Новониколаевском. Сотни эшалонов стоят, дожидаясь очереди на отправку. * Одним словом, образовалась «пробка» нѣт времени ждать ея разгрузки, т. к. большевики в 30 верстах. Стоим опять в степи.

---

* Главными, если не единственными, виновниками всего этого непередаваемаго ужаса были чехи.

Вмѣсто того, чтобы оставаться на своем посту и пропускать бѣженцев и санитарные поѣзда, чехи силою отбирали паровозы. Болѣе пятидесяти процентов, имѣющагося в руках чехов подвижнаго состава, было занято под запасы и товары, правдами и неправдами пріобрѣтенными ими на Волгѣ, Уралѣ и в Сибири. Тысячи русских граждан, женщин и дѣтей были обречены на гибель ради этого движимаго имущества чехов. (Прим. редакц.)

Помню безбрежное поле, в 50—60 шагах от пути нѣсколько кустиков чернѣющих, как грязное пятно на бѣлоснѣжной скатерти. Поѣзда стоят в два ряда; из каждаго паравоза клубится дым, а около вагонов люди озабоченные, нервные. С каждой стороны желѣзнодорожнаго пути двигаются обозы. Здѣсь автомобили-грузовики и легковые, и санки большіе и маленькіе. Городскія, сытыя лошади и худыя загнанныя. Мужчины, женщины, дѣти сидят на своих узлах, чемоданах, на боченках с маслом. Я стою около дороги и наблюдаю эту необычайную картину. Вот ѣдет старик с громадной сѣдой бородой, держит на колѣнях внука, мальчика лѣт девяти; на носу дрожат очки, готовые каждую минуту свалиться. Дѣд ни на что не обращает вниманія. Его глаза впились в листок газеты и он с нетерпѣніем читает тѣ строчки, которыя часто несут нам желанную надежду. Какое впечатлѣніе вынес он от чтенія, не знаю. Проѣхал этот старичок мимо.

Ѣдет баба с дѣтьми. Вожжи держит дрожащими, замерзшими ручонками мальчик лѣт двѣнадцати, тѣсно прижавшись к продрогшей сестренкѣ, лѣт 9—10. А баба, повязанная громадным платком обнимает самаго младшаго ребенка, причитает и плачет. Вѣрная Сивка везет их в невѣдомую даль. Измученная, голодная идет она в обозѣ, не желая отстать от других, предчувствуя своим благородным лошадиным сердцем, что если отстанет, то не услышит голоса своей хозайки и маленьких друзей своих. И плелась она едва, едва, таща свои усталыя ноги.

А теперь ѣдут санки, нагруженныя больными солдатами, по четыре человѣка лежат в санях. Полузамерзшіе, в своих тонких шинелях, покрытые рогожей, они ѣдут, пока по одному не сбросят их в яму, или положат в санитарный поѣзд. Нѣкоторые спят, а вот у этого бородатаго старика взгляд

устремлен в лазурное небо. Может быть он молится? За кого? За свою ли грѣшную душу, или за тѣх, кого оставил в родной сторонѣ и которых никогда уже не увидит. Видно, что он забыл о злѣ и смерти, т. к. по лицу расплывается улыбка умиленія, а в широко открытых глазах дрожит слеза, как капелька росы в ясное лѣтнее утро. Много, много таких трогательных картин мелькало перед нашими глазами и все это еще больше прибавляло отчаянія, когда мы сидѣли среди снѣжной пустыни и ждали, что пошлет нам судьба. Ночью, прижавшись к мокрому окну и всматриваясь в ночную тишину я видѣла то же зрѣлище. Так же ѣхали люди, не зная отдыха, забыв о снѣ.

13 декабря.

Утро вставало туманное, как бы нехотя вставало солнце, изрѣдка освѣщая землю своими благодатными лучами. Мы, не спавшіе всю ночь, рѣшили сегодня купить лошадей и присоединиться к общей массѣ, двигавшейся на восток. Муж и Малиневскій чутъ свѣт пошли искать лошадей в сосѣднюю деревню, лежавшую на запад от нашего мѣста стоянки. Два часа дня. Никто еще не притронулся к пищѣ. Вещи наши были уже сложены и мы ждали мужа и Малиневскаго. Тѣсно было в вагонѣ, хотѣлось простора, свободы чувствовалось так, как будто сердцу было тѣсно и оно хочет одним ударом порвать, связывавшіе его оковы. Я и Ляля вышли из вагона. Около поѣзда царило безпокойство. Всѣ уже знали, что эшалон дальше не идет.

Вагон-магазин, гдѣ хранились запасы был открыт, оттуда выбрасывали вещи: куски сукна, полотна, сапоги, кожа, боченки масла, мясо. Проходившіе мимо отступавшіе, вѣрнѣе бѣжавшіе с фронта, солдаты гурьбой толпились около вагона-магазина.

Хватали на перебой летѣвшія из вагона вещи, рвали, рѣзали перочинным ножом сукно, полотно, сапоги закидывали на плечо, разрубали шашками боченки с маслами и ѣли его жадно.

Кто набирал много – так, что не мог нести, отходил в сторону и продавал по очень низкой цѣнѣ бѣженцам, ѣдущим и идущим. Я и Ляля смотрѣли стоя в сторонѣ на этот разгром. Из типографіи выбрасывали шрифт. Хотѣли уничтожить все, чтобы большевикам ничего не оставить. Поѣзд разгружался, люди, бросив часть вещей, уѣзжали, а по вагонам лазили солдаты, рылись в оставленных вещах, выбирая нужныя, болѣе цѣнныя, разбрасывая во всѣ стороны одежду, обувь и вещи домашняго обихода. Мы слышали, как они говорили, что большевики уже в двадцати верстах. Снова пришли со стороны Колывани и «отрѣзали» часть эшалонов.

Вот подъѣзжают к нашему вагону санки, крытыя кошмой. За ними другія. На них сидит высокій мужчина. Это князь Лев Голицын пріѣхал за своей семьей из Ново-Николаевска, куда он ѣздил закупить провизію и лошадей. Его вагон был прицѣплен к нашему поѣзду, а теперь и его постигла та же участь, что и нас. Взволнованное, красивое его лицо разрумянилось на морозѣ. Нахмурив брови, он спѣшит, не обращая вниманія на окружающее, усаживает своих дѣтей в широкія крытыя санки, а сам садится в другія. Всѣ уѣзжают. Пустѣет поѣзд. Уже не клубится дым из черной трубы паровоза, а из вагонов открытых настежь высовываются лица, с тоской смотря на уѣзжающих. Это тѣ, которые остаются за неимѣніем средств купить лошадей, это преимущественно одинокія женщины с дѣтьми, или старики. Я и Ляля, стоя около телеграфнаго столба, не можем оторвать усталых глаз от широкой дороги, гдѣ двигается черная масса, извиваясь как змѣйка. Оттуда ждем наших мужей. Но почему их нѣт? Не попали ли они в руки большевиков?

Кровь стучит в висках, а сердце мучительно ноет. Слезы то и дѣло навертываются на глаза, но мы это скрываем друг от друга, боясь показать слабость духа. Минуты ползли. Мы ползли, не двигаясь, не разговаривая.

Мимо проходит мужчина и несет ребенка, а за ним спѣшит его жена с маленьким узелочком в рукѣ.

«А вы пѣшком?»—вырывается у меня вопрос, когда они поровнялись с нами.

«Да»,—едва слышным голосом отвѣтила она и глаза ея заблестѣли.

«А ваши вещи?»—спросила Ляля.

Женщина ничего не отвѣтила, махнула рукой, еще ниже наклонила голову и торопливыми шагами пошла вперед. Мужина обернулся, прижимая к себѣ ребенка и проговорил:

«Нам не нужны вещи, вот наше добро и его мы не оставим».

И тоже зашагал торопливо, унося с собой все свое состоянiе, вѣру в свои силы, и отцовскую любовь к этому маленькому существу, которое он так нѣжно прижал к своей груди. Скрылись и они, их поглотила та змѣйка, что ползет извиваясь по дорогѣ.

Наконец, и мы дождались своих. Они прiѣхали, приведя с собой 13 подвод. Малиневскому, имѣвшему большую семью и много вещей, нужно было большое количество лошадей.

Для Ляли и маленькаго Юрика была сдѣлана будка из войлока, почти наглухо закрывавшаяся. В этой будкѣ была подвѣшана громадная лампа, которая нагрѣвала временное обиталище малютки.

Старая няня присоединилась к Лялѣ, а Малиневскiй был за кучера.

Началось складыванiе вещей на санки, суета. Уже вечерѣло, а до Ново-Николаевска было 30 верст.

«Кому надо муки?» — раздался мужской незнакомый голос. Муж и я обернулись и увидѣли перед

собой Колчаковскаго милиціонера в кожаной черной курткѣ.

«Князь Путятин и я ѣхали этим эшалоном, т. к. эшалон дальше не идет, то князь бросает вещи и мы идем пѣшком. Князь берет только маленькій чемоданчик и у нас остается немного муки и масла—наши запасы на дорогу. Бѣдный князь! Как он пойдет?»

Муж уже не слушает милиціонера, бросает вещи на санки и идет в вагон, гдѣ находился князь.

Князь в маленьком служебном вагонѣ, он торопливо складывал вещи в маленькій ручной чемоданчик, куда входило только одна пара бѣлья, полотенце, мыло и еще нѣсколько мелких вещей. Это был уже пожилой мужчина с сѣдой окладистой бородой, с добрыми сѣрыми глазами и добродушным лицом. Видно было, что он взволнован, не замѣтил даже вошедшаго в вагон мужа, а когда послѣдній спросил, почему князь идет пѣшком, то отвѣтил:

«Так пришлось, не достал лошадей, должен идти пѣшком, т. к. искать теперь подводы нѣт времени, большевики недалеко»

«Может быть вы согласитесь ѣхать с нами?» — Предложил муж.

«То есть как?»—с радостью в голосѣ спросил князь.

«Я имѣю свободное мѣсто и могу даже взять с собой нѣкоторыя ваши вещи».

«Нѣт! Я стѣсню вас, теперь никто не располагает свободным мѣстом».

Видимо князь боролся сам с собой. Согласиться,—значит стѣснить, идти пѣшком значит попасть в руки большевиков.

Благодаря настойчивым просьбам мужа, князь согласился ѣхать с нами.

«Знаешь, Туся, кто поѣдет с нами?» спросил меня муж, входя в наш вагон. «С нами поѣдет

старый князь Путятин. Жаль его, так взволнован, хочет идти пѣшком. Но что с ним будет в дорогѣ?»

И муж разсказал о своей встрѣчѣ с князем.

Я рада была, что мы ѣдем, и что можем кому-нибудь помочь в эти тяжелыя минуты.

Собрала свои вещи, окинула еще раз взглядом вагон и вышла. Около саней увидѣла мужчину средняго роста, одѣтаго в солдатскую шинель с погонами и пуговицами защитнаго цвѣта. На головѣ была одѣта фуражка, а на плечи был накинут башлык. По большой окладистой бородѣ узнала князя.

«Незнаю, как благодарить вас за то, что не оставили старика, а я уже хотѣл идти пѣшком, но мнѣ Бог послал вас» — говорил князь пріятным басом, не скрывая своей радости.

Я сѣла на развальни, с одной стороны сѣл муж, а с другой князь. Не не остался и Федор — денщик князя, предлагавшій нам муку и масло. Он сѣл на другія санки, нагруженныя вещами.

Малиневскій с Лялей поѣхал первым, а за ним Малиневская с дочерью, дальше потянулись санки с вещами, на них сидѣли бухгалтер типографіи, дѣлопроизводитель, Павел — сторож типографіи, Федор, а остальныя лошади шли гуськом без кучера. Наши санки были послѣднія — замыкали наш обоз. Дорога была хорошая. Вплелись и мы в общій бѣженскій обоз. Несмотря на близость большевиков и на наступившій вечер, разговор велся оживленный. Вѣроятно у всѣх были приподняты нервы и каждый старался, как можно больше говорить, чтобы отогнать невеселыя мысли. А мысли были невеселыя, потому что каждый из нас знал, что дорога предстоит далекая т. к. надежды попасть в какой нибудь, идущій на восток эшалон, не было.

Князь произвел на нас впечатлѣніе очень-хорошее, мнѣ казалось, что мы давно уже знакомы с ним. Он много разсказывал нам о себѣ, о том, что

ему пришлось пережить за послѣднее время в Сибири, гдѣ он был уже три года. Семья его, т. е. жена, сын и дочь остались в Царском селѣ. Он ѣхал в Сибирь ненадолго, но Колчак, фронт па Уралѣ, всѣ неурядицы в Россіи разбили его планы. В 1918 году большевики по приходѣ в Сибирь арестовали его, и он ровно год просидѣл в одиночной камерѣ, ни на минуту не забывая о родной семьѣ, и лелѣя мечту увидѣться с женой и дѣтьми. Но судьба бывает жестока и не всегда посылает нам то, что мы хотим. По приходѣ Колчака он был освобожден и назначен по охранѣ желѣзной дороги.

«Вот память о тюремных стѣнах» говорил князь, показывая на бѣлую бороду. «Никогда не носил такой большой бороды, а послѣ тюрьмы оставил!»

Весь его разсказ дышал тоской о семьѣ, о домѣ; видимо, тяжело ему было на старости лѣт жить вдали от близких.

«А сын? Уже теперь большой. Может быть погиб, как погибли столько юных сил в Россіи. Только бы не в рядах большевиков, мнѣ кажется, что я легче перенесу его смерть, чѣм извѣстіе о его службѣ у большевиков!»

Голос его задрожал и он умолк, всматриваясь в сѣрую темноту ночи, спускавшуюся на землю, как будто ждал, что за этой сѣрой завѣсой он увидит родныя черты.

«Жена не знает, гдѣ я и что со мной. Но видно не кончились мои испытанія... О ней я слышал, что она выѣхала в Петроград. А теперь мой план таков: ѣхать во Владивосток, а там дать знать женѣ, гдѣ я и при первой возможности ѣхать самому дальше, или ждать семью во Владивостокѣ. Когда я их увижу?» И снова умолк и снова тоскливый взгляд, устремленный в туманную даль, говорил нам о том, что душа его и мысли были далеки, далеки. Что думал он? что чувствовал в эти минуты этот одинокій старик? И я задумалась, задавая себѣ

вопрос, вернемся ли мы в старое гнѣздышко, гдѣ провели столько счастливых дней; или под напором большевистских банд, мы поѣдем в невѣдомый край? Мысли вихрем проносились в головѣ. Моментами казалось, что мы медленно ѣдем и не успѣем уѣхать от большевиков, но когда задумаемся, когда мысли одна за другой унесут нас в иной далекій мір, то мы и не замѣчаем, как уменьшается разстояніе между нами и Ново-Николаевском. Около города шумно. Картина та же, какую мы видѣли во время нашей дороги. Только теперь и мы тянемся в этой черной безконечной змѣйкѣ.

Было уже поздно, когда нас встрѣтил Ново-Николаевск своими темными улицами. Ѣхать уже было невозможно, устали лошади. Князь предложил заѣхать в желѣзнодорожную милицію, его всѣ знали, и там переночевать. Малиневскій думал с утра отправиться в город искать комнату для жены, сына и матери, т. к. везти сына в тридцатиградусный мороз он не рѣшался. Тѣм болѣе, что неизвѣстно было, как долго придется ѣхать. Пріѣхали прямо в милицію. Нам уступили небольшую комнату, гдѣ мы всѣ расположились на полу, подостлав под себя шубы и закрылись одѣялами. Я моментально заснула, успокоенная настроеніем милиціонеров, увѣрявших нас, что Ново-Николаевск не будет отдан большевикам, т. к. есть приказ о наступленіи. Никто из нас и не подумал о том, что если армія бѣжит, а большевики тріумфальным маршем идут от Омска без боя, то какое же может быть наступленіе. Эти слова успокоили нас усталых и нам казалось, что дальше Ново-Николаевска не поѣдем. Но пробужденіе отрезвило нас.

14 декабря.

Я открыла глаза и с любопытством смотрѣла вокруг. Мнѣ здѣсь все нравилось: и эти грязныя

окна и заплеванный пол, на котором мы всѣ «вповалку» спали и то, что мѣста, здѣсь больше чѣм в вагонѣ, гдѣ то на верхней полкѣ. Думали пробыть в Ново-Николаевскѣ цѣлый день а если будут утѣшительныя свѣдѣнія, то и два дня. Я собиралась пойти к одному нашему старому знакомому адвокату, от него узнать подробно о настроеніи в городѣ и вообще посовѣтоваться, что дѣлать.

Муж уѣхал в город, хотѣл привезти Чесика и поискать сѣна для лошадей. Он уѣхал, а с обѣда началась суета и тревога в городѣ. Разнесся слух, что большевики подходят к Ново-Николаевску. Я так никуда и не пошла. Ходила и прислушивалась к тому, что вокруг говорилось. А слухи были самые разнообразные, одни говорили, что большевики еще далеко, другіе, что уже в 8-10 верстах. Наконец, князь объявил нам, что звонил к начальнику штаба, спрашивая его о положеніи на фронтѣ. Начальник штаба отвѣтил. что сегодня же, не медля ни минуты, мы должны уѣхать т. к. в Ново-Николаевскѣ подготовляется мѣстное возстаніе, а большевистская регулярная армія подходит к «Краснощекову» т. е. находится в 8 верстах от города. Безпокойство овладѣло мной и князем. Муж еще не вернулся, Малиневских тоже не было, они уѣхали с вещами на найденную сегодня утром квартиру. Уже вечерѣло когда вернулся муж и Чесик, разсказывая нам, что в городѣ уже неспокойно. Начинаются разгромы магазинов. Мы кормили наскоро лошадей, ожидая с нетерпѣніем Малиневских, чтобы вмѣстѣ ѣхать.

Ночь наступила безшумно, в далеком небѣ зажигались звѣзды, переливаясь темно-лиловыми огоньками; казалось, что там в вышинѣ тихо и спокойно.

Милиція помѣщалась около самых желѣзно-дорожных путей. Станція была вся освѣщена электричеством, что творилось там мы не видѣли, т. к. нас отдѣлял от желѣзно-дорожных путей большой цейх-

гауз. Слышали стук колес поѣздов, свистки паровоза, какіе то крики, громкіе разговоры, в которых можно было уловить страх, безпокойство и приготовленія к скорому отъѣзду. Чесик, князь, муж, милиціонер Федор, всѣ суетились около лошадей. Запрягали, укладывали послѣднія вещи. Я не могла сидѣть одна в полутемной комнатѣ, меня пугали эти грязныя стѣны, внушавшія мнѣ теперь отвращеніе и страх. Я вышла на улицу и услышала выстрѣлы гдѣ то далеко, а потом нѣсколько совсѣм близко. Через минуту раздался оглушительный взрыв и стекла задрожали в окнах. Я невольно вскрикнула. «Склады на станціи взорвали», спокойным голосом проговорил проходившій мимо солдат. Не успѣли мы придти в себя, как услышали пронзительный крик женщины, бѣжавшей из полосы, освѣщенной электричеством в темную улицу, а за ней бѣжал мужчина.

«Большевики идут, большевики» кричала задыхавшимся голосом баба и скрылась в темном коридорѣ улицы. Этот раздирающій душу крик так повліял на меня, что я ничего не могла сказать от волненія. Позднѣе оказалось, что эта баба была поймана как воровка. Она хотѣла уйти от солдат, но один догонял ее, а она кричала, думая что ея преслѣдователь ее оставит, когда услышит, что «Большевики идут». Все это сообщил нам милиціонер, бывшій на станціи, а теперь пришедшій посовѣтовать нам скорѣе уѣзжать, так как мѣстные большевики уже занимают город.

Раздался снова выстрѣл и снова взрыв. Но я уже освоилась. «Мост взорвали» сказал нам кто то, проходившій мимо. Хотѣлось уѣхать дальше от милиціи, гдѣ нас большевики без всяких разспросов поставили бы к стѣнкѣ. Стрѣльба началась порядочная. Стрѣляли, скрываясъ в темных углах улицы, из за заборов ворот, не зная в кого попадет шальная пуля. Моментами опасно было оставаться

на улицѣ, т. к. пули летали совсѣм близко. Я сѣла в санки и терпѣливо ждала. «Если суждено мнѣ теперь умереть, то пуля вездѣ меня найдет». Сказала я и еще плотнѣе закуталась в доху, ожидая когда тронется наш обоз. Малиневскаго не было, а ждать уже было опасно и даже безполезно, т. к. может быть его арестовали или убили по дорогѣ.

Рѣшили двинуться в путь. Но в ту же минуту мы увидѣли Малиневскаго, возвращающагося с семьей, которую не хотѣли принять на квартиру нанятую Малиневским. Оказалось, что хозяин был большевик, с радостью ожидавшій своих единомышленников и потому и не хотѣл принять буржуев.

«Не знали вырвемся ли мы из города, вездѣ уже большевики» крикнул нам Малиневскій и, стегнув лошадь, скрылся в темной сіяющей пасти улицы. Потянулись и мы, сворачивая на боковыя мамаленькія улицы, чтобы не встрѣтится с большевицким патрулем.

Глухія темныя улицы. Ни одного прохожаго, только один наш обоз, скрипящій полозьями. Время от времени слышим стрѣльбу. При каждом выстрѣлѣ я с'еживаюсь, как бы стараюсь быть едва замѣтной.

«Не бойтесь! Как нибудь вырвемся, вѣдь это стрѣляет тот, кому не жаль пули и кто в дѣйствительности не умѣет стрѣлять» — говорил князь.

Казалось, что нѣт конца этим темным улицам, что мы ѣдем в каком то лабиринтѣ и не можем найти выхода. Свернули еще влѣво, проѣхали нѣсколько шагов, и наш обоз остановился. Не нужно было спрашивать почему, т. к. мы услышали цѣлое море голосов. Мы стояли на горѣ, а под горой двигалась черная масса. «Большевики» подумала я.

Но оказалось, что страхи были напрасны, т. к. черная, движущаяся масса была полком бѣлых,

выходившим из города. Мы вмѣшались в их обоз и всѣ вмѣстѣ выѣхали в бѣлую степь.

Дальше, дальше от этого города, гдѣ льется кровь, слышны крики и стоны.

С лѣвой стороны дороги тянулись желѣзно-дорожные пути, и там стояли поѣзда, освѣщенныя окна которых так манили к себѣ усталых путников. Казалось, за этими окнами тепло и уютно.

Лошади время от времени фыркали, снѣг скрипѣл под санками. Я была настроена пессимистически, несмотря на скорую ѣзду и на оживленный разговор мужа с князем.

Как бы в подтвержденіе моих мыслей лошади остановились. Перед нашим обозом стояли тысячи санок, лошадей. Взволнованные голоса слышались отовсюду. Выяснилось, что дорога идет через овраг, настолько крутой и со столькими ямами, что почти всѣ санки перевертывались. Иной дороги не было, т. к. овраг был узкій и по сторонам дороги были сугробы. (Овраг проходил под небольшим желѣзнодорожным мостом).Надежды на скорое продвиженіе не было, а нам каждая минута была дорога. Если кто шел искать лучшей дороги, то уже не возвращался, т. к. не мог в такой массѣ народа найти своих.

Вѣтер усиливался и крутил большіе столбы снѣга, залѣплял глаза и гдѣ то в широкой степи выл и злился, как бы за то, что люди эти стѣсняют его простор. На минуту успокаивался и потом с новой силой поднимал снѣг и отдавался дикой пляскѣ.

Бѣлый пушистый снѣг заносил нас все больше и больше.

Муж отошел от санок, и его фигура моментально скрылась за бѣлым столбом снѣга. Что-то оторвалось в груди. Князь, Чесик, Малиневскій начали звать его. Я выскочила из саней, и уто-

пая по колѣно в снѣгу, путаясь в огромной дохѣ, напрягала свое зрѣніе в том направленіи, гдѣ исчез мой муж.

Князь уговаривал не волноваться, но в его голосѣ слышалось безпокойство. Я уже не слушала его, искала за бѣлыми снѣжными столбами фигуру мужа, но вмѣсто него видѣла снѣг, снѣг и снѣг. А за бѣлыми облаками снѣга слышались голоса полныя отчаянія, мольбы и муки, голоса зовущіе своих близких, знакомых, которых поглотила эта ненасытная, бѣлая степь, и свистящій, свирѣпый и жалобно протяжный вѣтер.

Пишу эти строчки, а в ушах звенят голоса, выходящіе из сотни грудей:

«Ко-о-ля», «Ма-а-ма», «Шта-аб О-округа», «Телеграфная ро-ота»... Кричали наперебой люди и метались, как в клѣткѣ.

Не помню, как муж очутился около наших санок. Он не слышал наших голосов, и искал нас, и только счастливая случайность привела его к нашему обозу. Он наткнулся на санки, гдѣ сидѣл Федор, а благодаря тому, что наши санки стояли гуськом, ему удалось добрести до саней, гдѣ сидѣла я и князь.

Толпой овладѣвало безпокойство. Слышались голоса, что-то разсказывавшіе и часть санок свернула в сторону. Оказалось, что поѣхали на Каменку т. е. об‘ѣзжают злополучный овраг. Сотни санок стояли, дожидаясь очереди перед оврагом. Мы не послѣдовали их примѣру. Стоять, мерзнуть и ждать большевиков здѣсь нельзя, на об‘ѣзд требовалось не мало времени, а мы его не имѣли. А в сказку о далеком разстояніи между нами и большевиками мы не вѣрили. Кто то предложил искать дорогу на желѣзнодорожное полотно. Всѣ приняли это рискованное предложеніе и обоз наш свернул в сторону. Дороги не было. Лошади тонули в снѣ-

гу, а мы за ними падали, набирали полные сапоги и рукава снѣгу, вставали, падали и, наконец, добрели до полотна желѣзной дороги. Лошади едва втянули санки на высокую насыпь. Сѣли мы в санки, оглядываясь по сторонам. Никто не послѣдовал нашему примѣру. Вѣроятно, в душѣ называли нас сумасшедшими, т. к. паровозы приходили и с одной стороны и с другой, привозя с собой уголь. Другой же путь нечетный был занят эшалонами, сквозь маленькія окошечки теплушек виднѣлся свѣт. Лошади наши отдохнули немного и обоз наш тронулся. Застучали копыта по шпалам и понемножку замолкнул гул голосов в степи. Никто из нас не думал о том рискѣ, какому мы подвергались; каждый думал, что человѣк со звѣрским лицом страшнѣе чѣм та мгновенная смерть, которую мог бы нести с собой поѣзд. идущій в ту или иную сторону. «Дальше от большевиков» — единственная завѣтная мысль в усталом мозгу.

Разъѣзд. Спускаемся с насыпи и под‘ѣзжаем к маленькому домику стрѣлочника. Здѣсь отдыхают люди и лошади. У дома стоят нѣсколько десятков подвод. Мы вошли в дом. Я в первый момент не могла понять, гдѣ мы: густыя облака дыма заволокли нам глаза, и в нос ударил удушливый запах махорки. Едва переступив порог, я наткнулась на что-то мягкое, оказалось, что это был лежащій человѣк. Чтобы добраться до слѣдующей комнаты, нужно было перешагнуть через груды спящих тѣл. Люди, утомленные дорогой и переживаніями так отдались сну, что никакая сила не заставила бы их проснуться. Временами слышались безсвязныя слова: кто-то бормотал во снѣ. «Это солдаты, больные тифом бредят»,—об‘яснил нам кто-то из пріѣхавших и сидѣвших в комнатѣ сторожки. Больные лежали вмѣстѣ со здоровыми, а вши переползали с одних на других, заражая здоровых. Эти насѣкомыя были

вездѣ, в бѣльѣ, волосах и на верхней одеждѣ. Видя это, почувствовала и я, что меня начинают мучить эти безпокойные, отвратительные паразиты, набранные в вагонѣ и в милицiи, гдѣ мы ночевали. Удалось нам пробраться в другую комнату. Здѣсь тоже нѣт свободнаго мѣста. Но нѣт больных солдат. Оживленый разговор слышится со всѣх сторон. Каждый дѣлится своими впечатлѣнiями.

Ляля положила Юрика на какую-то корзину. Ребенок даже не проснулся, блѣдное его лицо казалось восковым. Лялѣ уступили мѣсто и она кормила малютку, а я пробралась в самый угол комнаты и сѣла на полу. Какая-то усталость сковала мое тѣло, усталость тѣла, нервов, духа. Вѣки сомкнулись и мнѣ казалось, что меня душат какiе-то кошмарные сны. Я открываю глаза, стараясь бороться со страшными видѣнiями. А временами, наоборот, дума моя уносилась-то за грань реальнаго и блуждала в царствѣ дорогих мнѣ воспоминанiй. Вспоминались всѣ свѣтлыя минуты моей жизни, как будто кто-то, невидимой рукой стер все грустное, тяжелое, что было в моем прошлом, как будто нарочно хотѣл показать мнѣ в эту минуту, когда я была среди несчастных, голодных, больных и усталых, какова была моя жизнь и как мы мало цѣним все, что посылается щедрой рукой Создателя.

Чьи-то слезы, громкiй плач вывел меня из прiятнаго оцѣпенѣнiя и вернул к дѣйствительности.

В дверях стояла дама лѣт тридцати, брюнетка, и сквозь слезы и громкiя рыданiя, что-то разсказывала, поминутно, прерывая свое повѣствованiе. Все время слышались слова:

«Он стоял на колѣнях раненый, не защищался. Он первый был убит»

Оказалось, что ея мужа убили на станцiи Ново-Николаевск при отступленiи бѣлых, а она – преслѣдуемая страхом, ѣхала куда глаза глядят.

Я вспомнила Ново-Новолаевск, глухіе выстрѣлы, освѣщенную станцію, странный взрыв...

Представила себѣ раненаго офицера, хотѣвшаго своим поступком дать примѣр другим, как нужно сражаться. Но некогда мнѣ было философствовать, вспоминать и мечтать. Надо ѣхать, а так нехочется выходить на мороз из этой теплой задымленной комнаты.

Перед нами снова снѣжное поле и двѣ черныя ленточки на бѣлом коврѣ. Снова огоньки вагонов ласково манящіе, скрип полозьев и думы, эти вѣчныя спутницы человѣка. Говорили мало. Всѣх успокаивала тишина безбрежной степи. Да и о чем говорить, когда мысли невольно возвращались к нашей дорогѣ. Я думала об убитом офицерѣ, о всѣх знакомых в Ново-Николаевскѣ, которые переживают теперь ужасныя минуты.

Мѣстность не измѣнилась, та же равнина, то же звѣздное небо, чуждое нам, дышавшее спокойствіем.

«Которая звѣзда моя и мужа?» — задавала я себѣ вопрос, вспоминая разсказ моей старой няни, о том, что каждый человѣк имѣет свою звѣзду, а когда он умирает, то звѣзда гаснет.

Эта простонародная сказка пришла мнѣ теперь на ум. «А звѣзды убитаго офицера уже нѣт» — мелькнуло в мыслях.

15 декабря.

Село Сокур. Квартир почти нѣт. Стоит какой-то полк. Начальник этого полка отвѣтил нам, что опасности со стороны большевиков пока нѣт. А в дѣйствительности им был уже дан приказ об оставленіи этой деревни. Наши мужья знали об этом, но нам не говорили, чтобы не пугать, т. к. все

равно мы должны были остаться здѣсь на ночлег, иначе лошади пристанут. Мы, женщины, занялись приготовленіем ужина и через нѣсколько минут услышали пушечные выстрѣлы. Оказалось, что отступающая Колчаковская артиллерія взрывала орудія, которыя нельзя было вытащить из глубокаго снѣга.

Всѣ спят, лежа на полу. Темно и душно в маленькой комнаткѣ. Мнѣ не спится, я встаю осторожно, переступаю лежащія тѣла, иду в кухню. Там горит маленькая лампочка, едва освѣщающая кухню. На печи спят мужики, их голыя ноги торчат и свѣшиваются в сѣром полумракѣ комнаты и припоминают мнѣ голые трупы на буферах поѣзда. Около стола сидѣла женщина, подперев руками голову и о чем-то думала. Она встрепенулась, когда увидѣла меня, и на мой вопрос, почему она не спит, отвѣтила:

«Сердце болит. Большевики придут, а мой сын у Колчака служит, все жду, что придет, а его все нѣт и нѣт».

Она замолкла, устремив взгляд на горѣвшую лампу. Я присѣла у стола и, усталая, задремала. Проснулась, когда уже свѣтало.

16 декабря.

Ѣдем черз станцію Сокур, там остались наши отставшія двѣ подводы. Станція представляет печальное зрѣлище. Колчаковцев давно уже слѣд простыл. Вездѣ стояли брошенные поѣзда. Черныя пасти вагонов страшили своей темнотой. Казалось, что в каждом вагонѣ лежит кто нибудь больной или умершій от холода и голода. Безпокойно ходил броневик, производя маневры, а сирена разрывала

душу своим визгливым, протяжным криком. Как будто старая колдунья накликивала бѣду. Выѣхали в степь. Сзади послышался топот, мы обернулись и увидѣли отряд Колчаковцев, это был уже арьергард. Они обогнали нас крича, «Уѣзжайте скорѣй, а то большевики вас догонят». А сами гнали лошадей, несясь вперед и обгоняя всѣ бѣженскіе обозы. Они отнимали у нас послѣднюю надежду уйти от большевиков. Тянется степь привольная, безконечная. Ни кустика—ни хатки. Гдѣ голубое небо сходилось с бѣлой пеленой — туда тянуло нас, усталых путников. Казалось, что там ждет нас что то хорошее. Заѣхали к священнику и выпили чаю. Сегодня еще предстояло долго ѣхать, чтобы не встрѣтиться с большевиками, подходившими с юга.

Уже вечер. Давно перед нами сверкают привѣтливые огоньки сибирской деревни, но она оказалась дальше, чѣм мы думали.

Вот и село. Пахнуло на нас теплом, уютом, горячим чаем. На улицѣ было тѣсно и шумно, как будто в ярморочный день. Нас окружил солдатскій обоз, назойливо кричали солдаты, стараясь нас обогнать. Каждый из них хотѣл пробраться вперед, т. к. дѣло шло о занятіи квартиры в Ояшѣ (так называлось село). Муж вылѣз из саней и держа лошадь под узду, шел впереди, боясь потерять связь с нашим обозом. Князь шел около саней с вещами. Кто то наѣхал на наши санки, они накренились и я упала. Удалось мнѣ схватиться за санки и я ползла по снѣгу. Лошади тянут санки, вмѣстѣ с ними и меня. Сзади идет чья то лошадь, временами, задѣвая за мои ноги. Я чувствовала, что долго так не выдержу. Пальцы коченѣли, а носом я все время ударялась об санки. Кричала, звала мужа, но в общем хаосѣ меня никто не слышал. Я начала уже терять силы и надежду на спасенье, как вдруг увидѣла, что кто то наклонился надо мной, помогая

встать. Мы в‘ѣзжали в какія то ворота. Здѣсь будет ночевать наш обоз.

Мы в теплой комнатѣ, но не одни. В каждом углу на полу сидят десятки людей. Одни спят, другіе пьют чай, а нѣкоторые сидят безсмысленно устремив вперед усталый взгляд. Их мысли далеко от окружающей обстановки. Они устали переживать, на них нашла минута отупѣнія. Ничто не взволнует их в этот момент.

Мужчины наши ушли узнать, какой полк стоит в селѣ. Старушка Малиневская готовила чай, а я сидѣла как инвалид. Нос был похож на большую синюю сливу, ныл, а рука была, как деревянная, вспухла в плечевом суставѣ.

По выраженію лиц вернувшихся мужчин видно было, что мало утѣшительнаго принесли они с собой. Не обманули нас наши догадки: раз‘ѣзд впереди уже занят большевиками, они «отрѣзали» нас, придя с юга. Но мы не унывали, разговорились с командиром полка, находившагося в селѣ. Он сказал, что выход из создавшагося положенія — это обход в пятьдесят верст по ужасно гористой мѣстности. Полк выходит утром, если мы хотим, то можем присоединиться «нужно только, чтобы лошади отдохнули, так как дорога предстоит не легкая» — закончил полковник.

Пришлось согласиться на это путешествіе. В комнатѣ шло совѣщаніе с одной группой офицеров и бѣженцев, убѣждавших всѣх ѣхать теперь, не медля ни минуты, только не с лѣвой стороны желѣзно-дорожнаго полотна, а с правой, т. к. там не встрѣтятся большевики и ночью можно благополучно об‘ѣхать раз‘ѣзд, занятый красными. К этой группѣ присоединились еще нѣкоторые бѣженцы и они всѣ вмѣстѣ выѣхали. Среди выѣхавших помню был один офицер — совсѣм мальчик. Знала я его, когда он был еще гимназистом в Омскѣ. Теперь он

уговаривал ѣхать свою жену, она отказывалась, говоря, что лучше остаться до утра, она не хочет ѣхать, т. к. предчувствует, что что то ужасное ожидает их, если они сейчас поѣдут. Но ее уговорили ѣхать. Утомленная, разбитая послѣдовала она за своим мужем. А рано утром мы уже узнали, от чудом спасшагося офицера, пріѣхавшаго верхом в то село, гдѣ были мы, что весь обоз, выѣхавшій ночью попал в руки какой то бродячей большевицкой шайки. Всѣ были убиты и в том числѣ та молодая пара. Его, как офицера, мучили, вырѣзали погоны на тѣлѣ, потом убили, а вещи были разграблены.

Каждый из нас благодорил Бога, что и на этот раз нам удалось избѣгнуть страшной участи.

17 декабря.

Ночь зимняя, длинная, для нас пролетѣла, как одна минута. Каждый из нас по очереди спал на полу, приходилось больше сидѣть, т. к. было очень тѣсно в комнатѣ. Каждый нерв, каждый сустав болѣл, а голова тяжелая, как налитая свинцом, одурманенная страшными мыслями, невольно клонилась на свернутый войлок или пальто, служившіе нам вмѣсто подушки. Вѣки закрывались, ничего не снилось, ничего не переживалось. Утро морозное, свѣтлое, ясное. Казалось, что природа хотѣла послѣднія минуты жизни человѣка скрасить чѣм нибудь и поэтому посылала ему такія ясные хорошіе дни. Вѣтра не было, снѣг поскрипывал, отдохнувшія за ночь лошадки бодро бѣжали. Надежда лазурными крыльями навѣвала нам свѣтлую вѣру в хорошій исход нашей дороги.

Вдали синѣли горы, а мы ѣхали равчиной, поросшей лѣсом. Горы перед нами невысокія, но не приступныя своей крутизной, на которой лежит

ледяна кора, а с‘ѣхав немного с дороги лошади попадали в глубокій сугроб. Долго мучились мы перед этими скользкими горами. Лошади, дотянув подводы с вещами до половины горы, катились вниз с ледяной коры. Мы всѣ тянули лошадей, утопая в снѣгу, идя рядом с дорогой и на болѣе скользких мѣстах сворачивали лошадей в снѣг, гдѣ онѣ, ныряя, с большим трудом достигали верхушки горы. Полк уже давно был на горѣ, а мы в ужасѣ считали потерянныя при подьемѣ минуты. Окончились наши мученья, мы стоим усталые, но довольные и отряхиваем снѣг. «Ну, с Богом дальше» говорит князь и мы снова на санках тянемся гуськом, не теряя из виду полковника, обоз котораго на наше счастье от‘ѣхал недалеко. С этим обозом ѣхал и офицер вернувшійся ночью.

Уже смеркалось когда мы доѣхали до маленькой невзрачной деревушки, расположенной на склонѣ горы. Под‘ѣхали к одному из первых домов. Деревня была бѣдная. Встрѣтили нас очень враждебно. Настроеніе крестьян чисто большевицкое. «Как можно скорѣй выбраться из этой берлоги» думала я, не вылѣзая из саней. Нетерпѣливо ждали мы, когда Ляля накормит ребенка, котораго она понесла в хату. Мужчины спрашивали крестьян, гдѣ большевики, далеко ли? «Едва ли добьются правды» — мелькает мысль. Но все таки узнали— большевики в двадцати верстах, так и можно было предполагать, судя по настроенію деревни. Полковой командир однако со своим полком остается ночевать в этой занесенной снѣгом, забытой, маленькой деревушкѣ. Полк расквартирован, а мы ѣдем дальше. Ѣхать, ѣхать! Пока хватит сил. К нам присоединяется один полковник Соловьев со своим маленьким обозом в 12 лошадей и мы ѣдем. Пока мы ждали когда окончатся сборы, улица деревни наполнялась все больше и больше. Привезли каких то

солдат тифозных, лежали они в санках, едва прикрытые рогожей и видно было как у нѣкоторых зуб на зуб не попадал от холода. Мы опять в степи. Деревушка с криками пьяных солдат, стонами больных, осталась за нами. Кругом тишина, прерываемая только шелестом вѣтвей придорожных кустов, мы иногда обмѣниваемся словом, двумя. Полковник Соловьев, зная дорогу, ѣдет вперед. Наши санки замыкают шествiе. Оглянешься назад и видишь в темной дали огоньки деревни, оставленной нами. Влѣво от дороги видны такiе же огоньки раз'ѣзда занятаго большевиками. Ночь свѣтлая, ясная. Лучи мѣсяца разсыпались по бѣлой пеленѣ и снѣжный покров искрится зеленоватыми огоньками. А степь безбрежная спит, как зачарованная: ни шелеста, ни звука. Придорожные кусты, растущiе кое-где, кажутся нам издалека какими то чудовищами, а их прихотливыя измѣнчивыя тѣни двигаются на снѣгу. Отрадно и спокойно было вдали от людей. Не было страха, хотѣлось так ѣхать без конца, хотѣлось, чтобы никогда не кончилась эта тихая степь, эти звѣзды, мерцашiя с далекаго свода и чтобы никогда не устали добрыя лошади, везущiя нас без ропота и устали. Минуты летѣли, разстоянiе между нами и оставленной деревушкой увеличивалось, а с ним росла надежда на скорое избавленiе.

Неужели мнѣ это кажется? Или снится? Всѣ молчат, значит мнѣ только показалось, что из придорожных кустов выскочил всадник на конѣ, и увидѣв нас, понесся в бѣлую степь. Сердце на минуту застыло, в глазах страх, а в мозгу мысль, внезапно пришедшая, как этот всадник, внезапно появившiйся и вернувшiй нас к дѣйствительности.

«Развѣдчик»—думаю я «только какой? бѣлый или красный?» Смотрю на князя украдкой и вижу, что и он видит всадника, видит как ноги коня от-

дѣляются от земли и разбрасывают во всѣ стороны бѣлый пушистый снѣг.

Всадник несется, и за ним неотступно слѣдует его сѣрая тѣнь. Он поѣхал в сторону раз'ѣзда, занятаго большевиками.

«Развѣдчик» говорит княз. Муж соглашается с ним. Я вижу, что они взволнованы этой встрѣчей... Поѣдет, скажет большевикам, что идет обоз, и большевики догонят нас. И тогда, тогда — страшно подумать. Изрубят нас на куски, и никто не будет знать, кто эти путники, что встрѣтили свою смерть в незнакомой степи.

Мы так были заняты своими мыслями, что не замѣтили, как нас стал догонять какой то отряд всадников. Ближе и ближе черные силуэты. Что несутъ они съ собой? Я бросаю украдкой пули, данныя мнѣ на храненіе князем. Освобождаю всѣ карманы от пуль, которыя могли бы послужить поводом к страшной развязкѣ.

Наши санки замыкают наш обоз и мы первые узнаем, что ждетъ насъ всѣхъ. Оглядываюсь, вижу уже не черные силуэты, а солдат вижу ясно, даже лицо перваго: у него значек и винтовка, а также остальных с винтовками. Я отворачиваюсь, закрываю глаза, безсвязно шепчу «Отче наш». Едва слышным голосом повторяет князь, а мужъ прижимает меня к своему плечу, как бы стараясь защитить отъ того страшнаго, что несут съ собой черные силуэты солдат.

«Большевистскій отряд догоняет. Вѣроятно развѣдчик был недалеко от этого отряда» — говорит князь, вѣрнѣе шепчет и сжимает револьвер. — «Если большевики, то я застрѣлюсь, я им живой не отдамся—шепчет снова князь.

«Теперь смерть» — говорю я.

Всѣ трое поддаемся мысли, все ближе слыша топот лошадей. Князь благодарит насъ за что-то, мы не слушаем. Сердце минутами замирает...

Отряд нагонявшій нас, дѣлится на двѣ группы. Одна ѣдет съ правой стороны, другая съ лѣвой. Мы в коридорѣ... вмѣсто стѣн — лошади и солдаты. Мы молчим... Молча прощаемся, пожимая друг другу руки и удивительное спокойствіе наступает в душѣ. Нѣт ни боязни, ни страха, только сознаніе, что мы должны умереть. Теперь я понимаю какое чувство испытывает солдат, идя навстрѣчу смерти, он вѣрит в нее, как во что то «неизвѣстное» и покорно примиряется с этой мыслью. В'ѣзжает еще нѣсколько подвод с солдатами, врѣзываются в наш обоз, ничего не говоря, посматривая на нас исподлобья.

«Какая часть идет?» Слышим мы вопросы, кто-то, что-то отвѣтил, снова молчаніе. Солдаты шепчутся, плюются, курят папиросы. Ѣдем, томимые жгучим вопросом. Кто они? На наши вопросы они молчат.

Уже недалеко деревня, слышится лай собак и огоньки видны. Спасены или плѣн? Солдаты поговорили, пошептались и оставили нас. Бѣлые или красные? Если бѣлые, то почему они не поѣхали с нами в деревню, а свернули в сторону раз'ѣзда, занятаго большевиками? Если красные? Тогда почему они дали возможность нам ѣхать дальше? Загадка.

Савинково — большое село. Мы в чистой теплой хатѣ, выпили уже два самовара. Мужчин наших нѣт, они ушли в село на развѣдку. Я грѣюсь около печки и смотрю, как хазяйки дома, одна старая, другая молодая стелит постель для Ляли и ребенка. Заботливыя, добрыя угощают нас свѣжей булкой. Старая вздыхает поминутно, повторяя «Господи помилуй». Это не большевистская семья. Здѣсь вѣет стариной. Патріархально и строго.

Мужчины наши вернулись. В деревнѣ нашли военную часть, начальник которой сказал, что идут в обход, т. к. слѣдующая станція «Болотная» через нѣсколько часов будет занята, а может быть уже занята большевиками. Нам в обход идти не совѣтовал, т. к. пришлось бы вступить в бой с партизанскими отрядами, бродившими в этих окрестностях. По его словам видно было, что он никуда не собирается, тоже совѣтует и нам сдѣлать. Как позднѣе оказалось, он первый перешел на сторону большевиков.

Полковник Соловьев, ѣхавшій с нами, вернулся послѣ развѣдки злой, бѣгал по комнатѣ, называя всѣх солдат, находившихся в этом селѣ, большевиками. Пошел искать еще какую нибудь военную часть, но безуспѣшно. Надо было самим рѣшить, что дѣлать? хозяйка дома посовѣтовала обратиться за указаніями к богатым крестьянам. Через полчаса мужчины вернулись с твердым рѣшеніем ѣхать на Болотную. Таков был совѣт старожилов богатой Сибирской деревни. Обходом нельзя — кругом бродят партизанскія большевистскія шайки. А «Болотная» может быть еще не занята; вся надежда на «может быть». 3 часа ночи, хозяева не спят, провожают, дают нам хлѣб, чай. Торопливо крестят размашистым широким крестом и шепчут «Спаси Вас Боже». В их словах звучат самыя лучшія, искреннія пожеланія от души, от чистаго сердца.

Гдѣ вы теперь? Живы ли? Неужели Господь не отплатит вам добром за Ваше доброе слово для бѣдных, чужих для Вас, путников, случайно занесенных судьбой под Ваш уютный кров? Сведт ли нас когда нибудь судьба, чтобы пожать Ваши честныя руки и поблагодарить вас за вашу ласку, горячее участіе и привѣт?

18 декабря.

Нас окутала морозная пелена. Свѣтает, встает лѣниво зимній день. В'ѣзжаем в лѣс. Узкая дорожка вьется и исчезает в чащѣ лѣса. Бѣлокорыя березки стоят, как невѣсты, одѣтыя в бѣлыя подснѣжныя платья. Кажется, что онѣ спят. Снится им теплая весна и знойное лѣто.

Уже видны дома, постройки, слышны свистки паровозов, под'ѣзжаем к станціи. Дым из домовых труб поднимается в бѣлую мглу неба и исчезает, разлетается.

«На станціи бѣлые или красные?» Спрашиваем какого то мужика, встрѣтившагося нам при выѣздѣ из лѣса. Молчаніе служит отвѣтом: «так всѣ запуганы, что боятся отвѣчать» говорит муж.

Обоз наш остановился. «Была не была» крикнули мы и двинулись на станцію. Виден поѣзд — красныя теплушки и черный шипящій паровоз. Видим какой то флаг на послѣднем вагонѣ, кажется красный. Навѣрное большевики, бѣлые не сидѣли бы так спокойно. Поѣзд все ближе и ближе. Около вагонов солдаты с винтовками. Флаг не красный, а бѣлый с малиновым, на вагонѣ надпись большими буквами «Штурмовой батальон»

«Поляки»—в один голос крикнули мы, и наши бѣдныя лошадки почувствовали на своих боках удары кнута. Хотѣлось ближе под'ѣхать к вагонам, еще раз, еще десять раз прочитать надпись по польски «Szturmowy bataljon» и удостовѣриться, что мы не спим, что нам не снится.

В'ѣзжаем прямо на путь. Поляки выскакивают, с любопытством разглядывая нас говорят, что всѣ уже эшалоны ушли со станціи и только оставлено нѣсколько боевых, чтобы принять бой, т. к. большевиков ждут тут с минуту на минуту. Вступая в бой с большевиками эти послѣдніи эшалоны давали

возможность продвинуться дальше на восток всѣм эвакуировавшимся.

Мы уже ничего не слышим. Лѣтим, а не ѣдем. Радость, что Бог не оставляет нас в тяжелыя минуты добавило нам энергіи. Поляки с ужасом смотрѣли, как мы ѣдем между рельсами, кричат, показывают на дорогу, а потом махнув безнадежно рукой говорят: «Отчаянный народ».

Пишу правдиво свои переживанія, не скрывая того страха, который преслѣдовал меня всю дорогу. Вся тогдашняя обстановка довала повод к этому, т. к. в дѣйствительности никакой арміи тогда не существовало, и мы бѣженцы должны были, или оставаться и ждать «гумманных» поступков со стороны большевиков, или ѣхать все время, находясь под страхом попасть в руки большевицких банд, оперировавших за полосой желѣзной дороги.

А вдаль великаго Сибирскаго пути бѣженцев и отступающія войска преслѣдовала регулярная большевицкая армія, шедшая с юга от Семипалатинска и с запада, она шла, занимая без препятствій села и деревни, населеніе которых встрѣчало ее дружелюбно. Дружелюбіе проявлялось не потому, что Сибирскіе крестьяне были большевиками. Нѣт! Они почти не знали, что такое большевизм, т. к. царствованіе этих друзей народа длилось в Сибири не долго. А правленіе Колчака они уже почувствовали на своих боках, так как бѣлые мечом и огнем хотѣли искоренить зародки большевизма.

Сам Колчак—это благородный свѣтлый ум. Все его несчастье заключалось в неумѣніи подобрать подходящих людей, которые помогли бы ему выполнить его задачу: спасти Сибирь от большевицкой заразы.

Но эти люди не оправдали его надежд. Солдаты, слушая большевицкія бредни о равенствѣ и брат-

ствѣ, недружелюбно относились к своим офицерам, которые в свою очередь стояли далеко от солдата и не всегда понимали его запросы. Колчак черезчур вѣрил в молодыя силы Россіи, и офицерство его складывалось главным образом из молодежи, молодежи, способной на подвиги, горячей и преданной, но легкомысленной и не практичной.

Большую роль играли в Сибири союзныя войска, они состояли из чехов, освободивших от большевиков в 1918 году Сибирь, поляков и очень незначительной части латышей. Начальником чешской дивизіи был генерал Гайда, имя тогда магическое для чешскаго солдата. А теперь, кажется, «развѣнчанный герой».

Польская дивизія начала формироваться сейчай же послѣ перехода власти в руки Временнаго Сибирскаго правительства, состояла она из добровольцев, главным образом, из бывших австрійских военнолѣнных, которых больше привлекала военная служба, чѣм сидѣніе в концентраціонных лагерях.

Во время формированія польской дивизіи произошел раскол среди офицеров. Часть очень небольшая, во главѣ с бывшим представителем начальнаго Польскаго Военнаго Комитета поручиком Л. и его замѣстителем поручиком Б. была против формированія польской дивизіи в Сибири, желая строго придерживаться постановленія с'ѣзда военных поляков - не вмѣшиваться во внутреннія междуусобицы Россіи. Будучи далеко от своей отчизны, польская дивизія всецѣло бы зависѣла от русских военных властей и в силу необходимости должна была бы подчиняться правящей партіи. В случаѣ же неподчиненія,ее ждала печальная судьба, т. к. на помощь разчитывать было не откуда.

Военноплѣнные были иного мнѣнія, видя в большевиках нѣмецкій авангард.

Предсказаніе Комиссара Польскаго Вен. Комитета поручика Л. исполнилось. Польская дивизія выполняла роль жандармеріи, будучи на охранѣ желѣзной дороги и ѣздила на усмиренія большевицких востаній в Сибирских деревнях.

Конечно, тут нельзя винить поляков, т. к. они всецѣло подчинились Колчаковской власти и, как военные, должны были точно исполнять приказанія высшей власти.

Судьба польской дивизіи была такова: она уходила на восток послѣдняя (первыми шли чехи, потом латыши, а потом уже поляки), а т. к. Колчаковской арміи уже не существовало, только незначительная ея часть, то поляки принимали бой и служили арьергардом для всѣх ѣдущих на восток.

Весь великій Сибирскій путь был усѣян могилами польских солдат, погибших на полѣ брани на чужой, далекой им землѣ, и только незначительной части офицеров и 1000 солдат удалось пробраться через восток на родину.

Польской дивизіей командовал полковник Чума, а начальником штаба дивизіи был полковник Румша. Всѣ союзныя войска, а фактически только чехи и поляки, ждали распоряженія от Главнокомандующаго союзными войсками генерала Жанена, о продвиженіи на восток. Но оно пришло так поздно, что послужило поводом к трагической судьбѣ польской дивизіи. Получив этот долгожданный приказ, начали приготовляться к от'ѣзду. Всѣ были увѣрены, что поѣдут во Владивосток, а там через синій морской простор в родные края.

Эта надежда, как оазис в пустыни притягивала, манила, и каждый лелѣял эти мечты. Вагоны были устроены, как квартиры. Из каждой теплушки сдѣлали болѣе или менѣе приличную комнату. Посреди

стояла желѣзная печка, которая всѣх согрѣвала и кормила.

19 декабря.

Станція Юрга. Бухгалтер «Малина» как прозвали мы его, поѣхал вперед, чтобы узнать нѣт ли квартиры. Нас моментально отрѣзала волна бѣженцев и «развѣдчик Малина» скрылся из виду. Напрасны были наши усилія найти его. Рѣшили, что он, не найдя свободной квартиры и нас среди ѣдущих бѣженцев, поѣхал вперед. Ждали мы его возвращенія часа полтора, а потом свернули в село «Поломошное». Ах! как нас тут встрѣтили! Вот большевики были бы довольны таким пріемом буржуев.

«Буржуи проклятые пріѣхали» шипѣли бабы, а парни зловѣще посматривали в нашу сторону. Старушка Малиневская накормила нас вкусным бифштексами и, довольная собой, ласково посматривала на наши сытыя физіономіи. Она задремала, сидя. Ляля и я вполголоса разговаривали и даже потихоньку смѣялись смотря на добродушное лицо Малиневской.

Юрик лежал на столѣ, на подушкѣ, тѣшился свободой и от удовольствія сосал палец правой ноги. Мать с безграничной любовью смотрѣла на свое сокровище. А я с жалостью смотрѣла на ребенка, видя как он позеленѣл, похудѣл от постояннаго пребыванія в душной кибиткѣ, гдѣ цѣлый день горѣла лампа, нагрѣвая «карету».

В комнатѣ послышались шаги, вошли какіе то офицеры, среди них один брюнет небольшого роста. Его мы встрѣтили во время одной остановки. Послѣдній раз видѣли его в Ояшѣ, откуда мы уѣзжали, а он пріѣхал. Теперь он обрадовался, увидя нас.

«И вы здѣсь? Пріятно встрѣтить кого нибудь из своих спутников, т. к. их все меньше и меньше остается в живых. Знаете! Ояш был взят большевиками в 10 час. утра, а мы еще были в Ояшѣ и отходили с боем. Но что может сдѣлать наша горсточка людей? Моего товарища разрубили на маленькіе на куски. Помните со мной был такой высокій, молодой офицер?»

В нашей памяти пробудились воспоминанія и перед глазами предстал высокій, мощный мужчина, который еще за два часа перед смертью весело смѣялся. «Немного осталось из нашей партіи» задумчиво говорил офицер, прислонившись к горячей печкѣ. Итак Омск был сдан 14 ноября в 10 час. утра, а мы выѣхали в 6 час. утра. В Новониколаевскѣ мы были во время мѣстнаго возстанія и выѣхали из города в 5 часов вечера, а город был занят регулярными войсками в 7 час. вечера. Со станціи Ояш уѣхали в 8 час., а станція была сдана в 10 час. утра. На станцію Болотную пріѣхали в послѣдній момент перед сдачей. Одним словом, какая то Высшая рука оберегала нас все время.

Прекрасный зимній день. Тепло, отрадно. Рѣзво бѣгут лошадки. Нас все радует в этот солнечный день. А солнце такое привѣтливое согрѣвает нас своими благодатными лучами. Смѣемся разговариваем и любуемся, как пушистый снѣг попадает нам в лицо и легкій вѣтерок холодит разрумянившіяся щеки.

«На несчастьѣ одного строится счастье другого» припоминаются мнѣ эти слова, столь правдивыя. На станціи «Болотная» поляки имѣли бой с большевиками, поэтому вышла задержка и большевики не идут нам по пятам. Мы довольны этим, а бѣдные поляки много потеряли солдат. Много жизней людских стоило это наше счастье. Под'ѣзжаем к маленькой деревушкѣ, домов в 10, живописно распо-

ложенной на горкѣ. Бѣдность царит ужасная—это не сибиряки, а украинцы новоселы.

В какой дом мы не постучались, вездѣ больные тифом. Остановились у добродушной бабы, она озабоченно суетилась, виновато, сконфуженно посматривала на нас. Потом выяснилось, что ея сын—дезертир Колчаковской Арміи, не хотѣл впустить нас «буржуев» и все время ворчал на мать за ея доброту к нам. Несмотря на его косые взгляды и ворчаніе, мы выпили чаю и улеглись на полу спать. На том полу, гдѣ полчаса тому назад лежали тифозные солдаты.

«Иного выхода нѣт. Может быть, Бог спасет и от болѣзни, как спасает от большевиков» утѣшали мы себя и преспокойно ложились. Дежурили мужчины по очереди всю ночь, кормили лошадей.

20 декабря.

Морозное утро. 7 час. утра. Сквозь маленькія заледенѣлыя окошки пробивается дневной свѣт сѣрый и сонный. Наших мужчин нѣт в комнатѣ. Малиневская хлопочет около стола, зовет всѣх чай пить. Я вышла во двор, ища мужа. Не успѣла я пройти нѣсколько шагов, как гдѣ то недалеко раздалось «та-та-та-та» пулеметные выстрѣлы. Всѣ собрались во дворѣ и прислушивались. Пулемет трещит совсѣм близко, вдали виден дымок, поднимающейся высокой бѣлой мглой в утреннее небо.

«Скорѣй уѣзжайте», кто то крикнул в открытыя ворота, проѣзжая мимо двора, гдѣ мы стояли. «Большевики заняли Тутальскую, сейчас бой на мостѣ с поляками, послѣдніе отступают. Большевики будут здѣсь черезъ полчаса. Бой в полутора верстахъ отъ деревни»— крикнул Федор — денщик князя. Я вбѣжала запыхавшись въ хату, повторяя

слышанное. Всѣ засуетились. Сын хозяйки принял гордый вид и постояв нѣсколько минут в раздумьѣ, вышел из хаты. Баба причитала, но скрыть своей радости, смѣшанной со страхом, не могла.

Малиневская преспокойно пила чай и равнодушным голосом говорила:

«Глупости! Не так плохо какъ говорят, вас нарочно пугают, а вы и чаю как слѣдует не выпьете“.

«Но развѣ вы не слышите, что совсѣм близко стрѣляют?“ — спрашиваемъ мы.

«Стрѣляют! Стрѣляют! Пусть себѣ стрѣляют, если мы будем всегда так летѣть, то человѣк скорѣе захворает отъ этой ѣзды, чѣм оттого, что большевики догонят», — ворчала Малиневская и никакіе уговоры не помогли.

Ляля кормила ребенка, а старушка пила чай. Лошади стояли запряженныя. Стрѣльба не умолкает. Мы выходим и садимся в санки. Выѣзжаем за ворота. Наш выѣзд подѣйствовал, выѣзжают и Малиневскіе в переполохѣ, оставляя мѣшок с дѣтским бѣльем.

Поляки отступают. Из нашей деревни хорошо видно, гдѣ идетъ бой. Бой на горѣ, а мы должны проѣхать под горой, т. к. деревня, в которой мы ночевали, лежала в сторонѣ от тракта, а дорога, соединяющая деревню с трактом, шла оврагом недалеко от мѣста боя.

Спускаемся в овраг. Пулеметный концерт все ближе и ближе. Пролетѣло нѣсколько пуль над головами, гоним лошадей, стараясь какъ можно скорѣй уйти от этой злополучной горы. Оказалось, что не мы одни попали под обстрѣл. В оврагѣ ѣхали бѣженскіе обозы. Тут уже ѣхали, не в один ряд, а в 3 — 4 ряда, наскакивали на деревья, валялись вещи, брошенныя на дорогѣ. Опрокидывались санки, падали люди, вещи. Люди кричали, стонали, нѣко-

торые падали, попадали под лошадь и там ждала их смерть.

Сзади ѣхала колчаковская конница. Отступая, она все топтала на своем пути, желая всѣх опередить. Поляки, видя, что поддержки со стороны Колчаковцев не будет, отступали, а большевики увидѣв с горы удиравшую конницу, в оврагѣ, и бѣженцев, начали стрѣлять и пули их летѣли над нашими головами.

Все больше и больше брошенных вещей на дорогѣ, это затрудняет нам дальнѣйшее продвиженіе. Санки все время накреняются, то в одну то в другую сторону, рискуем вылетѣть из саней.

Какой то солдат наскочил на наши санки, думала, что упадет вмѣстѣ с лошадью к нам в санки. Но на счастье удержался, свернул в сторону, поѣхал между деревьями, поодаль дороги. Кто-то отчаянно закричал, это солдат наскочил на дерево, лошадь спотыкнулась на брошенное кѣм то сѣдло, и солдат упал. Лошадь одна бѣжала дальше. Наша лошадь привыкла идти за санками, а тут на поворотѣ дороги наш обоз пересѣкла конница и наша лошадь не находя санок, за которыми шла все время остановилась. Не помогли крики и кнут. Стоять было опасно, т. к. на нас могли наѣхать, пришлось выскочить из саней и отвести лошадь в сторону.

Муж схватил лошадь под узду, а я и князь бѣжали рядом. Как нас тогда никто не задавил не знаю. Наше счастье, что конница проѣхала и рѣдѣли бѣженскіе обозы. Мы бѣжали таща за собой лошадь, прося проѣзжающих привязать ее к санкам. Но всѣ были глухи к нашим просьбам. Всѣ ѣхали с испуганными лицами, занятыя своими мыслями.

Перед нами мѣнялись санки, люди, а мы не имѣя сил бѣжать, стояли в сторонѣ и с ужасом

прислушивались к тревожным свисткам польскаго штурмового батальона.

Послѣдніе обозы бѣженцев проѣзжают мимо нас, а мы молча стоим, каждый из нас понимает ужас нашего положенія. Мы уже не просим, чтобы нас взяли, чтобы позволили привязать нашу лошадь к санкам. Безнадежно!

Кто может думать о нас, чужих для всѣх в такую минуту. Мимо ѣдут санки розвальни. Один мужчина правит, а сзади спиной к лошади сидит другой и двѣ женщины, глаза сидѣвшаго в санях мужчины посмотрѣли на нас с сочувствіем. Что то толкнуло нас к этому незнакомому человѣку. Мы побѣжали за санками, прося позволенія привязать лошадь. Видимо наши лица выражали столько просьбы, мольбы, что он кивнул головой в знак согласія. Толкнул вбок мужчину, который правил и они свернули с дороги. Мы «притащили» за узду нашу лошадь и привязали к розвальням. Ѣдем. Не знаю нашлись ли бы тогда такія слова благодарности, которыя могли бы выразить все, что было в нашей душѣ. Нѣт! Нѣт таких слов благодарности за спасеніе жизни и еще тогда, когда спасавшій сам бѣжит от смерти и дорожит каждой минутой.

Лѣс кончился. Стройныя сосны, кедры—свидѣтели страшнаго отступленія, тихо шумѣли вѣтвями, как бы укоризненно говоря, что люди сами портят себѣ жизнь, не умѣя цѣнить того свѣтлаго и прекраснаго, что несет она с собой.

В полѣ, среди массы бѣженцев, мы увидѣли кибитку Малиневскаго и остальной наш обоз. Мы его догнали, поблагодарили еще раз своих спасителей и, привязав лошадь к нашему обозу, двинулись дальше.

Сегодня должны доѣхать до Тайги. До города не доѣдем, но хотя бы углубиться в Сибирскую тайгу, уйти дальше от большевиков.

Ѣхали цѣлый день без остановки. Кто хотѣл ѣсть—рубил топором или шашкой замерзшій, как камень хлѣб, а вмѣсто воды ѣл снѣг. Когда кому-нибудь было холодно и он почти замерзал, того поили водкой, и он бѣжал рядом с лошадью. Зубы болѣли от тающаго во рту хлѣба, а по тѣлу пробѣгала дрожь. Но человѣк—это созданіе, которое может перенести в смыслѣ нравственном и физическом.

Вечером доѣхали до раз'ѣзда Яшкино, никто не рискнул остановиться, т. к. настроеніе здѣсь было большевицкое, что говорило о близости большевиков. Поздній вечер. В'ѣзжаем в лѣс. В тот лѣс, которыми так богата Сибирь. Лѣс, полный тайны, задумчивый и грустный.

В полѣ вѣтер, воя и кружась над нами, нагонял какую-то безотчетную жуть, а при в'ѣздѣ в лѣс нас охватила тишина торжественная, как будто мы перешагнули в какое-то святое святых и мы боимся пошевелиться, чтобы не нарушить этой тиши. Сладкая грусть, как тихая ласка, тоска о чем-то хорошем росли в душѣ.

Нам казалось, что мы добрели уже до цѣли и стоим у тихой пристани. Мы дѣйствительно стояли.

Сотни санок растянулись в одну змѣйку и стояли цѣлыми часами на мѣстѣ. Называю лѣсную дорогу змѣйкой, т. к. она дѣйствительно представляла из себя узенькую ленту. Настолько узкой, что только однѣ санки могли помѣститься в ширину дороги, а с боков возвышались сугробы снѣга, мѣстами достигавшіе роста человѣка.

Ничего не видно, кромѣ снѣга, вѣковых деревьев и санок, близко стоявших однѣ за другими. Что дѣлается дальше перед нами и за нами, не видно, ничего не извѣстно. Мы в полутемном коридорѣ...

Тихо... Спокойно... Ни голоса, ни звука. Всѣ молчат, временами слышится шопот и фырканіе лошадей, кое-гдѣ треснет сучек, задѣтый зайцем, который наткнувшись на наш обоз, летит в сторону, или сухая вѣтка отвалится и падая стряхивает иней с елей сосен. А в верху вѣчно зеленыя сосны и ели шепчутся, недоумѣвают, кто смѣл нарушить их покой. Мы, замерзшіе сидим в санках и не хочется разогнуть обледенѣвшія ноги. В ушах звучат какіе-то чудные звуки, а лѣс разсказывает старые слышанные в дѣтствѣ сказки. Душа уносится в это царство чародѣя, вѣки смыкаются, стряхивая с рѣсниц холодный иней. Хочется заснуть. Но кто-то будит меня, тормошит, тащит из саней. Тогда я чувствую, что я совсѣм холодная, как этот снѣг, что окружил нас со всѣх сторон.

«Надо двигаться, ходить, выпить водки. Ты совсѣм замерзнешь»—слышался сквозь сладкую дремоту голос мужа. Я едва шевелила губами, мнѣ так хочется сказать, чтобы оставили меня в покоѣ.

Мнѣ так хорошо, тепло и спокойно, так пріятно слушать лѣсную сказку. Но мнѣ вливают в рот водку, которая непріятно обжигает губы. Дрожь и чувство холода говорят о горькой дѣйствительности.

Я пробуждаюсь. Меня вытаскивают из саней, я начинаю топтаться, бороться с мужем и пью холодную водку. Согрѣваюсь, ложусь в санки, и меня закрывают с ног до головы всѣм, что имѣем из теплых вещей. Мороз тридцать два градуса; хорошо, что вѣтра нѣт.

Первое впечатлѣніе послѣ в'ѣзда в лѣс прошло. Всѣ вполголоса разговаривают, топчутся, постукивая нога о ногу, рубят хлѣб, закусывают.

Вдали слышится однотонное понуканіе лошадей — это артиллерія везет орудія, виновница задержки, т. к. артиллерія шла впереди, а мы, бѣженцы, ѣхали за ней. На лѣсной узкой дорогѣ было

так много снѣга, что орудія тонули в сугробах и приходилось расчищать дорогу, вытаскивая пушки из глубокаго снѣга. Нѣкоторые бѣженцы стояли здѣсь с утра, передвигаясь в чащу лѣса черепашьим шагом. Вся дорога была взрыта, и санки ныряли в громадных ямах.

Костер нельзя было развести, т. к. большевицкая развѣдка, видя огонек, могла бы набрести на наш слѣд. Надо было вооружиться терпѣніем и запастись энергіей и ждать. Ждать час-два-десять.

Позднѣе мы слышали, как погибли здѣсь бѣженцы, настигнутые большевиками. Нѣкоторых бѣженцев-офицеров убили распяли на санцах, и оставив эти голые изуродованные трупы, большевики шли дальше, неся за собой смерть и издѣвательство.

Тѣ, которые каким-нибудь чудом остались живы, замерзли в лѣсу, и вся эта прекрасная дорога через Сибирскую тайгу усѣяна была трупами. Всѣ ящики, корзины, весь скарб, что везли с собой эти люди, был вытащен на снѣг, разбросан, что было цѣнное, то было унесено с собой, а остальное лежало рядом со страшными трупами в ужасных позах, с запекшейся кровью, с вывернутыми руками.

Мы всю ночь простояли в этом лѣсу. Всю ночь мерзли, прыгали, боролись и усталые садились в санки, чтобы снова, едва передвигая ноги, вылѣзти и скакать, глупо размахивая руками.

21 декабря.

Ночь тянулась долго. Надоѣл этот лѣс, пугавшій своей темнотой. Под утро добрели до какой то сторожки или раз'ѣзда. Не помню, как я очутилась в комнатѣ, гдѣ было много милиціонеров. Здѣсь мы

устроились только благодаря князю, который сказал свою фамилію дежурному милиціонеру. Дали нам мѣсто на полу. Комната была грязная, небольшая, заплеванная. На асфальтовом полу лежали солдаты. Какой то услужливый солдат подал мужу пень. Этот пень послужил мужу стулом, а я сѣла на пол, положила голову мужу на колѣни и моментально заснула, не чувствуя удушливаго запаха махорки и поту, не слыша ругани и грубаго смѣха. Проснулась. В комнатѣ свѣтло. Мужа нѣт. Моя голова лежит на полушубкѣ, заботливо подложенным мужем. Сѣла, протерла глаза и вспомнила гдѣ я. Выйдя на улицу, увидѣла около наших санок костер, а из саней князь и мой муж тащили еле живого Чесика Хмѣля, который, лежа в санках, начал замерзать. Он безсмысленно трес головой, что то безсвязно бормотал и стучал зубами. Его принесли в ту комнату, гдѣ мы отдыхали. (Малиневскіе проспали сидя в сосѣдней комнатѣ).

Времени на горячій завтрак нѣт. Ѣдем. Наконец и станція Тайга перед нами. Уже вечерѣло, когда мы приближались к этим домикам, из труб которых выходил дым, густой, сѣрый, прямым столбом поднимаясь вверх. Послѣ долгих усилій удалось найти маленькую комнатку у какого то татарина во втором этажѣ, куда мы попали только поздно вечером, т. к. цѣлый день прошел в поисках пристанища. Сначала заѣхали к какому то желѣзнодорожнику и там встрѣтили бѣженцев, ѣхавших из Екатеринбурга. Несчастные скитались уже пять мѣсяцев. Что значили наши переживанія в сравненіи с их переживавіями?

Итак мы уже в теплой комнатѣ, первый раз, кажется за всю дорогу мы были в чистом помѣщеніи. Сосѣдню комнату занимала семья татарина, болѣвшая тифом.

Мужчины наши узнали, что охраняют станцію «Тайга» поляки, кромѣ того стоит здѣсь нѣсколько колчаковских эшалонов.

Ѣхать дальше на лошадях нельзя, т. к. вдоль желѣзнодорожнаго пути хозяйничает банда извѣстнаго большевика Щетинкина, ѣхать все время обходом нѣт сил, кругом тайга,*) надо хорошо знать дорогу и гдѣ гарантія, что удастся уйти от какой нибудь бродячей партизанской банды, скрывавшейся в лѣсах. Все говорило за то, что надо искать другой способ передвиженія или оставаться в «Тайгѣ». Послѣднее было невозможно, т. к. никто не принимал бѣженцев, боясь большевиков. Оставалось искать кого нибудь из знакомых в польских эшалонах и просить позволенія ѣхать в их поѣздѣ. Малиневскій с мужем сразу послѣ чаю вышли. Вернулись довольные, говоря, что навѣрное удастся устроится в польском эшалонѣ и даже в таком, который не принимает участія в боях. Этот эшалон назывался «желѣзнодорожная рота», на обязанности которой лежала починка всѣх польских паровозов.

Спокойно заснули мы в эту ночь.

22 декабря.

Утром окончательно узнали, что приняты в польскій поѣзд. Не могли дождаться, когда будем грузиться. Князь ѣхал с нами. Он был записан, как мой отец, я называла его «папаша», «рара». Никто не понял бы той радости, какую мы переживали. Малиневскій встрѣтил в желѣзнодорожной ротѣ своего знакомаго поручика К., ему мы и обязаны за все то хорошее, что он для нас сдѣлал,

*) Тайга—непроходимый сибирскій лѣс.

отвоевая нам мѣсто в поѣздѣ, прося об этом начальника эшалона. Мы на станціи. Не чувствуется здѣсь безпокойства, не видно испуганных, озабоченных лиц бѣженцев, замерзших и голодных, нѣт той сутолоки, какая царит в городѣ. Наши подводы стояли вдоль эшалона, по очереди, подвигаясь к вагону, в который мы грузились. Я с благодарностью смотрѣла на польскаго часового и так была погружена в свои радостныя мысли, что не замѣтила, как из наших саней кто то стянул доху мужа, а другой украл шкуру вола, которую мы стелили в санях, лошадей мы оставили на произвол судьбы около вагонов и через пять, десять минут их уже не было. Взяли их желѣзнодорожники и бѣженцы.

В польском эшалонѣ

Бой в „Тайгѣ". Взрыв в Ачинскѣ. Конфликт с чехами. Разоруженіе Польской V дивизіи.

Мы в вагонѣ. Встрѣтила нас миловидная женщина, лѣт тридцати пяти, хохлушка. Она говорила, что муж ея сегодня дежурит на станціи. В правой сторонѣ теплушки стоял стол и двѣ кровати. На одной из них лежало двое дѣтей, мальчик и дѣвочка, с любопытством посматривавших на нас, высовывая головы из за подушек. Это были дѣти наших хозяев теплушки. Лѣвую половину вагона они уступили нам. А было нас семь человѣк. Я, муж, князь и еще одна семья, ѣхавшая из Новониколаевска, но одновременно с нами грузившаяся в этот вагон.

Эта семья, так же как и мы, ѣхала в Колчаковском поѣздѣ, а потом на лошадях. В Тайгѣ она встрѣтила поручика К. и он устроил ее в этот поѣзд. Итак наши новые спутники как и мы благодаря доброму сердцу поручика К. имѣли теплый угол в польском эшалонѣ. Семья эта состояла из: старушки матери, двух дочерей и зятя (офицера, мужа старшей дочери).

Семья Малиневских и Чесик помѣщались в сосѣднем вагонѣ, гдѣ им также уступили половину теплушки; хозяева их вагона производили несимпа-

тичное впечатлѣніе, очень неохотно приняли своих новых гостей. Не скажу, чтобы и наша хозяйка была довольна нашим присутствіем. Она нервничала, ожидая мужа, даже выходила два раза, ища случая встрѣтиться с ним и разсказать, что у них поручик К. отобрал полвагона и какіе то неизвѣстные бѣженцы преспокойно разложили свои вещи и весело попивают чай, согрѣтый на ея печкѣ. Но хозяин вагона долго не показывался.

9 час. вечера. Мы мирно разговариваем, сытые, согрѣтые. Двери вагона открылись и вошел мужчина и стал кричать:«Кто имѣл право влѣзть в мой вагон? Я никого не принимаю». Пред нами предстала фигура солдата, одѣтаго в зеленую военную шубу, какія имѣли всѣ союзныя войска. Мѣховой воротник и обшлага, широкій пояс с револьвером, и в руках винтовка. С лѣвой стороны лица у него был шрам, начинавшійся от щеки и шедшій под ухом на затылок. Глаза горѣли каким то злым огоньком. Таков был хозяин нашего новаго убѣжища. Муж об'яснил ему, как мы попали сюда, кто нас устроил.

Наступил мир в нашей новой коммунѣ и через четверть часа Нотович сидѣл с нами, слушая наши разсказы о злополучном путешествіи. От него мы узнали, что в данный момент на станціи Тайга находится: первый польскій полк, штурмовой батальон и польскій броневик «Краков». Русских эшалонов немного 3—4, русскій броневик «Забіяка», и кажется, еще другой, «Дѣдушка».

Нашу мирную бесѣду прервали выстрѣлы, раздававшіеся гдѣ то недалеко. Выскочили узнать. Оказалось, что на сосѣднем пути загорѣлся вагон с патронами. Подозрѣвали в поджогѣ мѣстных большевиков. Поляки энергично принялись ликвидировать пожар, оттянув горѣвшій вагон подальше от поѣздов, стоявших на станціи.

Ночь ничего не предвѣщала страшнаго. Как то спокойно чувствовалось, сидя в вагонѣ и слушая временами шаги часовых, ходивших вдоль эшалона. Рядом, на сосѣднем пути, стоял русскій поѣзд, через стекла запыленныя и грязныя, можно было видѣть офицеров, их жен и дѣтей.

23 декабря.

Я дремлю, но сквозь дремоту слышу выстрѣлы. Опять, опять. Надо проснуться, узнать, может мнѣ только кажется. Я сажусь на кровать, протираю глаза и такое же недоумѣвающее выраженіе вижу на всѣх лицах. Князь, муж, наш новый спутник прислушиваются и молча спрашивают друг друга глазами. Хозяина вагона уже нѣт, только жена его, стоя посреди вагона слушает, откуда стрѣляют. Выстрѣлы все чаще и чаще. Уже гдѣ то недалеко стучит пулемет. Около вагона слышатся торопливые шаги, бѣготня и временами голоса, отдающіе какіе то приказанія. Не успѣли мы сообразить, в чем дѣло и подѣлиться своими предположеніями, как отворились настежь двери и в вагон вскочил блѣдный Нотович. Губы его от волненія тряслись, и он прерывающимся голосом крикнул:

«Большевики нас окружили. В четыре часа ночи заняли город и при помощи мѣстных большевиков они теперь окружили станцію. Начался бой. Перестрѣляют сейчас нас всѣх, ѣхать не можем, т. к. наш эшалон не имѣет паровоза. Он еще в ремонтѣ, в депо.

«Гдѣ дѣти? Гдѣ дѣти?» кричал он безпомощно, хватаясь за вещи, лежавшія в вагонѣ, бросаясь к дѣтям, которыя испуганно смотрѣли во всѣ стороны и не могли понять, что случилось. Поцѣловав сына, прижал дочь к своей груди, отошел от их кроватки.

Еще раз устремил свой взгляд на малюток, жену и видимо какая то страшная мысль мелькнула в его головѣ. Шрам побѣлѣл, а лицо налилось кровью. Махнул рукой на дѣтей и бросился к дверям.

„Одѣть дѣтей“ крикнул он и исчез в настежь отворенных дверях. Жена его начала плакать и, обращаясь к нам, спрашивала. «Зачѣм одѣвать?» «Куда мы пойдем? Вездѣ стрѣльба! Бѣдныя дѣти! Бѣдныя мы всѣ! Что теперь с нами будет? Куда он ушел?» Она то плакала, то молилась, прижимая к себѣ малюток, то звала мужа через отворенную дверь. Мы не могли даже ее утѣшить. Не могли дать ей хоть маленькій луч надежды на спасенье. Безпомощные сидѣли мы в тѣсном вагонѣ, прислушиваясь к усилившейся канонадѣ. То вставали, подходили к дверям, слушали, то снова возвращались и старались в глазах один у другого прочитать отрадныя мысли. Но их не было. Тревога, безпокойство были у всѣх на лицѣ. Мужчины наши не имѣли даже оружія при себѣ, кромѣ револьвера князя. Да и нужно ли было оружіе в такой момент, когда горсть людей, имѣвшая около себя женщин и дѣтей, будет защищаться от вооруженных солдат.

Сидѣли и ждали развязки, отгоняя от себя страшныя мысли, рисовавшія в нашем воображеніи кошмарныя картины. Я подошла к дверям, мнѣ казалось, что кто то раненный стонал и хотѣл войти в вагон. Но никого не было, только под вагонами сосѣдняго поѣзда польскіе солдаты, держа на готовѣ винтовки и скрываясь за темными колесами, стрѣляли. Пулемет с лѣвой стороны нашего поѣзда работал интенсивнѣй. Кто то крикнул, что большевики атакуют русскій броневик «Забіяку».

«Значит уже так близко» подумала я, припоминая, что броневик стоит через нѣсколько путей от нас. Наша хозяйка одѣла уже дѣтей и теперь то и дѣло подходила к дверям, ожидая мужа и раз-

спрашивая поминутно проходившихъ мимо солдат. Затѣм она взглянула в маленькое окошечко теплушки и, позвав меня, сказала:

«Что там дѣлается! Посмотрите!»

Я вскочила на лавку, но долго смотрѣть не могла, т. к. увидѣла через разсѣявшійся дым цѣлую кучу трупов и большевиков, в бѣлых мѣховых шапках с красными лентами, бѣжавших навстрѣчу полякам.

«Скоро придут к нам» мелькнуло в мыслях. «Какая глупая и ужасная смерть нас ждет». И мною опять овладѣло отупѣніе, равнодушіе, прерываемое иногда минутами нетерпѣнія.

«Скорѣй бы, скорѣй смерть или жизнь».

Страха нѣт, хотя положеніе дѣйствительно становилось ужасным. Паровоза не было, а кольцо большевиков становилось все уже и уже. Мы помощи ни откуда не ждали, а большевики подходили к Тайгѣ с новыми силами.

А что дѣлалось в русских эшалонах, гдѣ ѣхало преимущественно офицерство!

Кровь холодѣет в жилах при воспоминаніи о том, что мнѣ, как невольному свидѣтелю, пришлось увидѣть. Перед нашими глазами разыгрывались драмы.

Из русскаго поѣзда выходили пассажиры, с безграничным страхом, озирались, осматривались по сторонам. Выраженіе лица измѣнялось, люди блѣднѣли еще больше при видѣ безвыходнаго положенія.

Спасенья нѣт! Это каждый чувствовал и метался во всѣ стороны, в скорой смѣнѣ надежды и отчаянія. Прошло уже нѣсколько лѣт, как все это было пережито, но в памяти до сих пор горят, как неугасимые огоньки пережитаго, страшныя воспоминанія, яркія, кровавыя, озаренныя холодным зимним солнцем и налитыя кровью.

Помню открытыя двери нашаго вагона, а напротив вагон второго класса колчаковскаго поѣзда. Из него выскочил русскій полковник. Лицо чисто русское, небольшая, с просѣдью бородка. Одѣт в зеленый френч и синіе брюки. За ним выбѣжала дама лѣт 35.

«Ну, что? Как?» Задавала она вопросы, стоя на площадкѣ вагона и держась за косяк дрери. Она не дождалась отвѣта, соскочила со ступенек на перрон и подбѣжала к полковнику. Схватила его за плечо и впилась пытливыми глазами в лицо.

«Спасенья нѣт? Ну, говори скорѣй!» Трясла она все сильнѣй за плечо мужа. А он что то лепетал, безпомощно разводя руками, и осматривался по сторонам.

Он схватился за револьвер и быстрыми шагами направился в сторону кононады. Жена, схватив его за руку, что-то говорила со слезами в голосѣ. Он остановился. Тихими шагами возвратился обратно, стал думать о чем то важном, нахмурив брови, стиснув зубы. Какая то борьба происходила в нем.

При этой сценѣ из вагона выскочила дѣвочка, лѣт девяти — десяти, смуглая, худенькая, с выраженіем испуга в красивых черных глазах.

«Папа! Папа» крикнула она и с плачем бросилась к родителям. Она не чувствовала холода, стоя на морозѣ в коротеньком платьицѣ, чулочках и сѣрых ночных туфлях.

«Папа!» повторил еще раз дѣтскій голос. При этих знакомых дѣтских словах полковник поднял голову, сдѣлал нѣсколько шагов по направленію к ребенку. Снова остановился. На озабоченном лицѣ легла новая складка, рѣшимостью дышали его черты. Скользнула тѣнь жалости, но он махнул рукой, как бы отгоняя назойливую муху. Еще раз взглянул в сторону боя, потом на жену и дочь—безпомощных,

жалких, стоявших возлѣ него с пытливым взглядом, ищущих в его лицѣ отвѣта на всѣ их вопросы. Его рука, держа наган, нѣсколько дрогнула. Но вот курок взведен. Сердце холодѣет, предчувствуя что то ужасное. Хочется отвернуться, чтобы не видѣть, но глаза, как магнитом притянутые, не могут оторваться. Хочется крикнуть, удержать его от страшнаго шага. Но я стою как окаменѣлая. Поздно! Здѣсь ничто не поможет. Вижу его взгляд полный любви и мольбы о прощанiи взгляд, направленный к женѣ. В этом взглядѣ все: рѣшимость, любовь, и тоска, и жажда запечатлѣть в душѣ образ жены, так дорогой ему и близкiй. Она поняла его, кивнула головой, прижала к своей груди ребенка и, страстно его поцѣловав, обернулась снова к мужу.

«Не отдам! Большевики не будут издѣваться над нами. Уйдем отсюда вмѣстѣ!» — крикнул он каким то хриплым, странным голосом. Махнул рукой. Раз! и... труп жены полковника лежал на землѣ, к нему бросилась дѣвочка, рыдая и бросая вопросительные взгляды на отца, как-бы желая узнать, что случилось. Почему ея бѣдная мама убита? Зачѣм все это?

Едва успѣли промелькнуть это вопросы в дѣтской головкѣ, как ребенок увидѣл холодное дуло революльвера, направленное на него. Дѣвочка, как звѣрек, спасаясь от смерти, вскочила и в одно мгновенiе была около отца, схатив его за руку, державшую револьвер. Она заглянула ему в лицо свѣтящимися от слез глазами и стала просить:

«Папочка! Оставь меня! Дай мнѣ жить. Оставь. Мнѣ ничего не сдѣлают большевики. Не лишай меня жизни!»

Дѣтскiй голосок звучал, как нѣжное щебетанiе птички во время бури и вѣтра. Так нѣжны, так

тихи были ея слова в сравненіи с пулеметной кононадой, с голосами бѣжавших солдат.

Рука отца давно свѣсилась безсильно, дрогнула, а другая отмахивала назойливую слезу. Усы дрожат от скрытаго плача. Этот родной дѣтскій голос встрепенул неясную струну отцовскаго сердца и пробудил в нем сознаніе, что не ему принадлежит жизнь ребенка. Этот лепет, знакомый и близкій, разбудил в нем горячее безграничное чувство любви к своему дѣтищу. Он повѣрил ей, что от большевиков она не увидит ничего злого. Повѣрил... и уступил, как уступал иногда, исполняя ея капризы.

А он так боялся этой минуты. Боялся встрѣтиться с дочерью глазами. Это не тѣ глаза, глаза жены, которая поняла и простила и согласилась на этот шаг. Эти глаза говорят иное. Они зовут и просят жизни. Она будет жить, ей ничего не сдѣлают большевики, она ребенок, а я? И видимо, ужасным представилось ему будущее, т. к. рука с револьвером медленно поднялась. Не надо искать всепрощающаго взгляда в этих дѣтских глазах. В дорогих глазенках он прочтет или упрек или просьбу сохранить жизнь и это удержит его от того шага, на который он уже рѣшился. Она не поймет его, т. к. не сознает всей опасности, какая угрожает ему. Он закрывает глаза и усмѣшка муки и боли появляется на лицѣ. Он не простился с ребенком, боялся оказаться малодушным. А дѣвочка, стоя на колѣнях, обнимала его ноги, плача и прося:

«Папочка жить! Зачѣм все это. Бѣдная мама. Папочка жить! Оставь меня. Жить! Жить!»

«Прощай! я иду с тобой!»—вырвалось у него с запекшихся губ и взгляд упал на труп жены.

Под лепет ребнка, под свист летящих пуль он простился с жизнью и его тѣло легло недалеко от неостывшаго трупа жены. А ребенок, стоя на колѣнях, то бросался на труп матери то на труп

отца. Дѣвочка плакала, что то шептала, то вдруг закрывала посинѣвшими от холода ручонками заплаканное лицо и громко всхлипывала. Мы выскочили из нашего вагона, взяли на руки дѣвочку и принесли ее в вагон. Маленькая, худенькая, посинѣвшая дѣвочка дрожала всѣм тѣлом, и не отдавала себѣ отчета, что с ней и гдѣ она. Пока несли ее на руках, она не отрывала задумчиваго взгляда от дорогих трупов. Ушли, оставили ее одну маленькую, ничтожную и жалкую.

Мы отупѣли, застыли. Казалось, что-то тяжелое упало мнѣ на голову, давит и не дает ни о чем подумать, дать отчет в том, что дѣлается. В ушах еще звучит хриплый голос полковника и щебет ребенка, а глаза видят два еще теплые трупа.

Странным теперь кажется, что никто не мог повлiять удержать малодушных людей от этого послѣдняго шага. Но тогда, в тѣ минуты, наоборот малодушiем и слабоволiем считалось это добровольное ожиданiе издѣвательства, пыток и смерти от большевиков.

На наших глазах застрѣлился военный врач, который, выйдя из вагона, увидѣл что большевики кругом, и что спасенья нѣт. Он выстрѣлил себѣ в висок из нагана. Это случилось в один момент, револьвер выпал из руки, а из виска сочилась алая кровь. Смерть была моментальна. Сестра милосердiя, боявшаяся большевистскаго самосуда, выпила какую то прозрачную жидкость из маленькой бутылочки, двѣ три конвульсiи и все кончено. Навсегда она ушла от нас. Польскiй солдат, к которому подходит офицер, кричит послѣднему чтобы он отошел подальше, бросает гранату.

Треск разбитых стекол, пулеметная стрѣльба, взрыв гранаты, стоны, плач ребенка и голоса команды польской и русской, все смѣшалось вмѣстѣ.

Солдата уже не было, а вмѣсто него были видны какіе то окровавленные куски мяса.

В вагонѣ тишина, каждый погружен в свои думы. Всѣ, как прибитые. Я время от времени чувствую, как отнимаются ноги и зуб на зуб не попадает. Но проходит и это. Дервенѣю вся и соглашаюсь со всѣми вопросами, какіе приходят в голову. «Умереть? Хорошо! Поведут на разстрѣл. Здѣсь будут издѣваться?» И на все один отвѣт: «Только бы скорѣй конец»

Иногда даже кажется, что жить незачѣм. Наши размышленія были прерваны неожиданным приходом Нотовича, который влетѣл в вагон, как пуля.

«Мы почти спасены» — кричал он.

«Наши солдаты, под ужасным огнем, вытащили паровоз из депо и сейчас его прицѣпят к нашему поѣзду».

Мы не поняли его слов, они казались удивительной фантазіей. Тут умирают, убивают дѣтей, себя, а мы вдруг поѣдем. Куда? Зачѣм? Неправда все, что он сказал. «Мы должны будем проѣхать через цѣпь большевиков, поэтому берегитесь, поѣдем под страшным огнем».

В подтвержденіи его слов, наш вагон толкнуло. Кровь бросилась в голову, радость необ'ятная, безудержная охватила всѣм существом. Вѣра в недалекое спасеніе, жажда — неодолимая ничѣм жажда жизни поглотила нас. Паровоз прицѣплен. С грустью смотрю я на русскій эшалон, обреченный на вѣрную смерть. Дѣвочка сирота ѣдет в нашем эшалонѣ, в классном вагонѣ. Мой муж и князь искали ея родных или знакомых в русском поѣздѣ, нашли какую то даму, которая взяла дѣвочку под свое покровительство и теперь ѣхала с ней в нашем поѣздѣ.

Нотович разсказал нам, что, выйдя из вагона, он пошел в депо, гдѣ работали польскіе солдаты и

спѣшили поправить два паровоза. Один удалось вытащить и прицѣпить к нашему поѣзду, а другой еще в депо.

Бой горячій, много убитых красноармейцев, главным образом, во время атаки броневика «Забіяка».

Сражается первый польскій полк, III батальон второго полка и штурмовый батальон, а из русских поистинѣ по богатырски сражается Пермскій полк. Солдаты, как львы, послушно и мужественно идут вперед. Если наш эшалон пройдет благополучно, то будет послана поддержка полякам, т. к. мы дададим знать недалеко отошедшим польским эшалонам. А может быть они уже знают и идут на помощь?

Послѣдній взгляд на русскій печальный поѣзд, на застывшіе трупы, и мы ѣдем. Видно, что мы под'ѣзжаем к цѣпи большевиков, т. к. все слышнѣе русскіе голоса и чаще чаще выстрѣлы.

«Спрячтесь!» Командует кто-то. Всѣ повинуются молча. Кто влѣз под перину, кто под мѣшок с мукой, а я и муж лучше всего устроились. Он сѣл против двери на нашу кровать, а я на пол и заставила себя стулом. И так проѣхали. Воображаю, какой комическій вид мы представляли в тот момент, когда стрѣляли в наш вагон. При каждом стукѣ пули в стѣнку вагона, я прятала голову под стул. Теперь я еще больше вѣрю в судьбу, что «если кто должен быть повѣшен, не утонет». Ѣхали мы быстро. Все тише и тише дикіе крики и кононада. Мы облегченно вздохнули, когда увидѣли чистое поле. Сколько разговору. Сколько мыслей каждый из нас хотѣл высказать. Говорили наперерыв, стараясь перекричать друг друга. Нам вторил стук колес и свист вѣтра. Зимній вечер тихій, задумчивый. Наш эшалон стоит в степи совсѣм близко от станціи Судженка. То и дѣло открыва-

ются двери вагона и входят польскіе солдаты, прорвавшіеся через цѣпь большевиков. Нѣкоторые из них легко ранены, они ищут, гдѣ бы отдохнуть от пережитых минут. Но долго не засиживаются в нашем теплом вагонѣ. Идут на мѣсто сбора. Теперь поляки выдали оружіе всѣм ѣдущим, и время от времени дежурный по эшалону проходит вдоль поѣзда, стуча кулаком в дверь и кричит: «na pogotowie» (быть на чеку). Послѣ такого сигнала из каждаго вагона выходит один дежурный по вагону и, прохаживаясь вдоль него, всматривается в степную даль, нѣт ли чего подозрительнаго. Можно было ожидать нападенія на поѣзд со стороны партизанских банд, бродивших во всѣх направленіях и, появляющихся иногда там, гдѣ их совсѣм не ожидали.

В нашем вагонѣ дежурили князь, муж и офицер-муж нашей спутницы из Ново-Николаевска. Нотович отдыхал, ему были мы благодарны за все, и хотѣли хоть чѣм нибудь отблагодарить.

Новый стук в двери. Вошел солдат с винтовкой. Его лицо говорит о том, что он устал и голоден. Тяжело опустился на стул, поданный нашим хозяином вагона и попросил напиться. Из разговора с ним выяснилось, что идет он из Тайги, принадлежит к русскому Пермскому полку, который так храбро сражался. Он разсказал то же самое, что и Нотович: штурмовой батальон, первый польскій полк, Пермскій полк и еще незначительное количество колчаковской арміи прорвали цѣпь непріятеля и ушли из Тайги. Большевиков погибло очень много. Тайга навсегда оставила у них кровавое воспоминаніе, т. к. от Омска до Тайги они не имѣли такого продолжительнаго боя. Пойманные в плѣн большевики все время говорили: «Вот сегодня то было жарко всѣм. Уж не помним, когда так было».

Наш гость сидѣл долго, грѣясь около желѣзной печки и пил горячій чай. Разсказывал с большим воодушевленіем, как прорывались они через цѣпь, сколько было убитых, раненых. Мы слушали, затаив дыханіе, и перед нашими глазами вставали кошмары сегодняшняго дня.

Впереди нас ждали новыя неожиданности. Станція Судженк была уже занята мѣстными большевиками; об этом говорил красный флаг. Но видимо всѣ слышали о жарком боѣ в Тайгѣ и поэтому большевики встрѣтили наш эшалон очень любезно.

Спросили сколько нам нужно угля. «Берите сколько надо и уѣзжайте скорѣй, мы пропускаем всѣ польскіе эшалоны». Видимо боялись, чтобы и здѣсь не заварилась каша. Прислали нам двѣ платформы с углем.

Было как то спокойнѣе, но все же не спалось нам в эту ночь. Впечатлѣнія дня разгоняли у нас сон и заставляли по нѣсколько раз вспоминать одно и тоже. Вечером мы узнали, что только два эшалона вырвались из Тайги, а остальные должны были отступать пѣшком, т. к. большевики разобрали желѣзнодорожный путь. Наш поѣзд, не встрѣчая задержки на своем пути, летит, как экспресс, весело разрѣзая зимнюю мглу и унося с собой нас, счастливых.

25 декабря.

Станція Ижморская. Мы совсѣм оклиматизировались в этом гостепріимном эшалонѣ. Подружились с поручиком К., который перевел нас и наших Новониколаевских спутниц в вагон третьяго класса. Только муж Маріи Васильевны (так звали старшую дочь) осталась в вагонѣ Нотовича. Странная была эта семья. Старуха мать полукосая на один глаз,

худая, говорливая производила на свѣх непріятное впечатлѣніе. Старшая дочь миловидная блондинка лѣт 22 была кумиром и деспотом семьи. Ей всѣ подчинялись, угождали ей, слушались. Одна только двѣнадцатилѣтняя ея сестренка «Фроська» не признавала авторитета старшей сестры. Злостно и открыто высказывала свое возмущеніе не по лѣтам развитая дѣвочка. А возмущаться дѣйствительно было чѣм. Марія Васильевна, или Мурка, как называла ее мать, выдавала нам своего мужа за брата. Прогоняла его все время из эшалона, постоянно говоря, что он своим присутствіем подвергает их, женщин, большой опасности, в случаѣ прихода большевиков, (т. к. он был Колчаковскій офицер). Сама, на его глазах, немилосердно флиртовала с поручиком К. который просиживал в нашем вагонѣ цѣлые вечера. Но переживанія офицера – мужа Мурки наводили нас на размышленія и в душу закрадывалось сомнѣніе, может ли брат так плакать ночью в углу вагона и горячо просить Мурку: «Позволь мнѣ остаться здѣсь... с тобой».

Во время ссоры Фроськи с Муркой, мы узнали секрет и Муркѣ пришлось открыто, признаться нам, что Сергѣй Степанович дѣйствительно ея муж, но она боится ѣхать вмѣстѣ с ним, т. к. потом ей придется нести тяжелыя послѣдствія, как женѣ офицера. Меня до глубины души возмущал ея поступок. Итак любовь до перваго горя. В тяжелую минуту уйти, бросить как ненужную вещь, не подумав о том, что именно теперь может быть больше, чѣм когда либо ему нужна твоя ласка, твой привѣт и поддержка.

Она ушла с нами в вагон 3-го класса, а он остался в теплушкѣ Нотовича. Иногда он приходил к нам, грустный, задумчивый, бросая молящіе, укоризненные взгляды на свою жену. Тогда выходила старуха Мать или Мурка из вагона и убѣждали его

горячо, запальчиво. Но он не измѣнял своего рѣшенія и был хоть не вмѣстѣ, но все таки недалеко от той, которая может быть одна только удержала его тут на землѣ.

В вагонѣ третьяго класса мы устроились по буржуйски. Там два купе было соединено в один. Направо от дверей первыя полки занимали мы, т. е. я и муж, а верхнюю князь. «Папа» только и жил надеждой, что удасться увидѣться с семьей. Каждая верста, отдѣлявшая нас все больше и больше от большевиков, приводило его в великолѣпное настроеніе. Вечером то и дѣло приносили чайник с кипятком, и муж с князем ярые любители чаю опоражнивали стакан за стаканом, разсказывая без умолку анекдоты и веселые эпизоды.

Немного нужно человѣку, чтобы быть веселым. Теплый угол, горячій чай с сибирскими лепешками, которыя мы жарили на желѣзной печкѣ, и увеличившееся разстояніе между нами и большевиками, создавали веселое настроеніе.

Малиневскіе как то отдалились от нас. Были немного обижены на нас за то, что мы достали лучшее мѣсто. Но все же отношенія между нами не измѣнились, они остались для нас такими же милыми и близкими. Муж и князь почти каждый день навѣщали Малиневских, а Малиневскій и Чесик нас. Но мы, женщины, заняты были обѣдом, ужином, печеньем булок, стиркой, починкой, и зимній короткій день проходил быстро.

26 декабря.

В Боготолѣ стояли два дня. Наш эшалон пришел первый на станцію, а теперь починяли паровозы всѣх новоприбывших польских эшалонов. Каждый день по нѣсколько эшалонов уходило на восток.

На другой день стоянки отправились мы в Боготал за покупками. Тут припомнились тяжелыя минуты нашей дороги. Суета, бѣготня по улицам, повальное бѣгство из города, все повторялось, но не производило на нас такого угнетающаго впечатлѣнія, как в началѣ дороги.

«Послѣ Тайги, привыкаешь ко всему» смѣясь говорит князь. Зашли было в продовольственную лавку купить чаю, сахару, но там стояла громадная толпа. Продовались за безцѣнок матеріи, колоніальвыя товары, и до прилавка трудно было добраться. Зашли к одной старушкѣ выпить чаю. Она удивленно смотрѣла на наши веселыя лица, а потом (выдимо мое лицо внушило ей большое довѣрія) спросила потихоньку.

«Развѣ вы не боитесь большевиков? Может быть вы остаетесь нарочно ждать их?» Мнѣ хотѣлось смѣяться. Именно ждать. Мы всю дорогу их ждем.

29 декабря.

Морозный солнечный день. Мы стоим на разъѣздѣ. Мысли мои далеки, далеки. В сердцѣ тупая боль. Припомнилось мнѣ, что есть несчастнѣе нас близкіе нам люди. Пришел к нам в вагон офицер, знакомый, из перваго польскаго полка. Сказал нам, что на одной из станцій видѣл моего брата исхудалаго, грязнаго и голоднаго. Сверх шинели надѣт был короткій полушубок, а глаза голодные, измученные. И припомнился мнѣ солдат перенесшій тиф, который приполз к нам просить хлѣба. Брат искал нас в польских эшалонах, узнав от офицера, что мы ѣдем. Но как то не привела судьба встрѣтиться. (Он ничего не знал, о том, что мы уѣхали

из Омска, т. к. был на фронтѣ, а мы не знали, что одновременно с нами он ѣдет на восток.)

Бѣдный мой мальчик! Увидимся ли мы с тобой, или ты погибнешь в числѣ тѣх юных сил, что безпощадно брошены на произвол судьбы? За что? За что эти дѣти - воины несут такую ужасную смерть?

А сколько у него было розовых надежд на будущее. Гражданская война безжалостно вырвала его из послѣдняго класса художественнаго училища, надѣла на него красные гусарскіе брюки, длинную саблю и послала убивать таких же молодых, как и он. Напрасны были мои старанія найти его потом. На каждой станціи я расклеивала надписи, обращаясь к нему, говоря гдѣ я и прося его придти к нам, если он ѣдет этой же дорогой. Он мог не замѣтить моих слов среди тысячи других, выражавших страстное желаніе найти, увидѣть своих близких. «Мамочка! мы ѣдем, ждем в Красноярскѣ тебя и Олю. Коля Муромцев!»

«Наташа! Оставайся в Ачинскѣ, пріѣду. Твой Миша Зыбин.»

«Дорогіе любимые! Мы с папой ѣдем, отступая, узнавайте о судьбѣ поѣзда морского вѣдомства, встрѣтимся, даст Бог, на станціи Ачинск. Мама!»

«Папочка! мы благополучно проѣхали эту станцію, о нас не безпокойся. Будь жив и здоров. Ждем. Твой сын Алеша Терехов!»

В каждой надписи, в каждом словѣ звучало неодолимое желаніе дать знать, успокоить своих близких и любимых.

Но брат, отступая с остатками полка, в котором служил, погиб. Только гдѣ, неизвѣстно. Думали, что послѣдняя его остановка была ст. Ачинск, если ужасный тиф не скосил его раньше гдѣ нибудь в дорогѣ. А мы ѣхали веселые и сытые. Отодвинулась от нас нужда и горе. Видимо судьба хотѣла

немного вознаградить нас за пережитыя мученья. Уж очень она милостива к нам. Смѣялись, шутили, но в душѣ оставалась какая то боль горючая, жестокая. Боль за всѣх, за родных, близких и за чужих, гибнувших на наших глазах.

29 декабря.

Наступает морозный вечер. Густая мгла поднимается к небу, откуда мерцают тусклыя звѣзды, вѣчно зовущія нас в иной мір дальше от зла, земной суеты, в далекое царство правды и совершенства.

Уже недалеко станція Ачинск. Я стою у окна, прижавшись к грязному холодному стеклу. Уже мелькают эшалоны, освѣщенныя окна, черные паровозы.

Я не могу понять, что лежит вездѣ на снѣгу. Кажется человѣческія фигуры. Но что онѣ дѣлают? Почему разбросаны там и тут. Поѣзд мчится, и я не нахожу отвѣта и не могу разсмотрѣть загадочныя фигуры на бѣлом снѣгу.

Поѣзд остановился, я хочу выйти из вагона, но мнѣ загораживает дорогу поручик К. Он идет к нам, извѣстить нас о том, что сегодня утром на станціи Ачинск произошел ужасный взрыв. Большевики мѣстные взорвали 2 вагона с динамитом. Уничтожена станція и всѣ колчаковскіе эшалоны стоявшіе на станціи. Много человѣческих жертв. Какой то колчаковскій поѣзд стоял далеко и поэтому только вагоны оказались поврежденными, а человѣческих жертв не было.

Станція представляла ужасное зрѣлище полуразрушенное почти без крыши зданіе, кругом куски человѣческаго мяса. Здѣсь, и ноги, и руки и головы и просто безформенные, кровавые куски. Кое гдѣ

эти куски сложены в небольшія кучки замерзшія, исковерканныя части тѣла — как онѣ страшны, когда каждая из них отдѣлена от тѣла. Непріятная сцена разыгралась около вагона. Какой то солдат притащил дамскую, с затиснутыми в кулак пальцами, руку. На пальцах были драгоцѣнныя два кольца.

«Что ты будешь дѣлать с это рукой»? — презрительно спросил другой солдат.

«Дурак я что ли, оставить кольца большевикам"— с этими словами он отрубил пальцы и снял всѣ кольца, а отрубленную руку бросил на одну из мясных куч.

Никто не вышел из нашего вагона. Не хотѣлось ходить среди человѣческаго мяса и видѣть головы с вытекшим мозгом.

Слава Богу, что стоим тут недолго...

Дальше, дальше от этой открытой могилы. Мы так сжились с князем, что временами не вѣрится, что это совсѣм посторонній человѣк. Привязался и он к нам, называя меня дочкой, не знал, как благодарить меня за заботы о нем. На каждой станціи ходил вымѣнивать свои и наши вещи на продукты, помогая в этом мужу. Они вдвоем с мужем носили воду и воровали дрова, а иногда уголь.

В длинные зимніе вечера, начинавшіеся от четырех часов дня наша тройка сидит в уголкѣ и вполголоса разговаривает. Сумерки нѣжныя, грустныя окутывают нас. Не хочется пошевелиться, чтобы зажечь свѣчку, т. к. с этим свѣтом исчезнет поэзія сумерок.

Князь много разсказывает о себѣ. Всегда что-нибудь новое, интересное. Показал нам золотые часы, массивные, с надписью: «З а в ѣ р н у ю с л у ж б у от Императора Николая Второго», а на другой сторонѣ двуглавый орел.

Эти часы его гордость. Что с сыном? жив ли? Дочка тоже навѣрное измѣнилась, выросла? Эти

вопросы он повторяет каждый день. Живет этими мыслями, мечтает и даже всѣ неудачи не сломили в нем вѣру в новую встрѣчу с семьей.

Скоро уже Рождество (мы празднуем по старому стилю). Всего нѣсколько дней осталось. Гдѣ мы будем, и что нас ждет? Рѣшили испечь свѣжих булок, баранью ногу и устроить под праздник Луккулов пир. К нам присоедился корнет с женой, ѣхавшій в сосѣднем купэ. Он офицер Колчалковской арміи, контужен два раза. Ѣхал в польском эшалонѣ, сѣв еще перед Тайгой. Влюблен был в свою жену, но часто с ней ссорился и они так далеко заходили в своих семейных ссорах, что устраивали цѣлыя битвы. Мы в такія минуты притихали и слышно было, как летѣли вещи в сосѣднем купэ, а потом оба они плакали.

Красноярск перед нами, через полчаса уже будем на станціи. Цѣлый день будет в нашем распоряженіи, а может быть и больше, так как наш эшалон снова будет поправлять всѣ паровозы и уйдет послѣдним из Красноярска.

На станціи Красноярск стояло два чешских эшалона, готовых к от'ѣзду.

Это были первые чешскіе эшалоны *), которые мы догнали. Жизнь, полная неожиданностей! Что значит красный флаг на станціи и эти молодцы, с

---

*) По всему Сибирскому желѣзнодорожному пути наблюдалась въ это время странная и постыдная картина: по русской желѣзной дорогѣ ѣхали со всѣми удобствами военно-плѣнные русских, везли десятки тысяч русских лошадей, полные вагоны-цейгаузы цѣннаго награбленнаго у русских имущества. В это же время остатки русской арміи в неимовѣрно тяжелых условіях шли тысячи верст среди трескучих сибирских морозов, совершая небывалый в исторіи поход, ободранные, голодные. В распоряженіи арміи, конечно, русской, на русской территоріи не было ни вагонов, ни поѣздов.

(Прим. редакц.)

гордым видом, разгуливавшіе по перрону. Это тѣ от которых мы удирали.

Важно выпятив грудь, бряцая шашкой, обвѣшанные бомбами, гранатами и т. п. ужасными вещами, нагонявшіе страх не только на такое боязливое созданіе, как я. Ходили красноармейцы, присматриваясь ко всему с любопытсвом. Спрашиваем какого-то мужичка в полушубкѣ:

«Кто теперь в городѣ?»

«Большевики-товарищи, пришли без боя. Пришли и заняли. Сказывают, что теперь бой будет» — говорит мужичек, с тревогой посматривая на товарищей.

Красноярск дѣйствительно был занят большевиками. Знаменитая партизанская банда Щетинкина *) которой мы так боялись, пришла в город, и при помощи мѣстных большевиков заняла его, дожидаясь регулярной арміи, шедшей за нами.

Вот тебѣ и Красноярск. Какой сюрприз нам приготовил, оставил всѣх нас в дураках. Уж очень подозрительной нам казалась любезность новых хозяев. Нас задержали и спросили, кто и откуда и куда. Милостиво разрѣшили ѣхать в город. Малиневскіе, мы, князь, спутницы новониколаевскіе, поручик К., всѣ на извозчиках поѣхали в город. На главной улицѣ царило оживленіе. Люди шли, бѣжали с озабоченными лицами, спѣшили, огляды-

---

*) Среди шаек, дѣйствовавших в тылу арміи Колчака и имѣвших наиболѣшій успѣх — отряд, во главѣ котораго стоял бывшій штабс-капитан Щетинкин. В отрядѣ этом была введена правильная организація, состав его был около десяти полков. Успѣх отряда среди патріархальнаго, крестьянскаго населенія раз'ясняется просто. Вот выдержки из воззваній Щетинкина: „Ленин и Троцкій подчинились Великому Князю Николаю Николаевичу и назначены его министрами... Призываю всѣх православных людей к оружію: За Царя и Совѣтскую Власть!.. Пора кончить с разрушителями Россіи, с Колчаком и Деникиным, продолжающими дѣло предателя Керенскаго“.

(Прим. редакц.)

ваясь на героев дня. По временам слышался рѣзкій смѣх. Мы остановились перед кафэ. Это была замѣчательная кофейная, держал ее наш знакомый поляк, молодой, предпріимчивый. Его в 1918 году большевики арестовали в Омскѣ. Он бѣжал, скрывался в Краснояркѣ, открыл кофейню, а при втором большевизмѣ в 20 году уѣхал из Сибири как машинист добрался до польской границы и там проскочил через границу.

В кофейной было полно. Столики всѣ заняты. Здѣсь и поляки и красноармейцы. Смѣшно? Неправда ли? Здѣсь пьют кофе вмѣстѣ, а через двѣ станціи, недоѣзжая Красноярска проливают кровь. Почему? А потому, что поляков на станціи Красноярск много и большевикам еще памятна Тайга. Кромѣ того, на восток от Красноярска стоят чешскіе эшалоны, а на запад от города идут польскіе. Отряды Коппеля (бѣлые) подходят к городу. Большевиков же немного, только щетинковцы и мѣстные рабочіе. Нельзя начинать опасную игру.

Мы встрѣтили в кафэ много знакомых. Всѣ наперерыв разспрашивали друг друга. Если бы в Красноярскѣ был не отряд Щетинкина, а регулярная армія, то всѣх бы нас голубчиков отправили в чека. Наше собраніе «буржуев» было бы недопустимо, как «ярых контрреволюціонеров».

Пріѣхали мы домой в эшалоны, когда смеркалось. Все нашли по старому, только настроеніе было повышенное. Каждый разсказывал, что видѣл в городѣ, какое впечатлѣніе произвели большевики. Оказалось, что на станціи еще дежурный за начальника станціи польскій офицер. Станція в руках поляков, а город в руках большевиков. Большевики прислали делегатов в польскій штаб, прося поляков соблюдать нейтралитет и выдать всѣх русских офицеров, ѣхавших в польских поѣздах. Полковник Р. отвѣтил, что если хоть один волос спа-

дет с головы польскаго солдата, то нейтралитет будет нарушен.

Русскіе же офицеры выданы не были и ѣхали дальше в польских эшалонах. Позднѣе мы узнали, почему большевики требовали от поляков нейтралитета.

Это требованіе было вызвано наступленіем на Красноярск «Каппелевцев» (Колчак. армія под предводительством генер. Каппеля.)

Стрѣльба начавшаяся на западѣ от города подтвердила наше предположеніе.

Поѣзд наш стоял на горкѣ, а под горой далеко происходил бой. Видны были (в бинокль) наступающіе рѣдкія цѣпи каппелевцев. Их было немного, вѣроятно это было только прикрытіе, а большая часть войска подходила с другой стороны дѣлая обход, продвинулась на желанный восток. Удивительно как то сложилось. На одной станціи бой большевиков с поляками, а тут один другого не трогает. «Но не надо довѣрять большевикам, они коварны. Они преслѣдуют свои цѣли!»—говорит Малиневскій.

«Надо быть, как можно дальше от них!» И дѣйствительно семья Малиневских попрощалась с нами, они пересѣли в поѣзд, в котором ѣхала артиллерія. Там устроил их один знакомый офицер артиллерист. И на другой день Малиневских уже не было в Красноярскѣ. Паровозы починялись, отправлялись эшалоны, пришла и наша очередь двинуться в путь. Русскіе эшалоны, стоявшіе в Красноярскѣ, дальше не шли, были задержаны большевиками, да и пути все равно были заняты.

Остался за нами Красноярск. Проѣзжая мост, через красивый широкій Енисей я смотрѣла на мигающіе огоньки города, от котораго нас отдѣляло все большее и большее разстояніе. «Затишье перед

грозой». Теперь еще тихо, спокойно, а что будет, как придет регулярная армія. Опять кровь и кровь.

(По старому стилю).

6/I — 25/XII

Уже Рождество (по старому стилю). Думали ли мы встрѣтить этот праздник в вагонѣ и вдобавок гдѣ? За Красноярском, не гдѣ нибудь во Владивостокѣ а здѣсь, но грѣх нарекать на свою судьбу. Тысячи людей несчастнѣе нас, а мы, как буржуи ѣдем. В сочельник я с Муркой ходила к желѣзнодорожникам; испекли там булки, маленьких пирожных, баранью ногу, о которой полмѣсяца мечтали, и вернулись вечером в вагон. Там было темно. Муж с князем сидѣли в углу на нашей скамейкѣ. Фроська с матерью спали. Поѣзд тронулся. В вагонѣ было тихо, какое то спокойное молитвенное настроеніе царило, хотѣлось, как можно тише говорить. Эта тишина и тихіе разсказы полушопотом, равномѣрный стук колес, убаюкивали, навѣвая далекія воспоминанія и тихую грусть.

Вспомнился родной дом... Далекое дѣтство... братья один голодный и может быть больной, а другой гдѣ то на востокѣ, еще ребенок. Эта ужасная война, вырвавшая из нашей среды столько близких и дорогих нашему сердцу, разбросала всѣх в разныя стороны по великой широко-безбрежной Россіи, даря нам жизнь полную неожиданностей, сильных переживаній, оставляющих навсегда в нашей памяти неизгладимый слѣд и уничтожающих иныя давно прошедшія полузабытыя воспоминанія. А гдѣ Россія могучая, цвѣтущая, видѣвшая дни величія, славы?..

Неужели из за кровавых туч не проглянет солнышко и не подарит измученному народу свѣт-

лых ясных дней. Рождество и Новый Год пролетѣли, ничего новаго не принеся с собой. Дни шли за днями. Ѣхали очень медленно, т. к. на ст. Клюквенная (120 вер. от Красноярска) находились чешскіе эшалоны, мѣшавшіе нашему продвиженію.

Наш эшалон стоит в полѣ, в трех — четырех верстах от станціи. Морозный день склоняется к вечеру, вдали погас послѣдній луч заходящаго солнца. Я прогуливалась около эшалона. Впереди, перед моими глазами растилалась равнина, а вдали, как синяя туча на горизонтѣ виднѣлась гора, поросшая лѣсом. Перед нашим эшалоном стоял единственный в Сибири латышскій эшалон. Из польских наш поѣзд был первый, за нами стоял броневик «Познань». Далѣе штаб польской дивизіи и другой броневик «Краков». Броневые поѣзда были окрашены в защитный цвѣт. Я каждый раз останавливалась перед броневиком и издали смотрѣла, в темныя отверстія, загадочно пугавшія своей темнотой. Небольшая группа чехов прошла мимо меня, вызывая удивленіе на лицах польских часовых. Я вернулась в вагон и там узнала, что явилась в штаб польской дивизіи делегація чехов просить об уступкѣ им паровозов, так как они свои заморозили. Поляки отвѣтили, что свободных паровозов не имѣют, просят чехов скорѣй нагрѣть и поправить свои паровозы и освободить дорогу для польских эшалонов, т. к. большевики идут, уже бой под Красноярском. Слова поляков никакого успокаивающаго дѣйствія не оказали, чехи ушли и пригрозили занять путь, если не достанут паровова. Через час—два пришли латыши в наш поѣзд и спрашивали, правда ли что поляки хотят взорвать латышскій поѣзд. Им так сказали чехи. Поляки успокоили латышей и тѣ ушли. За то во всѣх польских эшалонах царило безпокойство. Отдан был приказ вооружиться. В нашем эшалонѣ всѣ мужчины стояли около вагонов

вооруженные. Ждали приказа о выступленіи против дерзких чехов, которые не заставили себя долго ждать, явились вооруженные и направились к штабу польской дивизіи. Мы — женщнны сидѣли в вагонѣ, время от времени я выходила на площадку и присматривалась к тому что творилось около эшалонов. Вдали, за нами виднѣлся зеленый броневик, около него толпились польскіе солдаты, окружив тѣсным кольцом чехов, чехи неистово кричали, размахивали руками.

Видимо, визит чехов не принес им желанных результатов. С недовольными лицами они возвращались обратно. Кругом был разставлен польскій караул. Солдаты узнали, что чехи хотѣли взорвать польскій броневик, мотивируя это тѣм, что не хотят, чтобы все досталось большевикам. Не знаю какіе переговоры в дѣйствительности велись; пишу только то, что тогда мы узнали.

Я вернулась в вагон, было темно, в углу у окна сидѣли наши сосѣдки и тихо разговаривали, показали мнѣ в окно и я увидѣла, как из лѣса, вѣрнѣе кустарника, выскочил отряд конных. Увидѣв поляков с ружьями наготовѣ, этот отряд бросился в сторону и, от‘ѣхав на почтительное разстояніе от наших поѣздов, стали прислушиваться, чтобы узнать к кому относятся крики, призывающіе его. Поляки спрашивали, кто они и откуда. Нѣсколькко смѣльчаков под‘ѣхали ближе, любопытно осматриваясь, и сообщили, что они принадлежат к отряду Каппеля. Большевики идут по пятам. *

---

* Генерал Каппель—один из выдающихся вождей бѣлаго движенія Смерть его среди войск, на посту, при исполненіи тяжелаго долга, обязанности вывести офицеров и солдат из высшей степени затруднительнаго положенія—эта смерть окружила личность генерала Каппеля ореолом свѣтлаго почитанія. И без всякаго сговора, как дань высокому подвигу, всѣ войска бѣлых стали называться „Коппелевцами“. Так называли себя офицеры и нижшіе чины, так окрестили бѣлых мѣстные крестьяне. (Прим. редакц.)

«Почему ваши поѣзда не идут дальше? Тѣ, что остались в Красноярскѣ уже задержаны. Большевики не вспоминают теперь о нейтралитетѣ, чувствуя за собой силу регулярной арміи. Не теряйте времени, уѣзжайте».

Закончил свой разсказ, молодой казак и кивнув головой в сторону Клюквенной, поѣхал к своим товарищам, стоявшим в полѣ. Какое то грустное впечатлѣніе производила на меня эта группа солдат ѣдущих куда глаза глядят.

В вагонѣ совсѣм темно, на небѣ зажигаются звѣзды, гдѣ то за лѣском грохочет пулемет, идет стрѣльба. Там снова бой большевиков с поляками и оставшимися Колчаковцами. Здѣсь тоже ходят с ног до головы вооруженные солдаты. Каппелевцы бѣгут, с запада идут большевики, а с востока чехи пугают, вооружаются; мысли невеселыя, сѣрыя наводят уныніе...

Не все ли равно будем ли мы живы или умрем. Чехи или большевики? Все равно! Так сидѣла я погруженная в думы, не замѣтив прихода мужа и князя. Зажгли свѣчу, как то отраднѣе сдѣлалось на душѣ, казалось, что с этим свѣтом исчезли всѣ невзгоды, и черныя мысли разлетѣлись, как одуванчики от вѣтра. Но ненадолго! По выраженію лица мужа, поняла, что не все обстоит благополучно. Не хотѣлось даже спрашивать. Предчувствовала, что что то ужасное, страшное приближается к нам. Положеніе дѣйствительно было безвыходное. Большевики догнали и задержали два польских эшалона, мы дѣлали в сутки 15—20 верст, а большевики двигались со скоростью 30—40 верст. Идут дальше, постоянно воевать и бороться с регулярной арміей и неожиданно появляющимися партизанскими отрядами не хватит сил, да и зачѣм эти ненужныя невинныя жертвы. В каждом эшалонѣ ѣдут женщины и дѣти. На востокѣ дорогу закрыли чехи, узнав, что боль-

шевики идут, сформировали из двух эшалонов один и уѣхали, оставив на пути поѣзда с замерзшими паровозами. Чтобы расчистить дорогу надо не мало времени, а полякам каждая минута стоит человѣческих жизней.

«Итак все кончено»—сказал поручик К., входя к нам в вагон.

«Поблагодарим за все чехов и поклонимся большевикам».

С ироніей и грустной улыбкой произнес он. Нѣсколько пар любопытных глаз впились в него. «Начались переговоры поляков с большевиками. Дивизія должна сдаться, она между двух огней! Но заключим договор не позорный для нас. А может быть я ничего не зню... Исполнят ли большевики всѣ условія. Гдѣ гарантія? Не могу сидѣть, пойду узнаю, что дѣлается».

Он ушел, а нами охватило безспокойство. Поздній вечер, никто не спит в нашем вагонѣ. То и дѣло открываются двери и входят офицеры и солдаты. В нашем вагонѣ поставлен телефон и сидит дежурный офицер.

Около поѣзда—штаба польской дивизіи стоят взволнованные солдаты, они ждут, когда им прочтут условія сдачи. В штабѣ давно уже знали, что сдача дивизіи неизбѣжна, а мы только поздно вечером узнали условія. Дежурный офицер прочитал их нам. И мы всѣ с тяжелым сердцем слушали, мало вѣря в то, что дѣйствительно эти условія будут выполнены. А так хотѣлось вѣрить. Если бы они были исполнены то лучшаго мы ничего не могли ждать.

Условія были слѣдующія:

1) Оружіе должно быть сложено в один вагон и таковой закрыт на замок,

2) Караул при вагонѣ с оружіем будет польскій,

3) Всѣ польскіе эшалоны будут направлены в Красноярск,

4) Запасы—продукты будут оставлены на двѣ недѣли,

5) Никаких арестов и обысков производится не будет,

6) В Красноярскѣ будут формироваться новые эшалоны для отправки на запад, на польскую границу, одним словом домой. Кто не захочет ѣхать, может остаться, гдѣ хочет. И т. д. и. т. д.

Что может быть лучше? Неприкосновенность личности, свобода дѣйствій, скорый от‘ѣзд домой. Все это красивыя фразы. Никто не вѣрил, но поневолѣ соглашался.

Всѣ пріуныли. «Папаша» срывается с мѣста тянет мужа за руку, усаживает его на лавку рядом со мной и говорит скоро, захлебываясь, как бы боясь забыть то, что тѣснится в мыслях. «Дѣти вы мои! За все вам сердечное русское спасибо. Бог вознаградит вас за доброе сердце. Спасали вы меня, но теперь и вы безсильны и вы не знаете, что будет с вами завтра. Я хочу идти, идти куда глаза глядят. Я здѣсь не могу остаться, начнутся аресты офицеров, и я буду арестован в первую голову. Итак я ухожу, не возьму от вас слова, что исполните мою просьбу, т. к. знаю, что все, что возможно—будет сдѣлаете. Я вам оставляю все, что дороже для меня здѣсь. Это карточка дѣтей, и жены...»

Голос прерывался. Старичок суетился, торопливо шептал:

«Оставлю еще свой дневник, который писал в одиночной камерѣ. Никто не читал эти записки. Здѣсь я описал всю свою жизнь, свои переживанія, начиная от свѣтлаго дѣтства и ясной юности до теперешних тяжелых дней хотѣл для сына оставить. Пусть не судит строго отца. Здѣсь он найдет все, что было или казалось ему непонятным. Мыс-

ленно буду всегда с ним. Итак послѣдняя моя просьба к вам: если можно отдайте карточку дѣтей женѣ, или дѣтям и дневник тоже. Не хочу чтобы большевики, если арестуют меня, нашли эту карточку и дневник. Разскажите дѣтям все, что знаете обо мнѣ и... и послѣднѣе прости»...

Дрожащія руки держали фотографическую карточку, а глаза впились, смотрѣли, не отрываясь, говорили о наболѣвшем сердцѣ, об отцовской тоскѣ.

— А это дневник, сказал он, подавая мнѣ черновую тетрадь.

— «Здѣсь камера в которой я сидѣл», показал князь рисунок на первой страницѣ тетради.

— «Я сам рисовал. Здѣсь все полно моих мыслей. Из каждаго угла смотрѣли на меня любимыя тѣни, жил воспоминаніями и мечтами».

Рисунок представлял небольшую комнату высоко помѣщалось маленькое окошечко с рѣшеткой, направо кровать из досок, столик и табуретка.

— « Итак, как только разсвѣтает я прощусь с вами. Слов не найду благодарить. Поймите сами». прошептал он, берясь рукой за сердце.

— Не надо так волноваться! Надо обдумать куда вы пойдете? Что вас ждет?» говорили мы сами мало вѣря в спасенье, если оставаться здѣсь. Но куда идти? Мы могли остаться т. к. муж был не военный, а князь? Рѣшено что он пойдет. Куда? Куда глаза глядят. На восток.

Этот одинокій бѣдный князь! с болью в сердцѣ с тоской о семьѣ, с неугасимой жаждой увидѣть своих близких и с маленьким едва темнѣющим огоньком надежды он идет вперед в недалекую туманную даль. Сидѣли молча. Ночь окутала темным саваном сонную землю.

«Ящик мой на вагонѣ, вещей там нѣт. Важныя бумаги. Уничтожьте все, чтобы потом не пришлось отвѣчать».

Нѣт! Ночь никогда не была так короткой, хотѣлось оттянуть разсвѣт. Князь уже успокоился.

Не дрожал так голос. Сидѣл спокойно, как бы заснув. Но он не спал. «Что с вами будет»? Задавал нам вопрос.

Бѣлье сложил в маленькій ранец. Я приготовила бутерброды и полушубок, который замѣнил муж на шинель князя, и зашила часы в рукав. В этом полушубкѣ князь не походил на офицера.

5 час. утра. Мимо эшелона идут, идут:

Дамы в каракулевых шубах, с мѣшком, со свертками на плечах. Ноги одѣты в валенках. Офицеры, штатскіе, все бросили, идут пѣшком вдоль желѣзнодорожнаго пути так, как когда-то ѣхали мы. Князь спѣшит взволнованный. печальный.

Сергѣй Степанович пришел проститься. Глаза полные любви, с безмолвной грустью обнимает нѣжно Мурку, цѣлует ее горячо и долго, прощается с нами и выходит. Князь цѣлует мужа, подходит ко мнѣ, крестит дрожащей рукой, цѣлует в руку.

«За все спасибо! Благословите меня», — слышу несвязный шопот. В дверях показывается корнет с женой, готовый к дорогѣ.

Выходим всѣ вмѣстѣ. Перед нашими глазами тянется вереница бѣженцев, удивленно смотрѣвших на нас, недоумѣвая: почему мы остаемся.

Скрылся вдали князь и корнет с женой, мы возвращаемся в вагон. Шум на улицѣ привлек наше вниманіе. Выяснилось, что польскіе солдаты выгружались. Польская кавалерія рвалась в бой с чехами, желая отомстить им за их коварство. «Не большевикам мы помогаем, а отомстим за себя, пусть знают, что шутки плохи».

Позднѣе слышали мы, что чехи имѣли бой с большевиками, принимали ли участіе там польскіе солдаты не знаю.

Время томительно тянется. Сидим и ждем, когда очистят путь от замерзших эшалонов и продвинут наш «состав» на станцію, гдѣ встрѣтят нас, наши побѣдители. Но они явились раньше, чѣм мы предполагали. Только что успѣли мы принести ящик с бумагами в вагон, как наш поѣзд тронулся. С двух сторон эшалона ѣдет отряд красных. Что дѣлать с бумагами сжечь? Дым привлек бы их вниманіе т. к. поѣзд останавливается время от времени, и кто нибудь из красноармейцев может войти. Я беру пачку бумаг иду в уборную и по одной по двѣ рву и бросаю под вагон. Иду за новой партіей бумаги и снова бросаю, предварительно оглядываясь, далеко ли красноармеец, который ѣдет все время около нашего вагона.

Всѣ слѣды пребыванія князя с нами исчезли. Ничто уже не говорит о том, что он был здѣсь.

Вот уже станція. Мы выходим купить молоко, которое носят мальчишки и бабы. Вымѣниваем на бѣлье, провизію, т. к. Колчаковских денег уже не принимают. Нас никто не спрашивает, не задерживает.

Поѣзд наш поставлен на запасной путь. Мы уже нѣсколько дней сидим в эшалонѣ, оружіе сложено в один вагон и стоит польскій часовой. Запасы никто не отобрал и никто не приходит, как будто забыли о нашем поѣздѣ. Свѣдѣній из Красноярска никаких. Эшалон перваго польскаго полка продвинули ближе к Красноярску.

Вечер. Мы сидим в вагонѣ. Горят двѣ свѣчи, тускло освѣщая наше купэ. Слышим шорох за дверями. Муж вышел узнать, что случилось, оказалось, что два красноармейца тащили наши запасы масла и муки, сложенные в корридорчикѣ. А через минуту вышло трое солдат, вооруженные с ног до головы

и отобрали у нас свѣчку, говоря, что буржуи должны дѣлиться всѣм.Все это глупости в сравненiис тѣм, что было ночью. Красноармейцы стащили все, что находилось на крышах вагона, в том числѣ и наш ящик со всѣми цѣнными вещами. Никто не спал. Ждали обыска. По вагонам шныряли пьяные солдаты, пугали нас, грозили револьверами и, неистово смѣясь, уходили довольные впечатлѣнiем, какое производили их шутки.

Утром, на горкѣ напротив нашего эшалона были разставлены пулеметы и польскiй часовой был замѣнен красноармейцем. Потом приступили к из'ятiю всего содержимаго склада поѣзда, а польским рабочим «предложено» было идти работать в депо. Вечером отдѣлили всѣх офицеров, и посадив в классный вагон, ночью отвезли в Красноярск. День прошел довольно спокойно, а ночью начались обыски. Оставили по двѣ пары бѣлья, забирали все, что попадалось на глаза, не брезгали ничѣм, даже иголки найденныя у меня, подѣлили между собой по христiански.

Одним словом всѣ условiя были только на бумагѣ. Чисто по большевицки! Что оставалось дѣлать? Рабочiе (солдаты—желѣзнодорожники) пошли в депо, а мы рѣшили с мужем возвращаться домой, т. е. туда откуда выѣзжали, с такой надеждой на избавленiе от большевиков. Пошли на станцiю узнать, можно ли вернуться. Встрѣтил нас коммисар—мальчишка бѣлобрысый, увѣренный, надменный. Смотрѣл на нас пренебрежительно и дерзко.

«А зачѣм ѣхали? Кто вас гнал? Только работай теперь из за Вас. Придите завтра, я вам дам свидѣтельство на выѣзд. А теперь, товарищ» —обратился он к моему мужу «одолжите бритву побриться».

Через полчаса бритва уже была передана представителю совѣтской власти. А через час этот пред-

ставитель удрал с первым отходящим эшалоном на восток, забыв об обѣщаніи и о бритвѣ.

«Гдѣ то папаша»? Часто вспоминали мы князя. Так хотѣлось, чтобы он спасся. Может быть, поѣхал в чешском поѣздѣ, если удалось догнать. Если бы мы могли дать ему крылья, чтобы он мог скорѣе быть у желанной цѣли.

В одно прекрасное утро в наш вагон явился корнет с женой. Оказалось, что большевики догнали их, обобрали и пустили на всѣ стороны. Корнет искал наш поѣзд и, наконец, набрел на наш слѣд. Князь в дорогѣ был с ними. Его тоже задержали. Он сказал, что был военным чиновником, фамилію сказал иную, отобрали у него пару бриллiантовых колец, а платиновое возвратили, говоря, что серебряных колец они не носят.

«Итак папаша жив» — радостно воскликнули мы.—«Но гдѣ он?»

«Он пошел в Красноярск, хочет там зарегистрироваться, как чиновник, а потом будет искать службы. Взволнован старик, боится, что узнают его и тогда все кончено».

Невесело на душѣ, когда человѣк не знает, что с ним будет завтра. Положеніе наше становилось больше чѣм критическим. Ѣхать нельзя, запасов никаких, а вещи отобраны. Муж пошел искать работы и вернулся домой утомленный и разбитый. Удалось найти работу—пилку дров. С непривычки к физическому труду болѣли руки и голова. А кромѣ того голод давал себя знать.

Сегодня попрощался с нами поручик К., скрывавшійся до сих пор в сосѣдней деревнѣ. Теперь нельзя уже оставаться, могли обратить вниманіе на него и потому он ушел на восток.

На службѣ у большевиков

Разсказ m-me Нотович. Смерть князя Путятина. Предсказатель участи Колчака. Арест и смерть князя Голицына. Наш выѣзд в деревню.

Уже двѣ недѣли прошли, как мы в плѣну. Большевицкая армія идет на восток, и со всѣх сторон мы слышим об окончательном разгромѣ бѣлых. На станціи К. формируется большевицкій полевой санитарный госпиталь, по борьбѣ с тифом. Муж случайно забрел в госпиталь, прося работы, и его оставили, говоря, что не хватает персонала.

Старшій доктор—француз привѣтливо встрѣтил мужа и предложил мѣсто помзавхоза (помощника завѣдующаго хозяйством). Муж согласился и мы через день переѣхали в небольшую комнату к одной полькѣ.

Я взялась шить бѣлье для больных, за что получала скромную плату, а муж цѣлый день проводил в госпиталѣ. Иногда муж получал командировку за провизіей, на сосѣднюю станцію. Уѣзжал он в сопровожденіи санитара, бывшаго денщика полковника Румши. Этого солдата муж устроил в госпиталь под чужей фамиліей, т. к. он скрывался от большевиков.

Из знакомых, ѣхавших с нами: Мурка поступила в госпиталь, а ея муж исчез безслѣдно. Но

Мурка не унывала, утѣшая себя новым флиртом с дѣлопроизводителем госпиталя.

Корнет с женой уѣхал в Красноярск. Поручик К. скрывался гдѣ то за Красноярском. О Малиневских мы ничего не слышали.

1920 г. новый стиль.

22 января.

Я пришла в госпиталь, в канцелярію. Сѣрый дым от папирос, вѣрнѣе махорки, заволакивал комнату. Встрѣтил меня комиссар —еврей с Урала.

«Запишитесь в коммунистки, может быть таким образом повліяете на своего мужа» произнес он, заглядывая мнѣ в лицо хитренькими глазами.

«Пусть муж дѣлает так, как он хочет, а я и не думаю оказывать какое нибудь вліяніе на него, а что касается меня, то я никогда не буду коммунисткой».

«Ах так?»

Воскликнул коммисар, и в его глазах я увидѣла какой то недобрый огонек.

«Ну запишитесь в сочувствующіе».

«Нѣт! благодарю!»

Комиссар отвернулся ко мнѣ спиной, а я пошла к мужу. От мужа я услышала о том, как коммисар уговаривал его записаться в коммунисты, на что муж отвѣтил:

«Когда я был еще студентом, то дал слово отцу никогда не принадлежать ни к какой партіи и должен исполнить свое обѣщаніе».

«А может быть ваш отец умер и вы свободны от даннаго слова».

«Все равно я должен сдержать это слово и коммунистом или только сочувствующим не буду» произнес муж.

«Вы может быть скрывающійся офицер, а потому, товарищ, завтра извольте зарегистрироваться в особом отдѣлѣ Чека. Пойдете туда вмѣстѣ с дѣлопроизводителем и секретарем, так как они офицеры, один колчаковец, другой офицер польской дивизіи».

На этом окончился разговор коммисара с мужем.

На другой день муж отправился в чека. Каждый поймет мое волненіе. Мнѣ казалось, что кто переступил порог «Чека» тот рѣдко возвращался обратно. Но слава Богу! Муж вернулся. Документов— которые муж имѣл, бѣло достаточно, чтобы доказать свою «непричастность к офицерству.» Единственно, что могли ему поставить в вину это «буржуйство», но на этот раз большевики хотѣли быть гумманными.

30 января.

Зимній день склонялся к вечеру. Я сидѣла в своей комнатѣ и шила. Только что вышел Чесик Хмѣль, сидѣвшій до сих пор без работы. Пошел он теперь с мужем в госпиталь, прося помочь ему устроиться гдѣ нибудь на службѣ. Муж обѣщал поговорить со старшим врачем госпиталя. Я сидѣла погруженная в невеселыя думы. Казалось мнѣ, что испытанія наши не кончились. Комиссар не оставит нас и будет настойчивым в своей просьбѣ, а в случаѣ неисполненія ея будет угрожать арестом. Уже почти весь госпиталь записался в сочувствующіе, и даже доктор француз уступил и пріобрѣл ненавистную мнѣ кличку, «сочувствующій коммунизму». Хотя в душѣ был монархистом.

Зимніе сумерки неслышно проникают в комнату. Ложатся темныя тѣни, послѣдняя розовая улыбка солнца исчезла. День уходит, прощаясь с нами.

Ах, еслиб нам проститься с большевиками, со всѣм, что связано с этим словом, уѣхать в иной край, гдѣ свободно и жить и дышать... Мои размышленія были прерваны стуком в дверь.

«Войдите!» проговорила я.

В сѣром полумракѣ не могла узнать вошедшаго. Передо мной стояла женщина, закутанная в платок, и только когда она произнесла нѣсколько слов я поняла, что ко мнѣ пришла жена Нотовича бывшая хозяйка нашей теплушки. Сначала я ничего не могла понять, что она хотѣла сказать, слышала только поминутно повторяемыя слова. «Ужасное горе! ужасное горе!»

И она заплакала. В серебряных сумерках зимняго дня видѣла ея блѣдное лицо, расширенные глаза, в которых читала отчаяніе и страх. Она тяжело опустилась на поданный стул, откинула платок и прерывающимся голосом заговорила:

«Все вам разскажу, все как было. Только помогите!»

Я дала ей воды и она, успокоившись, начала свой разсказ.

«В 1918 году мы жили на Уралѣ. Муж мой записался в коммунисты, назначен был комиссаром в один небольшой уральскій город и мы спокойно жили. Муж не был большевиком, сдѣлался он комиссаром больше из страха, и перед большевиками разыгрывал яраго коммуниста.

Начались безпорядки на Уралѣ. Фронт бѣлых приближался все ближе и ближе к тому городу, гдѣ жили мы. Видные коммунисты уже складывали чемоданы, а муж рѣшил остаться, т. к. думал, что бѣлые простят ему его службу у большевиков

и он сможет вернутся домой в Польшу или к моим родителям на Украйну. Вѣдь, он никому ничего не сдѣлал злого».

Она выпила еще глоток воды и продолжала. «Помню ужасные дни. Стрѣльба по городу, в'ѣзд бѣлой арміи, торжество интеллигенціи. Я сама, всѣм своим существом радовалась, и казалось мнѣ, что теперь наступят иные счастливые дни. Но я ошиблась.

Ужасная ночь навсегда останется в моей памяти. Разбудили нас какіе то голоса в прихожей. Через минуту услышали стук в дверь. Вошел военный, за ним другой и пред явил мужу приказ об арестѣ. Муж молча одѣвался, стараясь скрыть от меня волненіе какое овладѣло им. Поцѣловал меня и дѣтей, и вышел. Что я дѣлала тогда? Ночь казалась безконечной. Чуть свѣт пошла в город. Гдѣ только я не была и кого только не просила освободить моего мужа. Напрасны были мои старанія. Так прошло нѣсколько дней, томительных, ужасных. Мы ожидали с мужем ареста, думая, что арест будет двух, трех-часовой, а потом — свобода. Надѣялись на многих знакомых, которые знали, что муж никогда не был настоящим большевиком. Но и они были безсильны, говоря, что главная вина мужа это званіе комиссара. Большевики снова подходили к городу. Бѣлые рѣшили «ликвидировать» нѣкоторых арестованных. Я это не раз слышала, не раз эта мысль терзала мой мозг и навѣвала на меня страх перед неизбѣжным, роковым. Так и случилось. Однажды я вернулась домой — разбитая, полубольная, притихнув, как бы перед грозой. Не помню даже, как вошел в комнату какой то солдат и подал мнѣ маленькій клочек бумаги. Жадными глазами впилась я в строчки, написанныя знакомым почерком.

«Прощай! Цѣлую тебя и дѣтей. Прости за все. Утром прочли мой приговор: «к разстрѣлу». Сегодня вечером меня не будет уже на этом свѣтѣ. Прощай.

Твой Володя.»

Я прочла еще раз, как бы не понимая смысла написанных слов.«Ничего! Успокойтесь!»услышала я голос солдата.

«Я скажу вам куда их повезут на разстрѣл, сегодня в одиннадцать часов вечера поѣдут на автомобилѣ с плѣнными в сторону «Богдановки». В числѣ плѣнных будет навѣрное и ваш муж. Закапывать трупы будут завтра» — прошептал солдат и исчез.

«И так, это все, что осталось от мужа этот маленькій клочек бумаги с роковыми словами», думала я, смотря на послѣднюю вѣсточку от мужа.

Четверть одиннадцатаго. Дѣти спят, спокойныя и сытыя. Их личики иногда свѣтятся улыбкой, не предчувствуют их маленькія сердечки, что сегодня отец послѣдній раз будет мыслью с ними. Я выхожу из дому. Высчитываю, что 10 минут хватит, чтобы дойти до мѣста казни. Город остался позади, шумный, говорливый. Передо мной степь, а на горизонтѣ темнѣет небольшой лѣсок. Туда привезут плѣнных.

Вѣтер назойливо дует мнѣ в рукава, в шею, обледенѣвшими руками я закрываюсь от его холодных поцѣлуев и иду дальше. Лѣсок уже вижу близко. В сторонѣ небольшой кустарник. Я влѣзаю между его вѣтвей и сижу, прислушиваясь к ночным звукам. Думала ли я о чем? Нѣт! Мысли одна за другой. Хаос! Боль в сердцѣ и просьба к кому то высшему о дарованіи мнѣ сил перенести мое горе.

Мимо пролетѣл автомобиль, за ним другой. Мнѣ казалось, что я слышу чьи то голоса, шопот и вздохи. Закрыла лицо руками и молилась. А когда грянули выстрѣлы, потеряла сознаніе. Как много прошло времени, не знаю, очнулась, припомнив все что заставило меня придти сюда. Прислушивалась жадно к зловѣщему молчанію ночи, вѣтер шумѣл осенними желтыми листьями, из города доносился несвязный шум и гдѣ-то лаяли и выли собаки. Жутко сдѣлалось. С трудом вылѣзла из кустов и пошла туда, гдѣ лежали трупы.

Первый труп передо мной. Я наклоняюсь, зажигаю электрическую лампочку и всматриваюсь в лицо. Нѣт! Не он. Какой то молодой солдат, за ним другой, третій, Я ползаю от трупа к трупу и наконец нахожу мужа. Лицо залито кровью. И вдруг я вижу, как задрожали его вѣки. Прикладываю руку к его сердцу и... и чувствую его едва замѣтное біеніе.

«Он еще жив» говорю я, вытирая кровь с его лица.

Если бы вы знали, как мнѣ хотѣлось благодарить Бога за то, что Он услыхал мою молитву (а в этом я была увѣрена.) Да, Он услышал.

Осмотрѣла раны, было их три. Одна разорвала щеку и задѣла ухо, другая попала в плечо, а третья в ногу. Мысль, что я может быть могу еще спасти мужа добавила мнѣ энергіи. Я взвалила на плечи тяжело раненаго и пошла домой. Боялась ли я встрѣтиться с кѣм нибудь? Нѣт! Мнѣ казалось, что теперь никто не имѣет права на эту дорогую для меня ношу. Если он и был виноват, то он искупил вину. Если он будет жить, то... то я спасла его и теперь никто не имѣет права отнять его у меня. Так я думала, идя домой в эту темную страшную ночь. Руки деревенѣли, я изнемогала от тяжести, но все таки тянула это едва живое тѣло.

Город спал и я бодро шла вперед, живя мыслью спасти мужа. Неслышно открывала двери своей квартиры. Открыла подпол и там устроила убѣжище для мужа. Обмыла его раны, дала пить, закрыла и сидѣла, дожидаясь утра. Он нѣсколько раз открыл глаза, но мутный взгляд говорил, что он без сознанія. Утром пошла к знакомому доктору, прося его дать мнѣ совѣт, как обходиться с тяжело раненым.

От этой ужасной ночи прошло три недѣли. Муж поправлялся, живя в подполѣ. Даже дѣти не подозрѣвали о существованіи невидимаго жильца. Ночь я проводила около больного, а днем была с дѣтьми и только раза три спускалась в подвал, чтобы дать ему ѣсть.

Бѣлые ушли, вернулись большевики. А когда другой раз пришли бѣлые, то муж был уже совсѣм здоров, имѣл другой паспорт и нам удалось с этими новыми документами уѣхать в г. Н., гдѣ муж поступил в польскую дивизію.

Теперь большевики арестовали его и сегодня отвезли в К. Долго держать не будут, навѣрное разстрѣляют. Теперь я не спасу его. За что все это?! — заплакала она и торопливо прошептала — Помогите мнѣ. Ваш муж получает командировку, не может ли он и меня с дѣтьми отвезти в К. Я хочу быть ближе к мужу. Может быть теперь недолго ему осталось жить!»

Я обѣщала все, что могла. При первой же возможности, муж мой, получив вагон для провизіи, заберет ее и дѣтей.

Сколько трагедій, сколько драм в жизни человѣка, думала я, смотря на блѣдное лицо разсказчицы. Мурашки пробѣгали по тѣлу во время ея повѣствованія. Казалось, что она разсказывает какую то страшную сказку. Нѣт. Это быль. Стоит взгля-

нуть на это измученное лицо, чтобы исчезли всѣ подозрѣнія о ея лжи.

Я и до сих пор не знаю, сколько в ея разсказѣ правды. Если она лгала, то зачѣм? Зачѣм говорить, хотя бы о том, что муж был коммунистом? Не знаю, гдѣ ложь и гдѣ правда.

Я успокоила, как могла, свою печальную гостью и она, ободренная, пошла домой т. е. в свой вагон — теплушку. Во время первой своей командировки муж отвез жену Нотовича в К. и там она узнала, что мужа ея большевики осудили на 8 лѣт каторги. А в дѣйствительности, кажется, через нѣсколько мѣсяцев он был разстрѣлян. Ужасная судьба!

20/II 20 года.

Слава Богу, что комиссар не привязывается больше к нам. Видит, что толку мало от таких коммунистов, как мы, да и убѣдить трудно. Иногда пугает, что «кто не с нами, тот против нас и должен сидѣть в чека». Но видя что муж работает, а интеллигентных работников мало — уступает и дѣлается даже очень внимательным к нам. А нам хочется быть дальше от этой внимательности, от всего окружающаго. Хочется скорѣй вырваться отсюда, вздохнуть свободно...

22 февраля.

Муж получает командировку в Красноярск. Я прошу, чтобы он узнал о князѣ и Малиневских. С нетерпѣніем жду мужа. Еще двѣ-три поѣздки и потом уже я буду всегда ѣздить с мужем. Он получает цѣлый вагон для себя.

25 февраля.

Мой муж привез цѣлый воз новостей, но все невеселыя. Малиневских нашел в польской школѣ. 37 человѣк бѣженцев из польскаго эшалона, всѣ в одной комнатѣ, всѣ на полу. Тиф свирѣпствовал

тут ужасно. Малиневскій разсказывал, что когда польскіе поѣзда были продвинуты к Красноярску, всѣ офицеры были арестованы, а их семьям было приказано освободить вагоны.

В нѣкоторых поѣздах арест офицеров произошел в слѣдующих условіях: большевики прислали мадьяр сдѣлать перепись среди интеллигенціи польской, говоря, что им нужны интеллигентные работники. Каждый сказал свой образовательный ценз и на другое утро эти же самые мадьяры пришли арестовать тѣх кто кончил больше чѣм 5-6 классов гимназіи.

Вся семья Малиневских перехворала тифом. Сестра Малиневскаго умерла. Он искал службы, но ея не было и они жили, мѣняя оставшіяся вещи на провизіи. Питались конским мясом и черным хлѣбом.

Малиневскій сказал мужу, что «папаша» служит в госпиталѣ санитаром. Муж пошел навѣстить князя.

Первый раз увидѣл муж князя в очень оригинальной обстановкѣ и костюмѣ.

Небольшая проходная комната, через открытыя двери видна палата с тифозными больными... Князь сидѣл в проходной комнаткѣ перед печкой, мѣшая клюкой горѣвшіе красные угли. Так увлекся своей работой, что не замѣтил, как вошел муж.

Князь измѣнился, осунулся, борода серебряная еще больше побѣлѣла. Радость, какая охватила его при видѣ мужа была неописуемая. Усадив своего гостя около печки, он засыпал вопросами, а потом начал разсказывать о себѣ: «Вы навѣрное знаете от Корнета, как мы добрели до первой деревушки, гдѣ были задержаны. Отобрали у меня кольца, оставив только платиновое, а потом велѣли пред‘явить документы, которых, как вам извѣстно у меня не было.

Задержали, говоря, что отвезут к комиссару, котораго ждали с часу на час. Эти ожиданія были напрасны и окончились для арестованных печально, т.к. послѣ изрядной выпивки арестованные были забыты. А я тѣм временем спрятался в хлѣв и просидѣл до тѣх пор, пока не выѣхала вся пьяная компанія.

Что дѣлать? Идти вперед? Что меня там ждет? Еще больше подозрѣній, если я буду скитаться по деревням. Рѣшил вернуться в Красноярск. Начал искать вас, на каждой станціи ходил среди эшалонов, но вашего не нашел. Жалѣл ужасно, вѣдь, вы для меня как близкіе. Здѣсь в городѣ нашел одного знакомаго, которому обязан тѣм, что еще живу. Он посовѣтывал зарегистрироваться, как чиновник, а тѣм временем устроил меня здѣсь санитаром. Живу работаю среди больных, давно приготовился к мысли, что буду арестован, или захвораю тифом. Но выхода нѣт. Авось не узнают, авось не арестуют. На это «авось» вся надежда».

Печально закончил князь, устремив взгляд на потухшіе угли. Долго сидѣл муж у князя, разсказывая о себѣ, Малиневских и о своих будущих планах. Уговорились с князем опять встрѣтиться здѣсь уже в госпиталѣ.

«Может быть и «дочка» навѣстит названнаго «папашу»? — спросил князь. Муж обѣщал пріѣхать вмѣстѣ со мной.

1 марта.

Дни идут за днями. Мы уже не живем в комнатѣ, перебрались в теплушку и когда муж получает командировку, то ѣздим вмѣстѣ. Теплушка имѣет двѣ комнаты: одна большая гдѣ складывается провизія и спит санитар В. и Ч. Хмѣль, а другая

маленькая, гдѣ помѣщается завхоз со своей женой, т. е. мы. Надолго ли мы устроились, имѣя этот теплый угол, не знаю. Относительно возвращенія домой, т. е. в Литву или в Польшу, не может быть и рѣчи, т. к. Совдепія воюет с Польшей.

Вся бѣлая армія почти разбита на всѣх фронтах и большевики купаются в крови побѣжденных.

3 марта.

Сегодня получили извѣстіе, что «папаша» просит нас пріѣхать. Лежит больной тифом. Удалось мужу вырваться в Красноярск. Поѣхала и я.

В госпиталѣ встрѣтил нас санитар и отказался проводить нас к князю, говоря, что товарищ санитар Путятин при смерти, никого уже не узнает и посѣщать его запрещено. Может быть уже знали большевики какой больной лежит в их госпиталѣ. Может быть нашли часы князя с надписью: «За вѣрную службу князю К. Путятину от Николая II»

Может быть ждали его выздоровленія, чтобы расправиться с ним, как расправляются с каждым контрреволюціонером.

Не помогли наши просьбы впустить нас хоть на одну минутку к умирающему. Санитар был непоколебим. Так и не удалось увидѣться с князем. Был-ли он в сознаніи перед смертью? Переживал ли что нибудь или тиф отнял способности думать. Послѣднее было бы лучше. Может безжалостная смерть избавила «папашу» от пыток. Спи спокойно. Я исполню твою послѣднюю просьбу. Вѣчный покой его душѣ...

14 марта.

Пахнет весной, хотя еще далекой. Нѣт морозов и солнышко привѣтливое согрѣвает землю.

Странная встрѣча произошла сегодня в госпиталѣ. Вечером я зашла в аптеку госпиталя. Там сидѣла Мурка и какой то странный на вид мужчина. Несмотря на то, что было еще холодно он был одѣт больше чѣм по лѣтнему.

Холщевые брюки и длинная рубашка, завязанная веревкой, босой, волосы длинные, как носят священники. При моем появленіи мужчина обернулся, взглянул на меня. Я почувствовала взгляд черных глаз, старавшихся проникнуть в самую глубину души. Невольно отвернулась, а он смотрѣл и казалось читал мои мысли. Потом подошел к столу, взял черную толстую книгу, сунул ее под мышку и торопливо вышел.

«Вы не знаете, кто это!!?» — спросила Мурка, видя мое удивленіе.

«Это довольно странная фигура. Одни называют его сумасшедшим, другіе святым, третьи шарлатаном, а четвертые ясновидящим. А в дѣйствительности никто не знает кто он.

Живет здѣсь в городкѣ в землянкѣ, а его жена и дѣти живут в домѣ, гдѣ лежат больные, которых принимает этот странный доктор. Никогда не разстается с Библіей. Питается водой и хлѣбом, одѣт зимой и лѣтом одинаково, так как вы видѣли его теперь. Когда он смотрит на человѣка, то кажется, что читает мысли. Предсказывает будущее отдѣльным лицам и всей Россіи, основываясь на ученіи Библіи.

Сейчас он был здѣсь и на мой вопрос: «Долго ли будут царствовать большевики?» отвѣтил:

«О да! Хотя много неудач их ждет: голод, эпидеміи, пожары. Они будут купаться в крови.

И когда среди них начнутся распри, то это уже будет началом конца. Измѣнится тогда многое. Счастлив тот, кто избѣгнет их суда и счастлив тот,

кто не присоединится к ним и не продаст им свою душу и т. д.

Он очень интересно говорит, а если кто смѣется или сомнѣвается в его словах, то он берется за Библію и уже никто не оторвет его от чтенія этой книги—разсказала мнѣ Мурка.

Вошел фельдшер и присоединился к нашему разговору.

«Это все глупости, что вы разсказываете. Я слышал болѣе интересное. Он вѣдь предсказал будущее Колчаку, который еще и не думал тогда и не ожидал, что ему может грозить смерть.

В то время, когда поѣзд Колчака стоял здѣсь, на станціи, этот странный человѣк предсказал печальную судьбу Сибирскаго Героя адм. Колчака *). Этот вѣщун говорил:

«Армія Колчака разойдется по обѣ стороны желѣзнодорожнаго Сибирскаго пути и никакая сила не соберет маленькія части, отколовшіяся от большого цѣлаго. Голод, болѣзни покроют могилами весь путь Колчаковской арміи. А самого Колчака ждет ужасная смерть. Он попадет в руки антихристов с кровавой звѣздой. Все это будет для Колчака неожиданностью, т. к. вѣрит в счастливый свой путь. Но я предостерегаю, что уже немного времени осталось, чтобы успѣть приготовить себя к

---

*) Подробности предательства адмирала Колчака таковы: когда пять мизерных эшелонов, один из которых шел с государственным достояніем—золотым запасом, включавшим двѣсти восемьдесят тысяч пудов золота, подошли к Нижне-Удинску, они оказались окруженными чешскими ротами и пулеметами. Напрасно адмирал Колчак добивался защиты у представителей союзников: Великобританіи генерала Нокса и Франціи генерала Жанена. Послѣдній в рядѣ телеграмм убѣждал и умолял подчиниться неизбѣжности и отдаться под охрану чехов. Эта же охрана свелась к передачѣ адмирала Колчака чехами представителям соціалистической думы Иркутска, отправившими адмирала в тюрьму, гдѣ он и был захвачен большевиками.

(Прим. ред.)

мысли о смерти, чтобы приготовить свою душу. И этот ясновидящій начал читать Библію.

Предсказателя выпроводили со станціи, считая его за ненормальнаго.

Думаю, что большевики в концѣ концов его арестуют», закончил фельдшер свой разсказ.

Из аптеки мы всѣ зашли в госпиталь и там узнали о ликвидаціи госпиталя.

16 марта.

Вчера были в Красноярскѣ. Малиневскій нашел службу, был важной фигурой: «завѣдующій совѣтским имѣніем». Жили они теперь в маленькой комнаткѣ при садоводствѣ, а мы, оставаясь у них ночевать, помѣщались в оранжереѣ, заставленной цвѣтами.

На лѣто Малиневскіе хотѣли перебраться в имѣніе и написать в Омск, чтобы пріѣхали мать, Ляля и сестра.

17 марта.

Госпиталь ликвидируется. Муж занят цѣлыми днями. Ликвидація продлится двѣ, три недѣли, а, может быть, и больше.

Комиссар опять уговаривает мужа записаться в коммунисты, обѣщая ему хорошее мѣсто. Но опять отказ со стороны мужа!

На станцію подан санитарный поѣзд для служащих госпиталя. Каждый с семьей получает купэ 3-го класса, только старшій врач, комиссар, политрук и т. п. начальство получают купэ второго класса.

Я подружилась с сестрами. Всѣ онѣ из арміи бѣлых, всѣ перехворали тифом, вѣрнѣе «тифами». Онѣ тоже помѣстились в этом вагонѣ, куда и мы перебрались из своей теплушки. Вечером вмѣстѣ играли в карты, иногда к нам присоединялся фельд-

шер, невзрачный на вид à la большевик, но очень симпатичный.

Иногда потихоньку разсказывали послѣднія новости, слышанныя гдѣ-то, от кого-то. Говорили о том, что Семенов на востокѣ занимает города при помощи японцев, идет к нам, а гдѣ-то формируются отряды бѣлых и хотят вмѣстѣ с Сем.новым выступить и сдѣлать переворот во всей Сибири, то говорилось о каком-то возстаніи и снова являлась надежда, что и к нам придут освободители. Говорилось все это шопотом, пугливо осматриваясь, а потом слѣдовало: «Мнѣ все равно, большевики или иная власть, вѣдь я безпартійный». А я думала «Бѣдные люди, как вы запуганы, как вы не довѣряете один другому и как однако сильна радость от услышанных вѣстей, если вы не можете этой радостью не подѣлиться.»

Иногда приходил комиссар и злил меня своими разсказами о побѣдах красных.

«Вы ѣхали через Тайгу?» — спрашивает меня.

«Ѣхала» — отвѣчаю я.

«Жаль, что не видѣли той картины, какую видѣли мы. Мы догоняем бѣженцев, убиваем офицеров. Как смѣшно, когда бабы плачут, заступаясь за своих мужей-бѣлогвардейцев»...

И тут начинался разсказ. Довольный впечатлѣніем, какое производил на нас своим разсказом товарищ комиссар уходил довольный. Но скоро и ему надоѣло играть на нервах, да и нам пріѣлись его разсказы, и он обращался с нами как будто мы были завзятыми большевиками. Вообще это был довольно безобидный тип.

Мурка с матерью и сестрой находились в другом вагонѣ. Она уже не вспоминала больше о мужѣ и даже забыла о поручикѣ К. Теперь она по совѣтски выходила замуж за секретаря госпиталя, бывшаго Колчаковскаго офицера.

1 апрѣля.

Скоро Пасха. Невольно вспоминается Пасха дома. Первый раз встрѣтим этот праздник в коммунѣ.

Комиссар был так любезен, что счел нужным попросить меня испечь какія-нибудь мазурки или торты.

Гдѣ будет стоять наш поѣзд? Говорят, что будем уже в Красноярскѣ.

4 апрѣля.

Стоим на станціи Енисей. Красноярск не принимает, говорят: нѣт времени думать о нас. До Пасхи осталось только два дня. Я получила масло, муку, сахар и иду с одной сестрой-еврейкой к желѣзнодорожникам. Там устраиваем пекарню. Я довольна своими новыми обязанностями. Надоѣло уже «ничего недѣланіе». То и дѣло бѣгаю из поѣзда к желѣзнодорожникам и обратно. Меня встрѣчают с озабоченными лицами комиссар и доктор, готово ли и как удалось. Как будто дѣло касалось каких-нибудь важных порученій.

Поздно вечером возвращаемся с сестрой, нагруженныя корзинками, картонками и листами, осторожно неся пасхальныя лакомства.

6 апрѣля.

Пасхальная ночь. Темная, таинственная; издалека доносится звон колоколов. Звонят к заутренѣ. Город мигает тысячами огней измѣнчивых и ярких. Я выхожу на площадку вагона и прислушиваюсь к шуму и говору далекаго города. Перед моими глазами плывет Енисей и желѣзнодорожный мост, переброшенный через эту широкую рѣку, тонет в ночной темнотѣ.

Из окон нашего вагона льется слабая струйка свѣта. Сестры не спят, ждут когда кончится заутреня, чтобы потом по старорусскому обычаю похристосоваться и разговѣться. Сидят онѣ, притихнув в уголкѣ вагона, вполголоса разговаривая.

Пасхальный звон колоколов навѣвает на них воспоминанія.

Большевики наивны, если они думают, что навсегда убьют в каждом человѣкѣ то, что вкоренилось в его душѣ с дѣтства, рано или поздно чечез осеннюю мглу воспоминаній встрепенется тоска о чем то далеком хорошем, связанным с ясными минутами нашего дѣтства... Сестры давно уже служат в красной арміи.

Давно онѣ отрѣшились от всего стараго, подчинились духу времени, а теперь под звон колоколов пасхальных пробудилось у них желаніе встрѣтить этот праздник таким образом, как онѣ встрѣчали его в дни далекаго дѣтства и юности. Не помогли сегодня насмѣшки комиссара, который говорил, что все это буржуазные предразсудки.

Я вернулась в вагон.

«Христос Воскресе» крикнули сестры и мы расцѣловались.

«У нас дома навѣрное никого нѣт, всѣ в церкви» замѣтила одна сестра.

«И у нас тоже» отвѣтила другая.

«Христос Воскресе» басом произнес фельдшер, входя в наше купэ.

«И вы не спите?» спросила я.

Фельдшер виновато усмѣхнулся.

«Нѣт! — Спать не могу. Сегодня больше, чѣм когда либо мы всѣ думаем о домѣ».

Санитар В. принес нам горячій чай, сваренный на желѣзной печкѣ и мы с жадностью выпили горячую влагу, заѣдая холодным мясом и черным хлѣбом.

Разошлись под утро.

7 апрѣля.

Сегодня утром всѣ были приглашены на завтрак в канцелярію.

Вдоль вагона-квнцеляріи был разставлен стол на котором красовались бабы, куличи, мазурки и торты.

Комиссар был в великолѣпном настроеніи. Бодро похаживал около стола, потирая руки и облизываясь. За столом велся оживленный разговор. Днем неожиданно пришел поручик К. в наш вагон, и разсказал нам о своих переживаніях. Ему удалось пробраться на восток, доѣхал он до станціи Зима, а потом скитался.

Колчак был арестован*) и разстрѣлян и с ним вмѣстѣ генерал Пепеляев, который захотѣл раздѣлить участь своего командира и остался при Колчакѣ, тогда как ему, как и другим офицерам дана была возможность уйти.

На востокѣ был фронт за Читой.

На границѣ Монгольской формировались отряды бѣлых.

Всѣ эти свѣдѣнія были для нас новостью, т. к. мы не имѣли газет и ничего не знали, что происходит на бѣлом свѣтѣ.

8 апрѣля.

Поручик К. не имѣл документов, а хотѣл пробраться в город, там попытать счастья. Санитар В.

---

*) Картина смерти адмирала Колчака во дворѣ Иркутской тюрьмы по разсказам и описаніям многих лиц рисуется слѣдующим образом: комиссары рано утром, 7 февраля 1920 года, вывели из камеры во двор тюрьмы адмирала Колчака. Адмирал хранил полное самообладаніе, вынул папиросу, закурил ее, отдав серебряный портсигар одному из красноармейцев конвоя. Спокойствіе адмирала так подѣйствовало на красноармейцев, что они не исполнили команды комиссара и не стрѣляли. Тогда адмирал, отшвырнув докуренную папиросу, сам отдал приказ стрѣлять По его собственной командѣ красноармейцы и произвели залп, прекратившій жизнь одного из лучших сынов Россіи.

(Прим. редакц.)

уступил ему свои документы и рѣшено было, что поручик К. пробудет у нас день или два, а потом пойдет в город. Он ночевал у нас в вагонѣ, прячась от персонала госпиталя. Однако его замѣтили и доктор спросил «какой это гость у вас уже второй день сидит.»

Удалось соврать, и сейчас же попрощаться с нашим неожиданным гостем, который встрѣтился с Малиневским и остался у него в качествѣ работника в совѣтском имѣніи.

12 апрѣля.

Нѣкоторые офицеры узнали о нашем существованіи в поѣздѣ и вечерами приходили к нам голодные, больные.

Санитар В. варил чай, подогрѣвал припрятанный от обѣда суп, и угощал усталых гостей.

Помню пришел один, это был скелет. Лицо обросло настолько, что родная мать не узнала бы его. Он днем скрывался иногда у желѣзнодорожников, иногда сидѣл или спал, забираясь под шпалы или дрова, которые в огромном количествѣ были разложены за станціей.

Удалось и его переправить к Малиневскому в имѣніи, у котораго находилось уже 7 человѣк офицеров.

23 апрѣля.

Мы уже в городѣ живем у Малиневских. Они живут еще в городѣ, только сам Малиневскій ѣздил в имѣніе наблюдать за работами. Живут Малиневскіе в той же маленькой комнатѣ.

Я и Леля каждое утро ходили вымѣнивать вещи на провизію, а потом у нас начиналась домашняя уборка и обѣд. Муж ничего общаго уже не имѣет с госпиталем.

Предложили ему ѣхать в деревню закупать лошадей.

Предсѣдателем ремонтной комиссіи был назначен князь Лев Голицын. (Тот который ѣхал с нашим эшалоном, а потом на лошадях до Ново-Николаевска и далѣе.) Муж охотно согласился ѣхать и теперь мы мечтали о том, что лѣто удастся провести вмѣстѣ, гдѣ нибудь в деревнѣ.

30 апрѣля.

Сегодня уѣхал муж на пароходѣ, я осталась временно у Малиневских, т. к. первая поѣздка ремонтной комиссіи имѣла цѣль ознакомленія, а недѣли через три предполагалась поѣздка почти на все лѣто вдоль Енисея и Чулыма.

10 мая.

Прошло полторы недѣли, а о мужѣ не было никаких извѣстій. Безпокойство закрадывалось в душу. Может быть с ним случилось что нибудь в дорогѣ. Крестьяне озлоблены, могли их встрѣтить с вилами.

А может быть муж арестован? И этого не долго ждать в совѣтском государствѣ. Тут вѣдь никто не знает, будет ли он жив завтра.

Еще подожду день-два и начну искать мужа.

Первый мой визит будет к Голицыным, гдѣ я надѣюсь имѣются какія нибудь свѣдѣнія от князя. Если же нѣт, то пойду в Санитарное Управленіе, а послѣдній мой визит будет в Чека. В это самое страшное учрежденіе, гдѣ и правды будет трудно добиться.

12 мая.

Сегодня первый визит. Иду в гостиницу, гдѣ живет семья князя Голицына. Навстрѣчу мнѣ вышла высокая. сѣдая дама. Ея величественная фигура говорила о том, что передо мной стоит дѣйствительная аристократка, это сказывалось во всѣх ея движеніях и жестах. В ней я узнала тещу князя Голицына. Привѣтливо, улыбаясь, успокаивала она меня, говоря, что ничего не случилось. Писем же нѣт, благодаря аккуратности большевистской почты.

—«Жена князя лежит больная возвратным тифом. Я и внуки дежурим около больной, мечтаем всѣ и вѣрим, что удастся нам всѣм уѣхать на лѣто в деревню. Вѣрьте и вы, что ничего страшнаго не случилось с вашим мужем». Закончила добрая старушка.

Ободренная я вернулась домой.

14 мая.

Возвратился мой муж сегодня утром. Я ходила встрѣчать его, а, придя домой, нашла два письма от мужа, которыя почта доставила по назначенію на двѣ недѣли позже, чѣм должна была доставить. Муж был доволен, что вернулся, однако несмотря на радость встрѣчи, я увидѣла, что его лицо омрачает какая то мысль. И когда мы остались одни он сказал:

«Князь Голицын арестован».

А потом разсказал слѣдующее:

Ремонтная комиссія состояла из: предсѣдателя князя Голицына, двух членов комиссіи, дѣлопроизводителя и комиссара, парня из деревни, едва умѣвшаго писать, не растававшагося никогда с гармошкой. Но видно такое наше счастье, что и этот комиссар был безобидный, он больше походил на человѣка, плывущаго по теченію.

Обольщенный обѣщаніями большевиков ему представлялось, что жизнь комиссара рай.

Вся комиссія ѣздила из деревни в деревню, гдѣ крестьяне сначала недружлюбно встрѣчали, думая, что комиссія пріѣхала мобилизовать лошадей. Но позднѣе, когда узнали, что за лошадей будут платить деньги, охотно приводили лошадей и приглашали к себѣ на квартиру членов комиссіи.

Князь остановился на одной квертирѣ с мужем и часто говорил ему, что мечтает только о том, как бы ему скорѣй выбраться из города.

Здѣсь в деревнѣ он будет спокойнѣе за свою жизнь и жизнь своих близких. «Готов работать без устали, чтобы имѣть угол, кусок чернаго хлѣба и увѣренности в том, что жизнь наша не на волоскѣ» —говорил князь.

Увы! мечты его не сбылись. Однажды послѣ ужина князь сидѣл с мужем и мирно бесѣдовал. В комнату неожиданно вошел комиссар комиссіи, а за ним другой мужчина, одѣтый в солдатскую шинель. Этот послѣдній подошел близко к князю и проговорил:

«Собирайтесь! вы арестованы!»

Князь задал нѣсколько вопросов агенту чека, спрашивая его о причинах ареста. Агент уклончиво отвѣчал что то, прося скорѣй собираться. «Парфентій», так звали мы комиссара комиссіи, вызвался сопровождать князя, чтобы в чека помочь ему. «Надо выгородить честнаго человѣка» — так выразился «Парфентій». В этом поступкѣ «Парфентій» высказался протест против насилія, в нем не было классовой ненависти.

«Князь ли он или простой мужик, все равно, лишь бы честный человѣк, порядочный, и такого жалко».

Но напрасны были старанія Парфентія. Князь был отвезен сначала в Ачинск, потом в Красноярск и тут был заключен в тюрьму. «Что теперь с князем? Когда его освободят и освободят ли?»

Закончил муж свое повѣствованіе об арестѣ князя.

С этой печальной новостью пошел муж предупредить Голициных, но там уже знали о постигшем их горѣ. Жена князя, едва оправившаяся послѣ тифа выглядѣла как тѣнь, едва держась на ногах. Ея мать не отдавала себѣ еще отчета в том, что случилось.

Она успокаивала всѣх, говоря, что тут произошло недоразумѣніе и что князя скоро выпустят из тюрьмы.

Моего мужа встрѣтила со слѣдующими словами:

«Моего зятя освободят. Я вѣрю в это. Вы знаете! Я теща его, но хотѣла бы имѣть таких сыновей, как он.

Такого порядочнаго, такого честнаго, такого добраго отца, мужа и сына трудно найти.

Рѣдко, когда теща отзывается так о своем зятѣ.

Мнѣ кажется, что большевики признают свою ошибку и освободят его. Он ничего не сдѣлал им злого. Он для семьи пожертвовал всѣм: своими убѣжденіями, своим долгом. Он никогда не участвовал в политических партіях и я вѣрю, что его освободят».

Как наивна была эта вѣра!

Бѣдная старушка! Не знала она, что кто попадает в об‘ятіе тюремных стѣн, не выходит оттуда так скоро.

18 мая.

Сегодня мы получили извѣстіе, что семья Голицыных выселена просто на улицу и не только цѣнности, но и часть бѣлья было взято агентами чека. Пришел Парфентій сконфуженный, мрачный. Он уже знал, что семью Голицыных выселили. На наш вопрос:

«Скоро ли выпустят князя?»

Парфентій виновато, несмотря нам в глаза, проговорил:

«Не знаю! Обвиненій ему никаких не пред‘явлено, одно только, что он князь.»

Я не могла скрыть своего возмущенія и на мой вопрос, почему он, зная князя, как человѣка внѣ политики, не может заступиться. Вѣдь «комиссар-коммунист» много значит:

«Я что же!? Я человѣк маленькій. Я бы его и не арестовывал, уж очень он хорошій человѣк и семью его жалко. Но наша коммунистическая задача (при этих словах Парфентій поднял нос на двѣ четверти выше) требует уничтоженія интеллигенціи. Недаром говорится «мы новый мір построим».

С презрѣніем посмотрѣла я на героя коммунизма, принадлежавшаго к строителям новаго міра, новой жизни на трупах и крови невинных людей.

Когда Парфентій вышел, муж обратился ко мнѣ со словами.

Этому комиссару жаль князя, а что скажут тѣ, которые его близко знали. Никогда не забуду слов князя:

«Меня навѣрное многіе упрекают в том, что я не принимаю активнаго участія в борьбѣ с большевиками.

При Колчакѣ я тоже был в санитарной части. Ужасную душевную борьбу пережил я, пока пришел к заключенію не выступать автивно против большевиков и вообще не принадлежать ни к какой партіи.

Во мнѣ жило два «я». Одно «я» шептало, что мой долг бороться с той кучкой авантюристов, которые губят отечество, не раз этот голос твердил, что мое мѣсто в рядях борцов за Русь Святую.

Но другое «я» говорило, что кто имѣет 6 человѣк дѣтей и воспитанницу, (она самая старшая 16 лѣт), больную жену и старушку тещу, тот не имѣет права ради своих убѣжденій подвергать их насилію, репрессіям со стороны большевиков. На кого я их оставлю?

Эта двойственность, эта душевная борьба не давала мнѣ покоя до тѣх пор, пока не пересилило отцовское чувство.

Если меня и арестуют большевики, то по крайней мѣрѣ перед семьей моя совѣсть будет чиста,

что я ничего такого не сдѣлал, что могло бы вызвать мой арест».

24 мая

«Опять визит Парфентія»—подумала я, увидѣв идущаго к нам комиссара.

«Может быть что-нибудь веселаго скажете? Может быть скоро поѣдем? А что с князем? Вы Парфентій Васильевич все-таки должны заступиться, попросить за князя. Вѣдь сами видите, что это невинный человѣк».

Говорила я без умолка, занимая разговорами своего непрошеннаго гостя.

«Должны! Должны», — передразнил меня Парфентій,

«Ничего я не должен, а главное ничего уже не поможет т. к. князь сегодня утром умер в тюрьмѣ».

«Разстрѣлян!» - тихо сказала я.

«Нѣт! Нѣт! Умер! Хворал тифом и умер».

«А семью видѣли? Знают они об этом?» —задавала я вопросы.

«Семью не видѣл! А знает ли семья о смерти, я не знаю».

Посидѣл Парфентій, поговорили о дѣлах комиссіи с мужем и весело посвистывая, пошел домой. А я не могла успокоиться. Вспомнилась мнѣ старушка теща князя, вѣрившая в скорое освобожденіе своего зятя. Не думало она, что непобѣдимая смерть найдет свою жертву в узких тюремных стѣнах. Зачѣм и за что от него отняли даже право попрощаться с семьей, для которой он жил и поступился своими убѣжденіям?..

29 мая.

Сегодня вечером ѣдем с мужем в командировку. Предсѣдателем ремонтной комиссіи вмѣсто князя Голицына назначен Ермилов, симпатичный говорун, по профессіи топограф. Членом комиссіи наз-

начен был бывшій офицер бѣлой арміи Карпатиков. Добродушный толстяк, лѣнивый, флегматичный. Казалось ничто его не могло ни удивить, ни напугать. Он не заискивал у большевиков, наоборот, говорил им такія вещи, за которыя иной давно бы сидѣл в подвалѣ Чека, а этому все сходило с рук. Он и брата родного вытащил из Чека несмотря на то, что сам каждый мѣсяц ходил регистрироваться в Особый Отдѣл ВЧК.

Парфентій любил подшучивать над Карпатиковым.

«Товарищ Карпатиков! Разстрѣляют вас, как бѣлогвардейца»

«Ска-а-жите ка-а-к пріятно!»—отвѣчает, растягивая в нос Карпатиков.

«Прикажу вас сейчас же арестовать» — дѣланным дрожащим голосом говорит Парфентій. И на всѣ его угрозы бѣлогвардеец отвѣчает с невозмутимым спокойствіем и неизмѣнными словами:

«Ска-а-жите, ка-ак пріятно!»

Итак мы ѣдем в деревню. Там будет спокойнѣе дальше от города, от террора, от ежедневной мысли о хлѣбѣ.

Мы получаем каюту второго класса. Никто не узнал бы в нас буржуев, я разсталась со своей шубой, щеголяла в недавно сшитом пальто из солдатскаго сѣраго одѣяла. А муж одѣт был в френч тоже из перекрашеннаго одѣяла.

Пара совѣтских пролетаріев!

Я выходя из каюты, осматривалась кругом, желая увидѣть совѣтских пассажиров. Но их не было. Рядом в каютѣ ѣхали чекисты, потом какіе то отвѣтственные работники, комиссары, политруки, обвѣшанные револьверами, кинжалами и т. под. орудіями.

С нами ѣхал наш санитар В., котораго удалось втянуть в число «сопровождающих».

Не успѣла я распаковать вещи, как услышала стук в дверь и в дверях показался Парфентій с неизмѣнной спутницей-гармошкой.

«Нас ждет концерт»—подумала я.

Минут через пять Парфентій, заложив ногу на ногу, покачиваясь запѣл, играя на гармошкѣ:

„Картошку копать не моя работа"...

услышали мы русскія частушки.

Прошел час-полтора, неутомимый пѣвец трезвонил нам в уши и слегка охрипшим голосом выводил трели:

„Не кукуй кукушечка! Женится мой душечка.
Женится, вѣнчается, вся любовь кончается".

А у нас на душѣ, что называется «кошки скребли».

Хотѣлось быть дальше от такого общества, гдѣ мы себя чувствовали, как овцы в волчьем стадѣ.

Вечер майскій, теплый, напоенный душистым запахом весны спускается на землю.

«Наш» пароход дает послѣдній свисток, стучит машина, колеса плещутся в водѣ. Мы отдѣляемся от берега.

Уже не видно города.

Луна серебряная, загадочная окутывает своим холодным блеском высокіе берега Енисея.

В темно-сѣром полумракѣ таинственно темнѣет гранитный хребет, тянувшійся вдоль берега.

Оттуда несется запах сосны, смѣшанный с запахом воды. Кое-гдѣ дремлют старыя хатки. Одинокія, маленькія, затерявшіяся в хаосѣ сѣрых угрюмых скал, издалека кажутся карточными домиками.

Все замирает и спит. Загадочно искрясь плывет волна за волной. Плеск колес и тихій шум воды разсказывает нам легенды, а напряженный слух ловит всѣ звуки, эту тихую, туманную пѣсню ночи.

Сижу убаюканная...

И забываю о своих невзгодах.

Что я? Маленькая букашка с маленькими невзгодами и горем в сравненіи с Величественным и Высшим в природѣ, недосягаемым нашему уму.

Пароход несет нас в сонную сѣрую даль и там мерещится нам новая жизнь.

Что-то она нам даст?..

СЕРГѢЙ КАРАЧЕВЦЕВ

СУД И ЖИЗНЬ

Громкіе уголовные процессы за послѣдніе пятьдесят лѣт в русских судах.

стр. до 300. Цѣна 2 лата.

Труд посвящен одному из самых блестящих представителей русской адвокатуры Николаю Платоновичу Карабчевскому. Одаренный умом и талантом, способный влечь к себѣ сердца в прекрасном, литературном, образном и звучном словѣ Ник. Платонович в судебной средѣ, в общественной дѣятельности и литературных выступленіях всегда искал истины и справедливости, поэтому имя Карабчевскаго хорошо извѣстно не только каждому русскому юристу, но и всякому образованному человѣку.

Лѣто 1925 года Карачевцеву пришлось провести в Ниццѣ совмѣстно с Н. П. Карабчевским, гдѣ не один вечер прошел в увлекательной бесѣдѣ и переворачиваніи страниц памяти... тогда же зародилась идея обработать и издать ряд чисто судебных воспоминаній Николая Платоновича...

К сожалѣнію эмигрантскія обстоятельства и смерть, унесшая в могилу в 1927 году Н. П. Карабчевскаго не дала возможности осуществить это. Теперь, выпуская свой труд С. Карачевцев должен довольствоваться тѣм, что ему удалось запомнить и отмѣтить из бесѣд с обоятельным Николай Платоновичем.

Карачевцев в книгу также включает описанія ряда сенсаціонных процессов, в которых тріумфально выступал Карабчевскій или которые интересовали его с своей юридической бытовой и психологической основой.

Содержаніе книги:

Памяти Н. П. Карабчевскаго «Около правосудія» Кто убил Сарру Бекер? Несчастный случай или убійство? Убійца ли граф Богдан Роникер? Вокруг милліонов Огинскаго. Студент — грабитель. Убійство артистки Висновской Доктор отравитель Еврейское жертвоприношеніе. Замѣчательный подсудимый и др. (в печати.)

Зима 1928 г.

Книгоиздательство „ORIENT“

Rīgā, Brīvības ielā № 36 Tel. 21645 Почт. ящ. 566

Генеральные представители:

Ksiegarnia

„Lektor“

Wilno, ul. Mickiewicza 4.

книжный магазинъ

А. Пташеко,

Ковно, Президенто № 6

1 латъ равенъ 2 литамъ, 75 эст. марк.

Типографія „Vārds“ Рига.

СТЕФАНІЯ ВИТОЛЬДОВА-ЛЮТИК

На восток

Безхитростное и правдивое описаніе одного из эпизодов Великой Русской Революціи и тѣх неизгладимых переживаній, которыя выпали на долю автора и группы близких ей лиц — вот содержаніе настоящей книги.

Что-бы правильно судить о недавнем прошлом, чтобы его понимать и уяснить, необходимо возможно полнѣе и подробнѣе ознакомиться съ тѣми внутренними условіями, при которых это прошлое протекало.

Все написанное въ мемуарах Витольдовой — результатъ лично-пережитаго. Не принадлежа ни къ какой партіи, будучи простой скромной обывательницей, автор особенно цѣнен, как объективный лѣтописец потрясающих всякаго читателя событій.

Бѣгство почти через всю Сибирь от настигающих банд красной арміи, всѣ тѣ ужасы, которыми сопровождались моменты судорожной борьбы бѣлых—ярко переданы автором.

Попутно Витольдова касается дѣятельности Чехо-Словацкаго корпуса, который играл большую и роковую роль в направленіи и исходѣ борьбы адмирала Колчака за національное возрожденіе Великой Россіи.

Живо передан в мемуарах трагическій конец польской дивизіи, ея офицерскаго состава, солдат и их семей, когда благодаря предательству свыше двух тысяч офицеров и солдат были посажены большевиками за проволоку и часть из них была отправлена в сибирскіе рудники, а семьи — женщины и дѣти были выброшены из вагонов на тридцатиградусный мороз.

До 200 стр. на лучшей бумагѣ. Цѣна 1 лат.

СЕРГѢЙ КАРАЧЕВЦЕВ

Гвардіи ротмистр

Стр. 179 Цѣна 1 лат.

I ч. „ТРОКАДЕРО".
II ч. „ПОД РОКОТ ВОЛН".
III ч. „НА ПЕРЕВАЛѢ".
IV ч. „КАТАСТРОФА".

Сюжетом этого увлекательнаго романа послужили дѣйствительные факты. Это и придает роману особенную пикантность и острый интерес, как „человѣческій документ".

Необычайная исторія героя, гвардейскаго ротмистра, в эмиграціи ставшаго лакеем, судимаго и осужденнаго за убійство, бѣжавшаго из тюрьмы и вновь заключеннаго и в концѣ-концов освобожденнаго и получившаго высокое дипломатическое назначеніе.

Перед читателем проходят не только ряд уголовных типов, но и эмигрантов, дипломатов и ряд лиц разнообразных профессій и званій. Попутно набросаны картины Русскаго Императорскаго Двора, Жизнь Царской семьи в интимном кругу.

Много Карачевцевым удѣлено любви в разных видах и формах, причем вездѣ соблюдена мѣра и нигдѣ дозволенныя границы не перейдены, хотя автор и подходит к ним очень близко.

Роман изобилует діалогами и написан очень бойко. („СЕГОДНЯ").

Н. А. ЛЕЙКИН

НАШИ ЗАГРАНИЦЕЙ

Юмористическое описаніе поѣздки супругов
Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых
В ПАРИЖ И ОБРАТНО

33-е изданіе стр. 231 Цѣна 1 лат.

Анри Деберли

Мужчина и еще один . . .

Роман удостоен Гонкуровской преміи. Стр. 196.

Перевод А. Коссовича Цѣна 1 лат.

Доманская в „Сегодня“ пишет:

Тема настоящаго произведенія щекотливый и злободневный вопрос о „третьем полѣ“.

Оба в сущности мужчины и постигла их непріятность, исключительная даже в наши богатые всякими непріятностями дни: парусная шхуна, на которой они плыли—один по долгу службы, другой по праздной прихоти—потерпѣла крушеніе, большая часть экипажа пошла на консервы акулам, а этих двух выбросило на необитаемый, заросшій густой великолѣпной тропической растительностью остров. Современные Робинзоны начинают устраивать свою жизнь куда искуснѣе Робинзона давняго. За ними долгій стаж, продѣланный человѣчеством: они несравненно быстрѣе своего предка оріентируются на пустынном островѣ, находят пищу, устраивают сносное жилье. От Робинзона Крузо Виктора Луша и его товарища по несчастью де Жиля отличают нѣсколько повышенныя потребности. Им нужно вино, сыр, газеты, синема, женщины...

И вот под тропиками, на пустынном островкѣ совершается то, что и в европейских столицах, не в большом почетѣ и не очень поощряется законом.

Газета „Сегодня Вечером“ пишет, что согласно статистическим данным среди мужчин от 18 до 50 лѣт имѣется 3% гомосексуалистов, и значит только на одну Германію приходится таким образом свыше милліона людей „третьяго пола“.

В своем оригинальном произведеніи Анри Берлье, взяв в основу необыкновенную, но жизненную интригу, дает яркую картину того, как в силу сцѣпленія ряда обстоятельств герой романа становится гомосексуалистом, развращает душу и тѣло своего случайнаго друга и... Автор выносит свой пламенный суд пороку, который принял в современном обществѣ размѣр и характер настоящаго соціальнаго явленія, проявляющагося совершенно открыто.

СТИВЕНСЕН

От улики до скамьи подсудимых

Перевод с англійскаго под редакціей извѣстнаго судебнаго дѣятеля К. МАРК.

Стр. 300. Цѣна 2. лат.

Знаменитый криминалист в своей новой книгѣ, сразу получившей большой и заслуженный успѣх в Англіи и Америкѣ описывает цѣлый ряд загадочных и необыкновенных преступленій совершенных за послѣдніе 50 лѣт на обоих полушаріях міра и пріемы способы обнаруженія преступника, а также случаи когда правосудіе покорало невинных. Это не описаніе подвигов Шерлок Холмса, Пинкертона и др. выдуманных романистами героев-сыщиков, а подлинныя драмы жизни, взятыя из донесеній начальников сыскных полицій и почерпнутыя из архивных данных судебных слѣдствій и т. д.

Всѣ эпизоды захватывают читателя с первой же строки до послѣдней и представляют жизненный интерес не только для юриста, полицейскаго и судейскаго, но для широкаго круга читателей.

Этим обясняется, что в короткое время книга выдержала пять изданій.

I-я часть. Ничтожныя улики открывают большія преступленія.

1 Три каштановые волоса.
2 Кирпич в саду
3 Четыре булавки
4 Мѣтка на бѣльѣ
5 Фитиль из шерсти
6 Поцарапанный рѣзец

II-я часть Тайны над которыми задумался мір.

7 Похищеніе Чарли Росса
8 Странный случай с Елизаветой Кеннинг
9 Исчезнувшій жених
10 Пропавшая женщина-врач
11 Что случилось с Офен Парфид?
12 Похищенный лорд . . .

III-я часть. Когда правосудіе заблуждалось. Невинно-осужденные.

13 Дѣло Бека. Дѣло отравленных пирожками.
14 Обман на биретѣ. Тайна маленькой „ИТАЛИ“

IV-я часть. Ужасы проѣзжих дорог. Харчевня убійств. Контрабандисты и грабители больших дорог.

15 Синяя комната в харчевнѣ „Страус". Кровать, скрывшая золотой клад. Убѣжище грабителей.

16 Странный случай с пирожником Клиборнгом. Скачки не на жизнь, а на смерть.

17 Два грабителя джентельмена. Трактирщик-мертвец. Убійство в „Чашѣ Дьявола"

18 Поѣздка в Іорк „Быстраго Ника". Тайник убійц в прежніе дни.

V-я часть. Убійство посредством почты.

19 Капитан Крейстон и Мери Бленди. Госпожа Вейс. Ряд современных случаев.

20. Смертоносное письмо. Разбойник Бабу. Адскія машины. Разорвавшаяся сигара. Смерть на крестинах. Отравленные микробами.

VI-я часть. Историческія тайны и преступленія.

21 Кто он: король или кондитер?

22 Кто был Гиспар Гаузер.

23 Дѣло с брилліантовым ожерельем.

24 Человѣк в желѣзной маскѣ Похищенный посланник. Кто убил Розу Делякур?

25 Мятеж на крейсерѣ „Бойт". Бунт на пароходѣ. „Движущаяся земля"

VII-я часть. Преступленія любви и страсти.

26 Потухшая лампа.

27 Загадочный дом Шеперст Бутэ.

28 Загадка дюн. Тайна жестянного сундука. Ради любви и друг.

ЭМАНУИЛ БУРСЬЕ

Клѣтка для женщин

Знаменитый современный писатель посвятил много времени на изученіе нравов и своеобразнаго быта крупных женских тюрьм Франціи.

Названіем „Клѣтка для женщин" Бурсье необыкновенно мѣтко охарактеризовал то безнадежно-тяжкое, безпросвѣтное

существованіе заключенных женщин, которое тѣ влачат в французских тюрьмах.

Живо и занимательно приведены исторіи жизни, приступленія и встрѣчи с узницами среди которых знаменитыя героини громких процессов, как госпожа Штенгель, заподозренная в отравленіи президента республики или убійца дочери своего сына милліонерша Леферб, осужденная к смертной казни и друг.

До 200 стр. (в печати). Цѣна 1 лат.

С. Карачевцев

1200 анекдотов

армянских, еврейских, совѣтских и французских.

„Анекдоты надо умѣть разсказывать и трудно их передать на бумагѣ. Хорошій анекдот лучшая приправа к бесѣдѣ — и человѣк умѣющій разсказывать занимательные анекдоты всегда будет в обществѣ желанным гостем.

Император Николай II любил хорошій анекдот и передают, что Кассо своим министерским мѣстом в значительной степени обязан умѣнію разсказывать анекдоты.

Карачевцев, высыпавшій сразу цѣлых 1200 анекдотов, из которых правда часть, так сказать, для „курящих“, безусловно в царскія времена был бы или министром просвѣщенія или оберпрокурором Синода. Каждый, кто хочет имѣть в свѣтѣ успѣх, обязан пріобрѣсти „1200 анекдотов“.

(„Ригаше-Рундшау“)

200 стр. Цѣна 2 лата.

Женщины в жизни Наполеона

Яблоновскій пишет в „Рулѣ“:
В Парижѣ вышла новая и очень интересная книга Артура Леви:
„Наполеон в интимной жизни“.

Книга составлена по новым документам и рисует сердечную жизнь великаго человѣка, начиная с ранней юности.

Думается, что и русским читателям будет интересно перебрать в памяти это великое прошлое, гдѣ было так много удачи и так мало простого человѣческаго счастья.

Книга распадается как бы на двѣ части:
I-ая: Человѣк долга — гдѣ проходит вся жизнь Наполеона со дня рожденія его, отношеніе к обществу и людям и, II-ая — Женщины в жизни Наполеона — тут его переписка с тѣми, кого он любил и кто дарил его любовью или безстыдно обманывал.

Цѣна 1 лат.

Принцесса Мюрат.

Любовныя утѣхи Екатерины Великой

Цѣна 1 лат.

Принцесса Мюрат не писательница-профессіоналка, а дама высшаго круга Франціи, близкая к Русскому Императорскому двору, но книга ея написана чрезвычайно бойко и занимательно.

Титулованный автор использовав свои связи, получил возможность в своей книгѣ опубликовать из секретных архивов министерства иностранных дѣл новые, впервые попадающіе в печать факты и матеріалы из интимной жизни Великой Императрицы.

Содержаніе глав:

I. На полянѣ. II. Дѣвственность под надзором. III. Бал с метаморфозами. IV. Властитель сердца. V. Любовь и политика. VI. Морастырь или альков. VII. Междуцарствіе. VIII. Ва—банк. IX. Претенденты. X. Афродизіазм. XI. Комета. „Руль"

Морис Левль

ГОРОД ВОРОВ

Криминальный роман, в котором автор описывает тайную воровскую организацію работающую в міровом масштабѣ, имѣющую в больших центрах собств. универсальные магазины для сбыта краденого и свой город-курорт, на который съѣзжаются члены шайки для отдыха и т. п. Дѣйствіе романа перекидывается из Парижа в Екатеринбург и в Америку.

Книга снабжена красочной репродукціей с картины худ. Сармата: „убійство царской семьи".

Цѣна 1 лат.

Поль Ребу

Интимная жизнь мадамъ Дюбарри.

Стр. 169. Перевод с французскаго К. МАРК. Цѣна 1 лат.

Автор, базируясь исключительно на истор ич ских данных, до сих пор нигдѣ не опубликованных, в блестящем діалогѣ разсказывает нам о необыкновенной жизни красавицы графини Дюбарри, знаменитой фаворитки короля Франціи Людовика XV.

Могущественный монарх Европы Людовик XV всецѣло подпал под вліяніе женщин. Послѣдней из них была графиня Дюбарри, которая игрой судьбы была возведена из скромной продавщицы в всесильныя подруги короля. Никому неизвѣстная внѣбрачная дочь портнихи Арны Бекю и францисканскаго монаха сыграла крупную роль в судьбѣ Франціи и Европы.

Придворная жизнь графини Дюбарри, также как и ея трагическая смерть на гильотинѣ необычайно живо описаны автором. Картины распущенных нравов королевскаго двора и ужасов революціи развертываются перед читателем.

Большой интерес представляет приведенная в книгѣ переписка Дюбарри с Вольтером „Слово“

Анри де Жувенель

Бурная жизнь Мирабо.

Стр. 240. РОМАН Цѣна 1 лат.

— Из послѣдних выдающихся Парижских литературных новинок.

Как живой перед читателем выростает Мирабо — порывистый, страстный, своевольный с постоянной жаждой знанія, упорный в трудѣ и быстро все схватывающій, один из самых знаменитых ораторов и политических дѣятелей Франціи эпохи Великой революціи.

Созваніе генеральных штатов открывает для Мирабо обширную арену достойную его генія. По мѣрѣ развитія событій популярность Мирабо растет. (В печати)

Р. фон Рейнфельден.

Роман сестры императора и Александра Зубкова

200 стр. С фотографіями. Цѣна 1 лат.

Из вагона IV класса в шурины имп. Вилгельму — такова необычайная судьба русскаго эмигранта

Высочайшій смотр в Гомбургѣ. Любовныя грезы. Берлинскіе конфликты. Убійство русскаго царя. Два міровоззрѣнія. Женщина безупречная во всѣх отношеніях. Часы обѣтов и мечтаній. Молодой орел расправляет крылья. Месть за Филипполь.

Побѣда и катастрофа. Финал любви. Студент из Ивано-Вознесенска. В водоворотѣ міровых событій. Красныя ночи — бѣлые студенты. Безродный бѣглец Погром. Предательство и травля. Нищета. Золото в морѣ. Заходящія звѣзды. В фильмовой уборной. Под стеклянным куполом. Демоны Берлина. Судомойка в отелѣ. Принцесса и конец одной житейской повѣсти.

Истинным трагизмом и быстро развивающимися событіями книга сильно захватывает и увлекает читателя.

Арон Симанович

Распутин и евреи

Стр. 200. Цѣна 1 лат.

Воспоминанія секретаря Распутина Арона Симановича, который будучи мелким Кіевским ювелиром проник в придворн ые круги и сдѣлался ювелиром Императрицы и фактически не только был секретарем Распутина, но и его руководителем.

Симанович с фотографической точностью дает нам лицевую и интимную сторону необычайной карьеры „сибирскаго старца“ и вмѣстѣ с тѣм он красной нитью проводит через всю книгу старанія извѣстных кругов всякими мѣрами добиться разрѣшенія еврейскаго вопроса, а также нападки на вел. князя Николая Николаевича за проводимую им политику гоненія на еврейство в сферѣ военных дѣйствій.

Попутно он разсказывает, а в нѣкоторых случаях опровергает ходячія сплетни и слухи из жизни царскаго дворца.

(В печати).

Корде

Двойной риск любви

Роман на половую нроблему с 10 иллюстраціями.

252 стр. Цѣна 1 лат.

Путь мужчины к женщинѣ труден и сложен. Поэт-драматург, окруженный славой, мысли котораго в радужном сіяніи но·ились над безчисленными то п ми женщин в разных позах, женщин нагих и одѣтых, гордых и скромных, стремились к ним ласкали их. Но пройдя бурный горькій путь жизни и кончая разсчеты с этой жизнью, Мирра пишет своему незаконнорожденному сыну:

— Мой маленькій, дорогой мальчик!

— Вот мой завѣт тебѣ, когда ты ɪырастешь. Запомни! Никогда не думай, что любовь доступна, легка или что она часто встрѣчается на землѣ...

„Руль“.

Конан-Доль «Круг в треугольникѣ». Дедективный роман. Стр. 215. Цѣна 1 лат.

Р. Ренар «Новый Прометей». Роман.

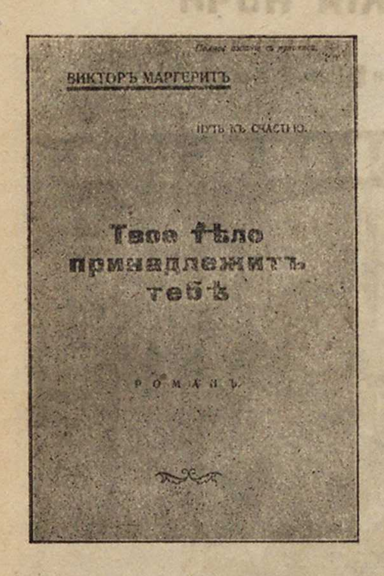
240 стр. Цѣна 1 лат.

В. Маргерит

Твое тѣло принадлежит тебѣ

Сенсаціонный роман. Стр. 270. Цѣна 1 лат.

В предисловіи к своему знаменитому роману Маргерит пишет

„Прогресс будет оставаться пустой игрой в дурачки до тѣх пор, пока половой вопрос не будет рѣшен в интересах жены и матери.

Вопрос извѣстный. Он обуславливает соціальную проблему. Он существует вездѣ, воплощенный в правах и законах. Рѣшеніе этого вопроса? — Его надо уничтожить".

Ни одна книга не встрѣтила такого сочувствія и вражды, как роман „Твое тѣло принадлежит тебѣ".

Начали кричать, что книга вверх неприличія и цинизма — другіе так же яростно начали ее защищать.

В концѣ 1928 года Маргерит написал новый роман

Скот человѣческій

(Любовь за любовь) который является как бы продолженіем ром. „Твое тѣло принадлежит тебѣ". В этой книгѣ романист отвѣчает на слѣдующіе интригующіе каждаго человѣка вопросы:

— Ищешь ли ты любви?
— Несчастен ли ты?
— Ты боишься смерти?

Стр. 236. Цѣна 1.50 лат.

В. МАРГЕРИТ

Холостячка

Стр. 250. Цѣна 1 лат.

Страсть и золото

Стр. 260. Цѣна 1 лат.

Ж. КЕССЕЛЬ

Княжескія ночи

246 стр. Роман. Цѣна 1 лат.

„Княжескія ночи" произвели настоящую сенсацію и больше всего, конечно, среди русской эмиграціи. Это понятно,—тема новаго романа—жизнь и среда этой эмиграціи.

Кучка людей, которых ураган революціи выбросил на Монмартр, гдѣ они и затонули, конечно не вся русская эмиграція трудящаяся, бѣдствующая покорно, но гордо, с достоинством, несущая бремя своего существованія.

Атмосфера романа и его фон — ночная жизнь монмартрских русских кабачков, их кліентов—пьяных американцев и служащих отставных полковников (метр-д'отель), офицеров (танцовщики), кавказских князей (повар) и всяких иных „бывших людей". И всѣ, как кліенты, так и служащіе — женщины и мужчины —пьют. Подкупает русскаго читателя — сокрушенная жалость автора к своим печальным героям и благородное желаніе во что бы то ни стало выявить свѣтлыя стороны русской души, погрузившейся на дно жизни. Книга написана легко и увлекательно — прекрасно переведена К. Марк. („Сегодня").

Д-р Т. Ван де Вельде
Директор Женской Клиники в Гарлемѣ

Техника брака

(Современный брак. Опыт изслѣдованія и техники.) 264 стр. большого формата с 16 отд. цвѣтн. схемами.

Брак переживает кризис — констатирует Ван де Вельде. Значит надо помочь браку, укрѣпить его основы. Главной из таких основ — является чисто сексуальная область.

Арабскій мыслитель Омара Халеви сказал: „для совершенія оплодотворения по божественным законам необходимо полное и всестороннее познаніе всего того, что касается мужчин и женщин“. Бальзак замѣтил: „БРАК — ЭТО НАУКА“.

Сколько браков только по внѣшности счастливых, причем супруги не могут даже найти причину несчастья? Не всѣ рѣшаются на мучительную консультацію врача спеціалиста от котораго они с изумленіем узнают, что все зависит от тѣх или других особенностей их сексуальной жизни—книга Ван де Вельде от такой консультаціи избавляет. Она написана с необычайной обстоятельностью. Сто страниц посвящены описанію органов размноженія, сто страниц трактует о самой „техникѣ“ акта оплодотворенія — содержаніе книги этими отдѣлами не ограничивается.

Цѣль моей книги — пишет он — указать путь к идеальному браку.

Половая жизнь — основа. И повторяю, удовлетворить потребности в этом знаніи и указать путь к гармонически-полным половым отношеніям — цѣль моей настоящей книги, с которой я обращаюсь к врачам и женатым мужщинам.

К врачам потому, что и в этом направленіи они должны были бы помогать людям своими совѣтами.

Цѣна для Латвіи, Эстоніи и Литвы 5 латов, в коленк. переплетѣ — 7 л. Для других стран — 1.50 доллара или 2 долл.

Имя Ал. Толстого, какъ лучшаго современнаго писателя, хорошо извѣстно широкой читающей публикѣ.

Предлагаемая книга, проникнутая новыми исканіями, рисует новый быт сов. Россіи.

В сборник вошли послѣднія произведенія Толстого, увлекательныя по содержанію и изобразительной силѣ, свидѣтельствующія о том, что Толстой жадно ищет обновленія тем и обновленія пріемов мастерства.

Стр. 183. Цѣна 1 лат.

Н. НЕДЛЕР

СИЛУЭТЫ ЖЕНЩИН

Роман в скетчах на сексуальную тему

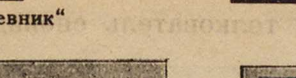
стр. 172 в переплетѣ с золот. тисненіем. Цѣна 1 лат. 50

Ген. Бюа

Германская армія въ 1914-18г.

Французскій генерал в брошюрѣ приводит офиціальныя данныя о разворачиваніи в період Великой войны германской арміи и ея переброски.

100 стр. Цѣна 1 латъ.

В. Пуришкевич

„Дневник“

Стр. 189, с иллюстр. Цѣна 2 л.

К. Зарин

(Кримин. роман)

Стр. 210. Цѣна 1 лат.

Русскій пѣсенник

Ухарь купец

свыше ста популярных пѣсень, романсов и частушек.

Цѣна Ls 0,80.

Тройка. Новѣйшій пѣсенник 1 лат.

Сонник. Полный толкователь сновидѣній 1 лат.

Софія Лазарсфельд

Воспитаніе к браку

(Предбрачная педагогика).

Перевод А. Коссовича.

„Лишь современным успѣхам изученія духовной жизни человѣка обязаны мы тѣм, что с его любовных, а слѣдовательно, и брачных отношеній сорвано покрывало случайности и таинственности что брачная жизнь стала в большей части своей предметом систематическаго изученія и познанія". Автор дает систематическіе отвѣты на тѣ безчисленные жгучіе вопросы и общій обзор современной брачной проблемы. Книга содержит: Мнимое и дѣйствительное равноправіе женщин. Единобрачіе или многоженство. Практика брачных бюро. Недостатки современнаго брака. Половое подчиненіе женщины. Сомнительное отцовство. Мужской протест. **Первыя половыя переживанія.** Проявленіе воли. Женщина в сов. Россіи. Наша молодежь. Совмѣстн. воспитаніе дѣтей. Замужество дѣловой женщины. Новыя формы брака. Душевн. эмоціи климактерич. возраста. Расторжимость брака и т. д.

Цѣна для Латвіи, Литвы и Эстоніи 1,50 лат.

С. КАРАЧЕВЦЕВ.

Сборник новѣйших анекдотов с отдѣлом совѣтскаго юмора.

Анекдот есть живой смѣющійся цвѣток на широком жизненном полѣ.

Чья невидимая рука пересыпала ими человѣческую жизнь?

Кому принадлежат эти забавные кусочки мірского бытія?

Они, как и цвѣты необъятных полей, принадлежат и всѣм, и никому.

Стран. 112. Цѣна 1 лат.

Д-р Т ВАН-ДЕ-ВЕЛЬДЕ

Ненормальности и уклоны в бракѣ

Изслѣдованіе причин их возникновенія и способы их лѣченія и устраненія.

Этот научный труд является продолженіем всемірно-нашумѣвшей книги „ТЕХНИКА БРАКА".

Цѣна 5 лат. (В печати).

Содержаніе:

Предисловіе.

Первый отдѣл.

Происхожденіе уклонов в бракѣ.

Гл. I. Драматическій эскиз (вмѣсто введенія)

Гл. II. Первичные и вторичные половые уклоны.

Гл. III. Мужское и женское начало.

ч. I. Характ. особенности мужского начала.
ч. II. Главнѣйш. свойства женской природы, эмоціональность, обидчивость, неустойчивость, материнство.
ч. III. Сексуальныя различія их и психологич. значеніе.
Гл. VIII. От специфич. отвращенія к брачному развалу.

Второй отдѣл.

Предупрежденіе и борьба.

Гл. IX. Защита брака. Отвѣтственность мужч. и женщ.
Гл. X. О выборѣ супруга: ч. I. Любовь и разсудок, ч. II. Различныя условія, ч III. Здоровье, ч. VI. Характер.
Гл. XIV. О предусмотрительности и приспособляемости.
Гл. XV. Значеніе практической эротики в бракѣ.
Гл. XVI. Заключеніе. Послѣсловіе.

С. КАРАЧЕВЦЕВ

Фрейлина Ея Величества

Интимный дневник и воспоминанія А. ВЫРУБОВОЙ 1903—1928 г.

(стр. 264 Цѣна 1, 50 лат.)

Личный друг и любимая Фрейлина императрицы Александры Феодоровны Вырубова написала свои мемуары, гдѣ она разсказывает о своем дѣтствѣ, как попала к двору, о Царской семьѣ и как проник в дворец Распутин, о его роли в политической жизни страны и Царскаго Села, обстоятельтсва возникновенія Великой Войны, Убійства Распутина, революціи и о своих мытарствах по революціонным тюрьмам. Воспоминанія эти под редакцій Карачевцева полностью вошли в книгу, но кромѣ них он включил и интимный дневник А. Вырубовой, не предназначенный для печати, а случайно обнаруженный в Петроградѣ большевиками. Дневник этот вызвал небывалую ожесточенную полемику как в зарубежной, как и совѣтской прессѣ. Хотя часть зарубежной прессы („Сегодня", „Дни") стала на точку зрѣнія, что „Дневник" в основѣ подлинный, но только подвергся совѣтской „редакціи".

Позднѣе „Дневник" был конфискован, так как идеологія его в защиту „мужицкаго царя" признана контрреволюціонной и 14 человѣк по дѣлу его обработки и опубликованія заключены в подвалы ГПУ.

Книга снабжена многочисленными коментаріями и читается с захватывающим интересом.

Всѣ говорятъ о нашихъ новинка...

Ал. Толстой

Великосвѣтскіе бандиты

В книгу в... произведені... автора:

Великосвѣ...
Авантюри...
Перебійпос...
Московскія н...
Наташа
Василій Сучков
Разговор на балконѣ
Рукопись найденная под кроватью и др.

Цѣна 1 лат.

М. ЛЕБЛАНЪ „8 ударовъ". романъ въ восьми эпиз. изъ необыкновенныхъ похожденій короля авантюристовъ АРСЕНА ЛЮПЕНА Ls 1—

ПУРИШКЕВИЧЪ. „Дневникъ" съ многими фотографіями, съ опис. убійства Распутина Цѣна 2 лата.

Д-ръ Т. ВАН-де-ВЕЛЬДЕ. „Техника брака" (Совершенный бракъ — опытъ изслѣдованія и техники) Книга посвящ. тѣмъ сторонамъ полового вопроса, которые до сихъ поръ обходили молчаніемъ.
Капитальный трудъ снабженъ рядомъ цвѣтныхъ схемъ и діаграмъ.
Цѣна 5 латъ, въ переп. 7 латъ. Для загран. 1 д. 50 ам. ц.

—

„ „Ненормальности и уклоны въ бракѣ". Изслѣдованіе причинъ ихъ возникновенія и способы ихъ леченія и устраненія. (Этотъ трудъ какъ бы продолженіе всемірно-нашумѣвшей книги „ТЕХНИКА БРАКА"). (Въ печати). Цѣна 5 латъ

1 латъ равенъ 2 литамъ — 75 эст. маркамъ.

Книгоиздательство и книжный складъ ORIENTЪ

Рига, ул. Свободы 36. Телефонъ 21645.

Почтовый ящикъ 566